

Министерство образования Российской Федерации
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

А.Г. Смирнова
И.Ю. Киселев

Идентичность
в меняющемся мире

Учебное пособие

Ярославль 2002

ББК Ю95
С 50

Рецензенты:

кафедра политологии ЯГПУ им. К.Д. Ушинского
доктор философских наук, профессор Г.М. Нажмудинов
доктор психологических наук, профессор В.А. Мазилев

Научный редактор:

доктор психологических наук, профессор В.Е. Семенов

Смирнова А.Г., Киселев И.Ю.

Идентичность в меняющемся мире: Учеб. пособие / Науч.
ред. проф. В.Е. Семенов; Яросл. гос. ун-т. Ярославль, 2002.
300 с.

ISBN 5-8397-0204-8

Учебное пособие посвящено проблеме изменения идентичности в условиях происходящих общемировых или локальных политических, социальных, экономических процессов: изменения традиций организации общественных отношений; глобализации; интеграционных процессов, происходящих в современной Европе. Подробно рассматриваются социально-психологические аспекты этнической, национальной и государственной идентичности, межэтнические отношения, а также политические механизмы, апеллирующие к этнической и национальной идентичности. Особое внимание уделено анализу процесса формирования идентичности государства; формированию новых образов государств после окончания холодной войны. Расширены представления о психологических теориях, которые используются при исследованиях идентичности, описаны психологические процессы, формирующиеся у групп и индивидов в ситуациях межнациональной розни, конфликтного противостояния этнических общностей. В заключительной главе рассмотрен процесс формирования идентичности в России и в странах СНГ.

Издание адресовано специалистам в области социальной и политической психологии, студентам и аспирантам, изучающим социальные и политические процессы в обществе переходного периода.

Funding for this book was given by Curriculum Resource Center ("CRC") at the Central European University ("CEU"), whose programs are partially funded by the Higher Education Support Program ("HESP"). The opinions expressed herein are the author's own and do not necessarily express the view of CEU.

ISBN 5-8397-0204-8

© Ярославский государственный
университет, 2002

© Смирнова А.Г.,
Киселев И.Ю., 2002

Оглавление

<u>РАЗДЕЛ 1. ИДЕНТИЧНОСТЬ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ (ВВЕДЕНИЕ)</u>	5
<u>ГЛАВА 1. ИДЕНТИЧНОСТЬ: БАЗОВЫЕ ПОНЯТИЯ И МЕХАНИЗМЫ</u>	6
<u>1.1. Проблема постоянства идентичности</u>	6
<u>1.2. Проблема конструирования идентичности</u>	19
<u>ГЛАВА 2. СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И ИДЕНТИЧНОСТЬ</u>	35
<u>2.1. Индивидуализация и проблема идентичности</u>	36
<u>2.2. Процессы интеграции и идентичность</u>	43
<u>2.3. Проблема идентичности в эпоху глобализации</u>	56
<u>2.4. Идентичность и проблема безопасности</u>	65
<u>РАЗДЕЛ 2. ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ</u>	72
<u>ГЛАВА 1. ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ</u>	74
<u>ГЛАВА 2. ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ПРОЦЕССЫ И ПРИНЦИПЫ</u>	84
<u>ГЛАВА 3. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ РОЗНИ</u>	95
<u>РАЗДЕЛ 3. НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ</u>	103
<u>ГЛАВА 1. ЭТНОС И НАЦИЯ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ</u>	103
<u>ГЛАВА 2. НАЦИОНАЛИЗМ КАК МЕХАНИЗМ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА</u>	114
<u>2.1. Когда мы можем говорить о национализме?</u>	115
<u>2.2. Специфика восприятия парадигмы националистической идеологии</u>	121
<u>РАЗДЕЛ 4. ИДЕНТИЧНОСТЬ ГОСУДАРСТВА</u>	132
<u>ГЛАВА 1. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПЦИИ ОБРАЗА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ</u>	135
<u>1.1. Конструктивистская концепция идентичности государства</u>	136
<u>1.2. Образ как форма восприятия в международных отношениях</u>	146
<u>1.3. Основные концепции образа</u>	159
<u>1.4. Основные этапы эмпирических исследований образа государства в психологии</u>	186

<u>ГЛАВА 2. ОБРАЗ «Я» ГОСУДАРСТВА</u>	195
<u>2.1. Образ «я» государства: проблема операционализации</u>	196
<u>2.2. Проблема самоосмысления и государство</u>	199
<u>2.3. Государства на международной арене: «я» и «другие»</u>	208
<u>ГЛАВА 3. ИЗМЕНЕНИЕ ОБРАЗОВ</u>	224
<u>3.1. Изменение образа как научение: роль экспертного знания</u>	225
<u>3.2. Изменение образов: что происходит при разрушении взглядов на мир?</u>	233
<u>РАЗДЕЛ 5. ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ: ПУТИ И РЕЗУЛЬТАТЫ (ЗАКЛЮЧЕНИЕ)</u>	245
<u>ГЛАВА 1. НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ПОПЫТКИ КЛАССИФИКАЦИИ</u>	246
<u>ГЛАВА 2. ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ</u>	256
<u>2.1. Российская Федерация</u>	257
<u>2.2. Формирование идентичности в государствах «ближнего зарубежья»</u>	276
<u>ЛИТЕРАТУРА</u>	286

Раздел 1.

Идентичность в меняющемся мире

(введение)

Исследования проблемы идентичности в последнее десятилетие часто представлены в контексте изменений, происходящих в мире. Об этом свидетельствуют названия трудов известных отечественных и зарубежных исследователей, например, А. Миграняна [53]; Д. Лэйтина [180], П. Кеннеди и К. Данкс [174] и многие другие.

По своей направленности данные работы можно разделить на две большие группы. *Первая из них* посвящена анализу проблем изменения идентичности в условиях происходящих общемировых или локальных политических, социальных, экономических процессов, например изменение традиции организации общественных отношений [230], [90]; глобализации [174]; интеграционных процессов, происходящих в современной Европе [23]; дезинтеграции СССР и изменений, происходящих в странах Центральной и Восточной Европы [54], [55], [203], [212], [156].

Однако название данного пособия можно связать и с сущностью самого понятия «идентичность». Идентичность не является ни чем-то постоянным, ни - крайне изменчивым. Она тесно связана с изменением социальной среды. Общество не может долго пребывать в состоянии аномии, без ясной и достаточно сильной идентичности и связанными с ней нормами и приоритетами, и не в состоянии бесконечно долго сохранять неизменную идентичность в условиях необратимых изменений. Поэтому «идентичность в меняющемся мире» - это еще и принцип формирования и поддержания идентичности.

Теоретики постмодерна в области гуманитарных наук бросили вызов традиционному пониманию идентичности, указывая, что неизменный субъект либеральной гуманитарной мысли - это анахронизм, который должен быть замещен индивидом, чья идентичность изменчива, условна, социально конструируема [161, с. 127]. Фактически речь идет о смене первородной концепции идентичности конструктивистской. То есть конструирование и выбор, а не происхождение и наследственность являются сейчас фабулой теорий идентичности [180, с. 12]. Поэтому *второе направление* исследований связано с изменением в понимании сущности процесса идентификации.

Мы начнем анализ феномена изменения идентичности именно со второй группы исследований, поскольку понимание сущности процесса идентификации позволит нам глубже понять воздействие социально-политических факторов формирования идентичности в современном мире.

Глава 1. Идентичность: базовые понятия и механизмы

1.1. Проблема постоянства идентичности

В исследовании личности нет более фундаментальной проблемы, чем изучение механизмов и следствий формирования самоопределения человека. Какое сообщество индивид принимает как свой социум, где границы этого сообщества и как оно связано с другими, какова его собственная позиция в этих взаимосвязях - вот основные вопросы, ответив на которые можно в значительной степени приблизиться к пониманию социального поведения человека.

Понятие идентичности сегодня широко используется в философии, социологии, психологии, антропологии подчас с разными значениями или в разных контекстах. В самом общем понимании оно означает «осознание принадлежности объекта (субъекта) другому объекту (субъекту) как части и целого, особенного и всеобщего. Главным характерным признаком и осно-

ванием данного понятия является тождественность самому себе» [69, с. 154]. Из данного определения следует, что идентичность - термин, выражающий систему отношений, обязательно предполагает наличие «другого». Данный термин определяет взаимоотношения двух или нескольких связанных между собой сущностей так, что провозглашает их тождество или равенство [262, с. 11].

Однако такое вряд ли возможно в реальности. Во-первых, сложно обнаружить абсолютную похожесть двух объектов. Во-вторых, идея о том, что индивид или даже неодушевленный объект остается неизменным, также подвергается сомнению. Понимаемый таким образом термин идентичности не в состоянии объяснить все те изменения, которыми было так богато последнее десятилетие XX века: например, явление албанского сепаратизма, проблема ассимиляции русских в республиках бывшего СССР, по-разному формирующаяся идентичность в России и многие другие. Таким образом, предполагая гомогенность и неизменность идентичности, сложно объяснить внутри- и межгрупповые взаимоотношения. Поэтому должно быть разработано более глубокое понимание идентичности.

Идентичность как тождество

Познание человеком собственной идентичности в самом общем виде осуществляется в три этапа:

1. *Социальная категоризация (стереотипизация)* - упорядочивание социального окружения в терминах группировки личностей способом, который имеет смысл для индивида. В процессе социализации человек учится классифицировать познаваемых людей путем отнесения их к разным категориям на основе сходства и различия.

2. *Социальная идентификация* - процесс, посредством которого индивид помещает себя в ту или иную категорию.

3. *Социальная идентичность* - полное социальное отождествление индивида [7, с. 184]. В результате этого субъект как бы погружается в смысловое поле объекта, условия его жизни.

Фактически это означает то, как индивиды объединяются в группы. Взаимодействуя с объектом, мы относим его к определенной категории, «называем» его. Аналогичным образом мы определяем и себя. Результатом данного процесса становится ак-

центуация сходств между собой и другими членами ингруппы, а также различий с аутгруппой. Если сформулировать идею еще более точно, можно утверждать, что самокатегоризация детерминирует самовосприятие и самоопределение с точки зрения их оформления в терминах репрезентации индивидом характеристик группы, то есть группового прототипа [204, с. 144]. Таким образом, конструирование идентичности подразумевает механизм сравнения «нас» с «не-нами», «построение границ между «Я» и «другими» [228, с. 6].

Мир сотрудничества - более глубинный пласт человеческих отношений, нежели война и вражда, возникающие на определенных этапах истории. Согласно социально-психологическим взглядам Б.Ф. Поршнева, древнейшим принципом конструирования человеческой общности является психологическое размежевание с какими-то «они», то есть внешними по отношению к данной общности людьми. Для того чтобы появилось субъективное «мы», необходимо повстречать и обособиться от «они». Иначе говоря, понятие «они» первичнее, чем «мы». Путем обособления от «они» (враги, чужие, неприятные) создается понятие «мы» (друзья, свои, приятные), то есть самосознание общности. И в качестве психологической первопричины образования общности Б.Ф. Поршневы выделяет межгрупповые, а не межличностные отношения [62].

Материалы из разных исторических эпох свидетельствуют о том, что иногда при ясно выраженном сознании того, какие «они» есть сознание «мы» может быть очень слабо выражено или даже вовсе отсутствовать. «Они» - это не «мы» и наоборот. Только ощущение того, что есть «они», рождает желание самоопределиваться по отношению к «ним», обособиться от «них» в качестве «мы». По мере усиления столкновений первобытных племен на почве борьбы за территорию и другие жизненно важные ресурсы и блага, менялось отношение к чужим, к «ним». Формирование общности сочеталось с обособлением друг от друга. Взаимное притяжение и сплочение было значительно более высокой степенью противопоставления себя «им».

«Мы» формируется путем взаимного уподобления людей, то есть действия механизмов подражания и заражения, а «они» - путем лимитирования этих механизмов, путем запрета чему-то подражать. Как только индивиды начинают отождествлять себя

с группой, они демонстрируют целый ряд социально-психологических особенностей:

1) преувеличивают межгрупповые различия и внутригрупповое сходство. «Мы» отличаемся от «них», которые в свою очередь поразительно похожи друг на друга;

2) воспринимают действия членов своей группы в более благоприятном свете, чем аналогичные действия членов «чужих» групп;

3) больше доверяют членам своей группы;

4) распределяют ресурсы между членами своей группы, чтобы максимизировать абсолютную выгоду. А для членов других групп - чтобы максимизировать относительное преимущество членов своей группы перед членами «чужой» группы.

Люди, недавно пережившие поражение, неудачу в связи со своей социальной идентичностью, особенно склонны демонстрировать приведенные выше особенности [прив. по 30, с. 337].

Таким образом, основными психологическими механизмами, действующими во взаимоотношениях между сообществами людей, социальными группами, выступают процессы межгрупповой дифференциации и интеграции. При этом термином «межгрупповая дифференциация» как зарубежные ученые, так и российские психологи обозначают установление различий между ингруппой и аутгруппой и связывают его с явлениями межгруппового конфликта, внешнегрупповой враждебностью, этноцентризмом и внутригрупповым фаворитизмом.

Однако, как показывает И.Р. Сушков, простой дихотомии недостаточно, чтобы социальная система действительно образовала целостную структуру и начала развиваться [80, с. 257]. Начнем с того, что уже сама категория «мы» не так однородна, как представляется на первый взгляд. Смена научной парадигмы в понимании процесса идентификации подразумевает уход от классического понимания категории членства в качестве набора ясных правил или комплекса общих черт, и предлагает понимание категорий как расплывчатых множеств с неясными границами и вероятностной структурой, в которой некоторые члены группы могут быть охарактеризованы как более типичные или лучшие представители категории, чем другие [161, с. 133].

Дж. Лакофф называет данное положение **теорией прототипа**. В качестве прототипа может выступать либо типичный член

группы - реальный индивид - или воображаемый, который несет в себе наиболее общие и более часто встречающиеся среди членов данной группы характеристики. Сторонники теории самокатегоризации полагали, что восприятие тождества своей личности и прототипа играет ключевую роль в формировании и развитии социальной идентичности [161, с. 133-134]. Например, исследования феминистической идентичности Л. Хадди показали, что женщины, поддерживающие идеи феминизма, идентифицировали себя как феминисток, если в качестве группового прототипа выступала «женщина, борющаяся за свои права». Эффект отсутствовал в условиях изменения группового прототипа (прототип «лидер борьбы за права женщин» замещался на - «обычная женщина, домохозяйка») [161, с.149].

И.Р. Сушков обозначает подобные взаимоотношения как «Мы» = «Я» + «Я - в другом». «Они» = «Не Я» + «Не - Я» [80, с. 258]. Для того чтобы стало возможным разрешение внутренних противоречий - основы саморазвития, необходимо единение «мы» и «они» через категорию «вы»: «Вы» = «Я - в другом» + «Не-Я» [80, с. 258]. Основой таких процессов становится **пересекающаяся категоризация «Вы»**, в которой снимаются взаимоуничтожающие или изолирующие тенденции строгой дихотомии. Она связана с оптимальным функционированием групп в границах системы и является необходимым условием развития последней [80, с. 260]. Известно, что враждебность между группами прекращается в условиях наличия общего врага.

И.Р. Сушков предполагает, что категоризация по своей сути должна быть направлена на достижение двух основных целей. Одна из них связана с обеспечением оптимального функционирования группы, направленного на развитие социальной системы. Достижению данной цели как раз и способствует формирование пересекающейся категоризации. Вместе с тем, не должна оставаться без внимания и функция сохранения группы как элемента системы [80, с. 259]. Дж. Тернер описал данную мотивацию как потребность членов группы дифференцировать свою группу от других и обрести позитивную социальную идентичность [242, с. 42].

На основе сказанного можно предположить, что идентичность подразумевает скорее не тождество, а похожесть; типологизацию и вместе с тем сохранение уникальности личности. Со-

гласно Э. Рош, для описания объектов люди обычно используют категории среднего уровня абстракции. Она доказывает, что существуют три уровня абстракции - высокий, подразумевающий выделение общих категорий (род), средний (вид), низший, обозначающий конкретного представителя выделенных ранее рода и вида (музыкальный инструмент - скрипка - скрипка моей сестры). Категории среднего уровня абстракции, с одной стороны, эффективны с познавательной точки зрения, с другой - умеренно описательные [113], [264, с. 80-81]. Более того, они позволяют одновременно подчеркнуть сходство и уникальность, тем самым сохраняя созвучность времени, а именно стремление вобрать в себя аутентичности и внешнего признания, то есть обретения подлинного «я» и признания данного факта окружающими [161, с. 138]. Например, практика показывает, что даже если индивиды идентифицируют себя с одной социальной группой, например, являются сторонниками одной партии, то степень приверженности ее интересам, целям может быть разной. На основе исследований был сделан вывод о том, что социальные идентичности усваиваются постепенно и представляют собой нечто среднее между всеобъемлющей групповой идентичностью и исключительно уникальным образом, созданным для себя. Например, в политике в последнее время стали особенно популярны менее строгие самоназвания: не «консерватор», «либерал», а «независимый депутат», «умеренный» представитель той или иной партии [161, с. 146].

Тем не менее процесс идентичности теряет всякий смысл, если не обеспечивает индивиду ощущение тождества индивидуального я-образа и группового мы-образа. Проблема тождества и уникальности идентичности выражена в понятии **социального габитуса**. По определению Н. Элиаса, всякий отдельный человек, при всех его отличиях от других людей, несет на себе также отпечаток, общий для всех членов общества, к которому он принадлежит. Этот характерный склад и есть социальный габитус индивидов [90, с. 252]. Он образует «почву», на которой вырастают те личные признаки, благодаря которым отдельный человек отличается от других членов своего общества. Так, из общего языка, которым владеет отдельный человек наравне с другими и который образует интегративную составляющую социального габитуса, возникает более или менее индивидуальный

стиль. Проблема национального характера - проблема социального габитуса [90, с. 252].

Исходя из данного определения, идентичность каждого человека несет в себе элемент тождества (человек как представитель рода человеческого; Иван Петрович - обязательно несет черты представителя русской нации) и индивидуализированного не-тождества. Формируется, по определению Н. Элиаса, так называемая «Я-Мы-идентичность», которая образует интегральную составляющую социального габитуса человека и поэтому как таковая доступна индивидуализации [90, с. 254]. Эта идентичность дает ответ на вопрос, что представляет собой человек как социальное и одновременно индивидуальное существо.

Идентификация как изменение

Индивиды постоянно изменяются: физически, психологически, социально и т.д. Но если данный факт обычно не вызывает сомнения, то относительно проблемы стабильности идентичности, как ни странно, такой консенсус не достигнут. С одной стороны, сторонники теории социальной идентичности склонны подчеркивать изменчивость идентичности, показывая, как она изменяется вместе с оформляющим ее контекстом. С другой стороны, социальные идентичности, такие, например, как этническая идентичность, демонстрируют заметную стабильность.

Вместе с тем потенциал изменения заложен уже в существовании двух терминов, часто рассматриваемых как синонимы, но призванных обозначить разные явления: идентичность и идентификация. Здесь сразу уместно «развести» данные понятия. Когда говорят «идентичность», *акцент делают на некотором состоянии* как на относительно конечном результате самоотождествления. **Идентификация подразумевает процесс**, психологические и социальные механизмы, ведущие к идентичности как состоянию. Являясь одним из механизмов межличностного познания наряду с интерпретацией, атрибуцией и рефлексией, идентификация представляет отождествление себя с другим человеком, при этом познается и эмоциональная сфера объекта.

С. Холл подчеркивает, что идентичность всегда сохраняет свою "незаконченность", она всегда "в процессе", всегда формируется [150]. Собственно понятие идентичности (исключая зна-

чение термина, используемое в математике и логике) никогда не обозначает нечто статическое, неизменное или прочное, а всегда - нечто расположенное в потоке времени, изменяющееся, развивающееся. Сказанное применимо ко всем формам личностной и социальной идентичности, так же как и эго-идентичности [262, с. 11].

Изменение идентичности тесно связано с решением вопроса о проницаемости границ группы членства. Так, в обществах с жесткой регламентацией стратификационных границ, где переход из одной социальной группы в другую сопряжен со многими трудностями; мироощущение человека, так же как и его поведение, особенно сильно задано в «групповом контексте» [7, с. 187].

Вопросы проницаемости границ группы, в свою очередь, связаны с явлением влияния внешнего маркирования на процесс идентификации. Если групповое членство очевидно для других, индивиду будет сложно избавиться от идентификации в качестве члена данной группы. Релевантные внешние знаки - это цвет кожи, пол, групп-специфические черты лица и другие физические черты, язык и поведенческие паттерны, традиционные для данной культуры, хотя, например, поведение легче изменить, чем физические черты [161, с. 140]. Однако последнее утверждение в полной мере справедливо лишь для социальной и личностной идентичностей, которые являются «внешними», приписываемыми по своей природе. Внутренне индивид может ощущать себя принадлежащим совершенно к другой группе. Несовпадение, видимо, и является причиной кризиса идентичности.

Проблемы идентичности как тождества и ее изменения наиболее полно отражены в теории идентичности П. Рикера.

Теория идентичности П. Рикера

П. Рикер выделил два субкомпонента идентичности: идентичность как тождество; идентичность как индивидуальность [приведено по: 262, с. 11]. Он характеризует **идентичность-тождество** как понятие отношения и как отношение отношений, выделяя в ней три семантических компонента:

- «количественный» аспект идентичности. В данном контексте идентичность подразумевает тождество, единичность в противоположность множественности (не один, а два или несколько). Данному компоненту соответствует процесс идентифика-

ции, понимаемый как реидентификация того же самого и превращающий знание в осознание. Например, индивид может называть себя русским, потому что это записано у него в паспорте, он это «знает», не более того. Но тот же самый индивид, называя себя русским, может отождествлять себя с данной этнической общностью. В последнем случае мы можем говорить об идентичности-тождестве;

- качественный аспект идентичности подчеркивает отсутствие видимых различий. Данному компоненту соответствует операция замещения объектов без семантических потерь;

- непрерывная последовательность, целостность между первой и последней стадией в развитии того, что мы называем «тот же самый индивид».

Основой его дальнейших рассуждений становится **допущение о непрерывной последовательности**. Эту мысль развивает Н. Элиас, говоря о том, что континуальность процесса развития есть одна из предпосылок личной идентичности на протяжении всех лет развития человека. Более поздний облик человека вытекает из последовательности всех предшествующих обликов. Но сама эта последовательность по направлению к данной стадии не всегда осуществляется. Человек может умереть раньше, чем он достигнет более поздней ступени. Более поздняя структура личности зависит от потока развития на более раннем этапе, однако диапазон вариантов, в начале значительный, при этом постепенно сужается. Кроме того, континуальность процесса развития как элемента Я-идентичности в большой степени вплетена в континуальность памяти. Необъятные способности избирательного запоминания опыта всех жизненных возрастов являются одним из факторов, играющих решающую роль в индивидуализации человека [90, с. 259-260].

Обнаружение непрерывности, продолжает П. Рикер, состоит в упорядоченном связывании вместе незначительных изменений, которые, следуя одно за другим, угрожают тождеству, но не разрушают его. Как подчеркивает Н. Элиас, понятие человеческой идентичности соотносится с процессом. Таким образом, пока не будет разработано ясное понятие процесса и особенно понятие развития, продолжает ученый, «понятийная проблема человеческой идентичности будет оставаться трудной, фактически неразрешимой» [90, с. 256-257].

В процессе континуального развития человека время выступает в качестве фактора различия, расхождения. Благодаря принципу **временного постоянства**, подразумевающему как тождественность, так и непрерывную последовательность изменений, угроза идентичности со стороны продолжающейся непрерывности изменений больше не существует [прив. по 262, с. 12]. Как мы уже отмечали, процесс поиска идентичности никогда не прекращается полностью. В данной точке временного континуума мы можем сказать, что нашли свое «я», то есть достигли идентичности. Однако в следующий момент что-то нарушает равновесие, и идентичность становится отправной точкой нового поиска. В этой связи понятие идентичности напоминает математическое понимание предела, когда все члены последовательности (промежуточные идентичности) разнятся от некоего числа «а» (окончательная идентичность) сколь угодно мало, но тем не менее не достигают его.

П. Рикер применяет понятие структуры в качестве критерия идентичности. Он иллюстрирует его, используя пример стабильности генетического кода индивида или неизменной структуры инструмента, чьи части постепенно были заменены [262, с. 12].

Понятие **идентичности-индивидуальности** находится в диалектической связи с первым. Д. Мартин предлагает понимать данный термин как «уникальность», как нечто очевидное, несомненное [192, с. 6].

В символическом интеракционизме Г. Мида идентичность обозначается термином самосознание, а идентичность-индивидуальность П. Рикера перекликается с понятием «I», «импульсивным я», по Х. Абельсу [1, с. 38].

Идентичность-индивидуальность берет начало в модели постоянства, которая соответствует преходящему характеру человеческого существования, в то время как идентичность-тождество - в модели более далеко идущего постоянства. В этом смысле понятие идентичности-тождества П. Рикера перекликается с «эго-идентичностью» Э. Эриксона. Чувство эго-идентичности, по Э. Эриксону, представляет собой возросшую уверенность индивида в том, что его способность сохранять внутреннюю тождественность и целостность (психологическое значение «эго») согласуется с оценкой его тождественности и

целостности, данной другими. Появляющаяся интеграция в форме **эго-идентичности** — это больше, чем сумма идентификаций, приобретенных в детстве. Это сумма внутреннего опыта всех предшествовавших стадий, когда идентификация приводила к успешному уравниванию базисных потребностей индивидуума с его возможностями и одаренностью [87, с. 208].

Идентичность-индивидуальность охватывает широкий спектр значений. На одном полюсе она соответствует идентичности-тождеству, а на другом - полностью отличается от нее.

Нарративная идентичность

Идентичность-тождество и идентичность-индивидуальность находятся в диалектических отношениях друг с другом. Нарративная идентичность действует в качестве медиатора между ними, интегрируя изменяющиеся и динамические элементы во временное постоянство. **Нарративная идентичность** - это идентичность характера (персоны), фигуры, являющейся частью фабульной композиции. Фабульная композиция нацелена на то, чтобы синтезировать гетерогенные элементы в связанные сюжеты и создать рассказ [прив. по: 262, с. 14]. Таким образом, идентичность в определенной мере выступает как функция конкретных типичных ситуаций, и поэтому гораздо более изменчива, чем считалось. В этой связи важно определение идентичности, сформулированное А.А. Цуциевым. Он рассматривает ее как вероятностное включение личностью значимого для нее в данный момент контура связей (ценностей, норм и т.д.), она есть выражение значимых типичных ситуаций и отчасти может быть описана через них [88, с. 11].

Квинтэссенцией концепции нарративной идентичности П. Рикера является то, что индивид как нарративная фигура берет свою идентичность из идентичности фабулы рассказа. Нарративная идентичность, являясь одновременно реальной и выдуманной, оставляет место для изменений в прошлом - фабула всегда может быть пересмотрена, - а также возможностей в будущем. Это - открытая идентичность, которая делает любой акт осмысленным [262, с. 14-15]. Созвучен с ним и Дж. Тэрнер, который утверждал, что идентификационные категории внутренне изменчивые, активно конструируемые, что называется, «на месте», чтобы отразить новые качества «я» и «других». С их точки

зрения идентичность варьирует, в том числе и потому, что социальные категории изменяют свою значимость от ситуации к ситуации.

Но не только значимость существующих категорий влияет на лабильность идентичности. Исследователи утверждают, что категории сами по себе изменяются в социальных ситуациях. Согласно теории социальной категоризации, индивиды, скорее всего, используют в данной ситуации ту категорию, которая позволяет максимизировать похожесть между ними и другими членами группы, а также усиливает различия с «другими» [161, с. 134].

Посредством нарративной операции интеграции формируется динамический концепт идентичности, который также подразумевает понятие трансформации. Нарративная идентичность позволяет интегрировать разнообразные, отчасти противоречивые обстоятельства и ожидания в гармоничную, согласованную временную структуру, позволяя, таким образом, представить идентичность индивида на фоне модели динамического постоянства, которая определяет целостность человеческой жизни. То есть нарративная идентичность несет в себе идею о том, что «я» индивида никогда не может быть понято без «другого», без изменений [прив. по 262, с. 14].

Обратим внимание, что понятие «другой» также имеет особое звучание в рамках концепции П. Рикера. Понятие «другие» в теории социальной идентичности Г. Тэджфела и Дж. Тернера [235], символического интеракционизма Г. Мида [195], социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана обозначает других людей из окружения «я», поскольку, с точки зрения данных теорий, социальная и личностная идентичность приписываются индивиду извне [1].

В противоположность им «другой» П. Рикера всегда присутствует в нарративной идентичности личности в той степени, в которой субъект изменяется со временем. Другими словами, человек, который вчера был другим, нежели сегодня, в свою очередь, изменится завтра, по сравнению с тем, чем он был сегодня. Данный процесс изменения, часто характеризующийся наличием кризисов, представляет собой более или менее целостный, гармоничный жизненный путь. Вместе с тем нарративное «я» - это также и «другой», поскольку, по крайней мере, часть

жизненной истории индивида строится из интернализированных аттитюдов, ценностей, поведенческих паттернов, которые заимствуются из важных ролевых моделей.

П. Рикер подчеркивает, что интернализация - один из инструментов взаимодействия, с помощью которого осуществляется воздействие социальной идентичности на жизни индивидов. Власть сознания, или конструирование супер-эго, осуществляется посредством процесса интернализации. Не случайно П. Рикер указывает значимость нарративных компонентов психоаналитического анамнеза. В психоаналитическом процессе, направленном на замещение одинаково непостижимых и травматичных фрагментов истории согласованными, ясными и приятными фактами, субъект анализа может признать свою идентичность-индивидуальность. Здесь можно увидеть, как конструируется история жизни в процессе внесения «поправок» в более ранние эпизоды жизни.

Таким образом, каждый из нас пишет историю своей жизни, исправляя написанное бесконечное количество раз, стремится к обретению своего истинного «я», но так и не достигает его. Процесс изменения идентичности подчас принимает управляемый характер. В любом обществе, особенно в современном, можно встретить «предпринимателей», предлагающих новые идентификационные категории (религиозные, национальные, политические и т.д.), в надежде найти на них «покупателя». Если их «товар» нашел спрос, то они становятся лидерами новых этнических, религиозных, культурных, любых других групп. То есть мы имеем дело с так называемыми «идентификационными проектами» [180, с. 11], призванными создать у индивидов «правильную» идентичность. Поэтому в научном сообществе существует все большее согласие относительно того, что идентичности отнюдь не наследуются, как цвет кожи (данная точка зрения получила название «первородной»), а конструируются, как любой искусственный объект.

1.2. Проблема конструирования идентичности

Социологи П. Бергер, Т. Лукман, авторы концепции социального конструирования реальности, отмечают, что индивиды конструируют социальную реальность в контексте данной культуры и продуцируют модели социальных взаимоотношений, опираясь на собственные индивидуальные свойства и свойства других социальных субъектов, которые, в свою очередь, проявляются во взаимоотношениях с ними [94]. Реальность, в которой мы живем, есть реальность нашего конкретного общества. Она уже является упорядоченной социальной реальностью, и упорядоченность - это не что иное, как результат человеческой деятельности. С точки зрения социального конструирования реальности, об идентичности можно говорить только в контексте данного общества. Идентичность представляет собой феномен, который возникает из диалектической взаимосвязи индивида и общества и осуществляется в ходе социализации личности.

Однако считается, что некоторые политические лидеры (например, В. Вильсон, А. Гитлер, И.В. Сталин [180]) придерживались первородной концепции идентичности. Ученые-антропологи дали научное обоснование данной точке зрения. Например, Дж. де Вос рассматривал сконструированные идентичности в качестве девиантных. По его мнению, чрезмерная инструментальная затратность олицетворяет внутреннюю дезадаптацию, то есть имеет место так называемый «феномен Зелига». Зелиг - это персонаж одноименного фильма Вуди Аллена, который, как хамелеон, мог менять свою личность с тем, чтобы ненавязчиво включиться в разные социальные ситуации¹. Явления такого рода, как указывает Дж. де Вос, возникают в условиях социальной аномии, и их наличие препятствует установлению подлинных эмоциональных связей [129].

Однако, на наш взгляд, последняя идея вовсе не является бесспорной. Действительно, в обществах, в которых рушатся социальные связи, нормы, появляется множество «идеологов», основная цель которых - научить индивидов по-новому мыслить, воспринимать происходящее, стремиться к достижению других целей. Возможно, сначала эти новые идеи кажутся ис-

¹ Звезды Голл, вуда. М.: Терра-Terra, 1996. С. 8.

кусственными, чужими, в большей степени разъединяющими, чем интегрирующими. Но это проходит, и остаются идеи, ставшие нормами, полноправно регулирующими жизнь общества. Для подтверждения наших слов, сошлемся на В. Степина, академика РАН: «Вот мы говорим: права человека, демократия, разделение властей. Откуда это взялось? А вот в американской конституции об этом сказано. Откуда американская конституция это взяла? А творцы американской конституции переписали это у Дж. Локка, сознательно на великого философа ориентировались. Находятся публицисты, люди, которые подхватывают эти идеи, и потом они становятся ходячими истинами, они погружаются в глубины культуры, начинают управлять поведением людей. Но это потом, а в момент их изобретения этого не бывает»².

Проблема заключается в том, что не всегда прививаются идеи, способные удержать формирующееся общество от конфронтации, экстремизма. Часто для того, чтобы сплотить группу, искусственно генерируется образ врага, угрожающего целостности данной социальной общности. Подчас лидеры этнических групп, не стесняясь в выражениях, представляют оппонентов за рамками контекста человеческого измерения. Ситуацию усугубляют используемые ими СМИ. Вытеснение же образа врага является весьма проблематичным, требует значительных усилий. Например, после окончания Великой Отечественной Войны и изменения государственного устройства в Западной Германии образ немца долгие десятилетия вызывал негативные ассоциации в России.

Тем не менее множество исследований в области социальных наук демонстрируют, что, несмотря на существующие препятствия против Феномена, люди обычно включены в процесс создания проектов идентичности. Д. Герген вводит понятие «идентичности пост-модерна», под которой понимает способность индивида создавать множественные и разноплановые образы собственной личности в ответ на требования ситуаций [прив. по 214, с. 192]. Возможно, «зелиги» станут своеобразным знаком времени.

² Что делать? // КЗльтЗра, т6.11.т001. т3:т1.

В политической социологии традиция, подчеркивающая роль воспитания в формировании идентичности, уступила место коммуникационным паттернам. Согласно К. Дойчу, серьезное изменение национальной идентичности не может произойти до тех пор, пока вероятность взаимодействия с представителями другой национальности не равна вероятности коммуникации с представителями своей национальной группы. Люди, с точки зрения данной традиции, являются пленниками коммуникационной сети [127].

Другие исследования демонстрируют важность **социально-экономических условий** в формировании идентичности, однако взаимосвязь данных факторов может быть разной. Голландский исследователь Э. Поппе в качестве основы своего исследования межнациональных отношений сформулировал вопрос так: возможно ли, что недовольство экономической ситуацией может привести к обвинению в этом представителей другой национальной группы. На примере выборки из 1143 респондентов шести стран Центральной и Восточной Европы: России, Белоруссии, Болгарии, Польши, Венгрии и Чехии - исследователь пришел к выводу, что недовольство экономической ситуацией не влияет на атрибуцию своей национальной группы или иноэтнических сообществ в терминах компетентности и морали. Однако неудовлетворительная экономическая ситуация провоцирует негативные чувства к представителям национальных меньшинств, которые проживают на данной территории [211].

Предлагая альтернативу роли экономических условий в формировании идентичности, социальные ученые начали исследовать **влияние государства** (или государственных институтов) в формировании идентичности. Оно осуществляется за счет ограничения возможных идентификационных категорий: государство признает и поддерживает одни идентификационные проекты и игнорирует другие. Например, в России запрещены партии экстремистского толка. Другим примером идентификационного проекта может служить телевизионная программа канала «Культура» «Кто мы?».

Традиционными являются исследования, подчеркивающие фактор **исторического прошлого** и его значительное влияние на осознание того, кто мы и кем можем быть. Ведь обострение у многих народов России чувства этнокультурной идентичности и

рост национального самосознания неизбежно сопровождаются поисками своих более глубоких исторических корней [см., например, 66].

Другой блок исследований фокусируется на изучении того, как **социальные связи** - семейные, деловые, фактор пространственной близости - ограничивают изменение идентичности.

Обобщить результаты этих исследований помогает Б. Парех: «Если идентичность - это результат истории, она может быть трансформирована самой историей» [209]. Все приведенные исследования поддерживают конструктивистскую парадигму, в противоположность первородной концепции, однако все они отличаются в выделении причин, ограничений и следствий данного процесса конструирования.

Личностная и социальная идентичность и конструктивизм

Родоначальником концепта идентичности можно считать У. Джемса с его концепцией осмысления личностью своей самоидентичности, своих границ и места в мире. Джеймс показал, что человек думает о себе в двух плоскостях. Поэтому мы можем говорить о двух аспектах идентичности: 1) в личном аспекте, что и создает личную самоидентичность; 2) в социальном аспекте, где формируется многообразие социальных «Я» индивида. Таким образом, в современной психологической литературе рассматриваются два вида идентичности - личностная и социальная. Когда мы говорим о **личностной идентичности**, подразумеваем самоопределение в терминах физических, интеллектуальных и нравственных черт индивида. Для выявления личностной идентичности необходимо описание «Я-концепции» - совокупности представлений индивида о себе, сопряженной с их оценкой [9, с. 8].

Под **социальной идентичностью** понимается самоопределение себя в терминах отнесения к определенной группе. Формирование личностной идентичности, конечно же, неотделимо от социального взаимодействия. Вместе с тем социальная идентичность связана со значительно большей степенью соотношения «своего» Я с группой; это способ организации для данного индивида представлений о себе и о группе, к которой он принадлежит. Как подчеркивает Г.М. Андреева, «социальная идентич-

ность - это скорее то, что индивид делает со своей позиции в социальной структуре, которая определяет его идентичность, чем то, что он думает о своем месте в этой структуре» [7, с. 181]. Социальные идентичности - это своего рода ярлычки, которые люди прикрепляют к себе (или это делают другие), когда они претендуют на членство (или им приписывают членство) в социальной категории, воспринимаемой ими (и другими, необязательно членами данной группы) как непосредственно связанную с их историей и поведением в настоящем. Достоверность в данном случае является ключевым качеством в понимании принадлежности [180, 16].

В. Холзингер, со ссылкой на Х.-П. Фрея и К. Хауссер, обсуждает два возможных направления в понимании взаимодействия личной и социальной идентичности, существующие в современной социальной науке.

С одной стороны, в центре исследования находится индивид и его идентичность. В данном случае социальная идентичность приписывается индивиду. Он наделяется определенными социальными характеристиками (возраст, пол, социальный класс, и т.д.) и устанавливаются ролевые ожидания и членство, которые люди затем интегрируют в я-образ или которые, по меньшей мере, воспринимаются другими в качестве внешних характеристик индивида. Исходя из данной перспективы, И. Гоффман различает «подлинную» и вымышленную (виртуальную) социальную идентичность. Объектом идентификации, с точки зрения первого направления, является индивид, субъектом - другие люди [прив. по 262, с. 16]. Например, «другие» генерируют ожидания относительно того, как должен вести себя индивид, принадлежащий к данному социально-экономическому классу. Конечно, ожидания будут переработаны индивидом, усвоены в индивидуализированной манере, но, тем не менее, не выйдут за пределы допустимых границ.

Существует другая аналитическая перспектива, которая рассматривает идентичность во взаимосвязи с системой. В данном случае понятие идентичности используется в качестве характеристики социальной системы, поэтому в центре исследований находятся так называемые коллективные идентичности. То есть объектом идентификации являются не индивиды, а группы, организации, классы, культуры. Субъектом выступают люди,

которые обнаруживают социальную систему посредством описаний. Последние - это члены системы, которые говорят о себе, скажем, русские, москвичи, врачи и т.д., а также те, кто «обретает себя» вне системы.

Данная аналитическая перспектива обнаруживает проблему, которая в отечественной психологии представлена как проблема коллективного субъекта [25]. В частности ученый говорит о «возможности использовать понятие субъекта для обозначения характеристик как индивида, так и группы. То есть понятие «субъект» позволяет выявить общее в психологических свойствах личности, малой и большой группы и общества в целом» [25, с. 134]. Выделение понятия коллективного субъекта имеет и практическое значение, поскольку, как подчеркивал знаменитый немецкий социолог Н. Элиас, «именно совокупное человечество представляет ныне высшую авторитетную единицу выживания» [90, с. 314-315].

Однако, как подчеркивает А.Л. Журавлев, «разные коллективы являются коллективными субъектами в разной степени. В полной же мере быть коллективным субъектом означает быть активным, действующим, интегрированным, то есть выступающим единым целым, ответственным» [25, с. 137]. Наряду с другими, важным признаком коллективного субъекта является способность группы к саморефлексии, в результате которой формируются чувство «мы» (переживание своей принадлежности к группе и единения с группой) и образ-мы (как групповое представление о своей группе).

А.Л. Журавлев предполагает возможность существования множества аналогий с образом-я [25, с. 139]. Например, в зарубежной психологии используется метафора я-концепции государства [см., например, 105, с. 212]. Другим элементом, связывающим две перспективы, является тот факт, что обе рассматривают индивидуальную и социальную идентичности как приписываемые извне [262, с. 16].

Однако природа эго-идентичности, описываемой Э. Эриксоном, несколько иная. Как мы уже отмечали, ощущение эго-идентичности сопровождается чувством «подлинного я». Поиск такой идентичности - задача всей жизни. В свете реализации данной задачи, которая является одновременно личной и социальной по своей природе, Э. Эриксон понимает формирова-

ние идентичности как процесс, в ходе которого индивид выносит суждения о себе в свете того, как, с его точки зрения, его оценивают другие в сравнении с собой и значимыми для них типологиями. Вместе с тем он выносит суждения о способе их оценки с точки зрения того, как он воспринимает себя в сравнении с ними и типологиями, которые стали существенными для него [приведено по 180, с. 19].

Таким образом, на основе приведенного определения, можно сделать вывод, что, с одной стороны, культура обнаруживает идентичности, которые реальны и изначально заданы и должны быть найдены и открыты индивидом. Но вторая грань культуры - инструментальная - связана с поиском реального «я». Она подразумевает реконструирование идентичностей, как только изменяются социальные возможности. Идентичности, в этой связи, перенимаются или конструируются согласно тому, насколько они соответствуют целям индивида и реконструируются, чтобы он мог использовать вновь открывшиеся преимущества [180, с. 20].

Таким образом, идентичности - это категории членства, которые базируются на таких типологиях, как пол, раса, класс, и т.д. [180, с. 21]. Люди ограничены, но вместе с тем не являются пленниками приписываемых им качеств, ожиданий.

Кризис идентичности

Вопрос о социальной идентичности становится предметом общественного дискурса, если категории сами по себе становятся расплывчатыми, теряют ясность. Поскольку социальные идентичности формируются на основе доступного набора социальных категорий, несогласования неизбежны. Индивиды не всегда могут подобрать ярлычок, адекватно репрезентирующий их идентичность, или их может не устраивать уже выбранная идентификационная категория. Проблема неопределенности идентичности получила название **кризиса идентичности**.

Следуя терминологии Э. Эриксона, для того, чтобы преодолеть кризис идентичности, необходима идеология - неосознанный набор ценностей и посылок, отражающий религиозное, научное и политическое мышление культуры. Идеология предоставляет людям упрощенные, но четкие ответы на главные вопросы, связанные с конфликтом идентичности: «Кто я?», «Куда

я иду?», «Кем я хочу стать?». Утрата доверия к идеологической системе может обернуться всеобщим хаосом и неуважением к тем, кто регулирует совокупность социальных правил [87, с. 230].

Характеризуя современное общество, Э. Эриксон, как и многие другие социальные мыслители, обозначает проблему человека в контексте кризиса идентичности. «Поскольку человек сегодня способен уничтожить людской род, формирование общечеловеческой идентичности становится абсолютной необходимостью», - особо выделяет он [91, с. 49]. Поэтому в трансформирующихся обществах и появляются «идеологи», стремящиеся сохранить существующие категориальные границы или изменить в соответствии с потребностями времени и уточнить правила включения в данную категорию, а также соответствующие ей поведенческие паттерны. Именно по этой причине в современном российском обществе так много говорят о проблеме идентичности: границы и поведенческие паттерны многих социальных категорий оспариваются.

Идентификационные проекты

Таким образом, если мир стабилен, вопрос об идентичности не возникает. Ни у кого нет стремления сконструировать новые идентичности: людям и так понятно, кто они. Внешние события, однако, могут нарушить стабильность. В таких ситуациях появляются люди, предлагающие так называемые идентификационные проекты, цель которых состоит в том, чтобы вызвать изменения в обществе в направлении установления нового баланса, и если им это удастся, изменения будут казаться естественными, или неизбежными. Такого рода проекты позволяют нам, во-первых, объяснить, почему идентичности, являясь достаточно стабильными, тем не менее подвержены изменениям. Во-вторых, продемонстрировать мотивирующий и мобилизующий потенциал, заложенный в идентичности человека.

Для того чтобы рассмотреть поставленные вопросы, вернемся к проблеме изменения идентичности с точки зрения конструктивистской парадигмы. Для этого воспользуемся идеей Т. Шеллинга о существовании двух типов изменений: единичных и каскадных [221]. Два типа изменений обычно следуют один за другим: редкие единичные случаи изменения вдруг приобретают

лавинообразный характер. В качестве примера можно привести динамику распространения волны протеста в конце 80-х годов в странах Восточной Европы, приведшей к падению прокоммунистических режимов. В государствах, в которых всеобщих акций протеста еще не было, возникали одиночные демонстрации, которые быстро подавлялись властями. Внезапно протест достиг буквально революционного уровня. Совершенно беспомощное и демобилизованное общество вдруг активизируется и мобилизуется. То есть если в 1988 году акции протеста казались практически невозможными, то в 1989 году стали обычным явлением [179].

Такие каскадные изменения происходят по той причине, что люди строят свой выбор на предположениях относительно действий других людей в подобных ситуациях. Например, если человек предполагает, что никто не пойдет пикетировать улицы, то и он вряд ли решится на это. Но если человек знает, что другие также примут участие в акциях протеста, или если он верит в то, что другие также уверены в действиях других людей, то он присоединится к протестующим.

Изменение идентичности также может принимать характер каскадного. Д. Лэйтин объясняет данный процесс на примере изменения языка. Язык, как и социальная идентичность, может быстро меняться от поколения к поколению. Однако эти изменения иногда могут происходить с трудом, несмотря на все усилия властей уничтожить тот или иной язык. Так, русскоязычное население в государствах, возникших после дезинтеграции СССР, пытается сохранить свой язык. Д. Лэйтин приводит пример, что в Казахстане лишь небольшой процент потомков русских иммигрантов говорит на двух языках - русском и казахском [180, с. 22]. Известны и противоположные случаи. Переселенцы, прибывшие в США в XIX веке и говорившие на идише, знали, что дети других переселенцев, говоривших на том же языке, собирались учить английский. Поэтому им было бесполезно пытаться сохранить родной язык. Уже в следующем поколении в Нью-Йорке трудно было найти человека, который говорил бы только на идише [180, с. 22].

Модель единичных изменений может объяснить как стабильность идентичности, так и ее изменчивость. Для этого мы введем еще одно понятие Т. Шеллинга - **фокусная точка** [прив.

по 180, с. 22]. Это своего рода состояние равновесия в данном обществе, характеризующееся общим пониманием его членами своей идентичности (например, русские в государствах ближнего зарубежья говорят с представителями титульной нации на их языке). Культурная и политическая элита общества, находящегося в состоянии равновесия, превращает его в фокусную точку путем придания смысла такого рода равновесию, то есть формируя его убеждения, принципы и нормы. Посредством данного процесса они распространяют свою власть и увеличивают легитимность, говоря от имени «своей» группы. Идентичность стабилизируется и не оспаривается.

Конечно, частные изменения, такие как изменения языка, еще не означают создание «новой» идентичности. Но такие микроадаптации меняют идентификационные возможности будущих поколений. Они ведут к тому, что идентичность теряет свою бесспорность, устойчивость и приобретает потенциал к изменению, который актуализируется в определенных условиях. Такие условия во многом создаются с помощью инструментария, получившего название «идентификационные проекты» [180], которые могут реализовываться в форме «политики идентичности» и «политики идей» [169]. Политика идентичности и политика идей существенно отличаются по своей направленности, но построены на одной основе, а именно манипуляции идентичностью.

В современном мире получили распространение политические стратегии, базирующиеся на идентичности. В 1960-е годы появились социальные движения нового типа: демонстрации студентов, движения пацифистов и борющихся за гражданские права, феминизм и др. Эти движения объединяло то, что каждое из них апеллировало к социальной идентичности тех, кто поддерживал эти движения. Феминистки обращались к женщинам, борющиеся за равные права наций - к представителям меньшинств, пацифисты - например, к противникам операции НАТО в Косово и т.д. [150, с. 124-125]. Таким образом, политические цели новых войн по-прежнему связаны с приобретением власти. А достигаются они с помощью инструментализации традиционных идентичностей - национальной, племенной, религиозной и т.д.

М. Калдор определяет **политики идентичности** как движения, которые возникают вокруг этнической, расовой или религиозной идентичности с целью получения власти [169, с. 76]. Однако данное явление необходимо отличать от других, похожих по форме политических действий. В ряде государств или между государствами существует религиозная вражда, или народы отстаивают право на сохранение собственной культуры и языка в условиях глобализации. Тем не менее такие межэтнические конфликты не могут быть обозначены как политика идентичности, если они не преследуют право на политическую власть.

Политику идентичности необходимо также дифференцировать от **политики идей**. Политика идей направлена в будущее, предусматривает реформу, развитие. К этой категории относятся националистические движения в Европе в XIX веке, которые были нацелены на демократизацию общества и государственное строительство. Данный тип политических действий обычно бывает интегративным по характеру, охватывает всех людей, разделяющих основную идею. Политика идентичности, в свою очередь, часто нацелена на разделение, направлена в прошлое и носит исключительный характер. Создание политической группы обусловлено ностальгией, желанием реконструкции политического прошлого, воспоминаниями о несправедливостях в отношении своего этноса, реальных и воображаемых, гордостью побед и горечью поражений. Такие политические технологии приобретают смысл в обществах, где люди испытывают чувство незащищенности, страха перед историческими врагами, «другими», «не-нами». Политика идентичности с необходимостью подразумевает выделение группы меньшинства; и в лучшем случае отношение к ним будет строиться в виде психологической дискриминации, в худшем - выльется в геноцид [169, с. 77-78].

Почему идентичность мотивирует индивидов на действия, часто нелицеприятные, иногда связанные с агрессией как по отношению к себе, так и по отношению к другим людям? Ответ можно найти в потребности индивида дифференцировать свою группу от других и обрести позитивную идентичность в чувстве, названном **социоцентризмом**. Социоцентризм, по определению И.Р. Сушкова, - это свойство социальных групп, заключающееся

в склонности групп считать себя центральным элементом социальной системы, воспринимать себя наиболее ответственными в достижении системной цели, трактовать результаты межгруппового сравнения в пользу своей группы [80, с. 387]. На социологическом уровне организации взаимодействия в контексте конкретных групп социоцентризм проявляется как чувство приверженности ин-группе, принимая форму патриотизма, шовинизма, национализма, расизма и т.д. [80, с. 279]. К некоторым из них, в частности патриотизму и национализму, мы вернемся в следующих разделах.

Функционирование идентификационных проектов затрагивает вопрос о том, как люди могут подсчитать затраты и прибыль, ассоциирующиеся с изменением идентичности, особенно в условиях неопределенности или когда изменение идентичности является травмирующим событием? Д. Лэйтин так отвечает на данный вопрос. Во-первых, справедливо заметить, что идентификационные проекты обнаруживают спрос в период кризисов. Прежде чем построить стратегию действий, люди должны знать, в чем состоит выбор. Большая часть «работы» по выбору идентичности, в результате, предшествует периоду единичных изменений. В период кризиса, следовательно, люди могут играть одновременно в несколько игр. Тем не менее модель единичных изменений четко выделяет стратегические дилеммы, как только игра началась.

Вместе с тем, опираясь на результаты своих исследований, Д. Лэйтин подчеркивает, что люди чувствуют себя вынужденными делать подсчеты и координировать их с другими людьми. В этом смысле неопределенность - это основа для координации изменений [180, с. 24].

Идея множественности идентичности

Идентификационные проекты, естественно, более сложные и предполагают не просто однозначный выбор между согласованными парами альтернативных идентичностей. У. Уитман впервые озвучил революционную идею о том, что каждый индивид несет в себе практически неограниченный набор идентификационных возможностей.

Идея о том, что человек может одновременно принадлежать более чем к одной группе, обусловила появление термина «мно-

жественные идентичности». Данный термин описывает тот факт, что индивиды и группы (например, нации) во многих отношениях - это гибриды идентичности, поэтому идея существования гомогенной, чистой идентичности на индивидуальном или коллективном уровне - иллюзия [262, с. 16].

Данную идею развили С. Страйкер и Р. Серп в своей теории идентичности. Авторы определяют идентичности личности как более или менее дискретные части усвоенных символов, которые отражают участие личности в структурированных ролевых отношениях, подразумевая, что человек имеет столько идентичностей, сколько ролевых отношений. Идентичности иерархически организованы относительно двух параметров. Так, существуют **универсальные идентификации**, о которых мы помним всегда, и - **избирательные идентичности**, которые актуализируются при наличии строгого набора факторов и обстоятельств.

Отношения индивида с другими людьми могут в разной степени зависеть от того, какое место он занимает в структуре межличностных отношений, и от того, какую роль он исполняет. Если взаимоотношения в значительной степени детерминированы ролевой позицией человека, мы можем говорить о приверженности своему статусу, роли. Поэтому основное предположение данной теории идентичности звучит так: приверженность детерминирует доминирование данной идентичности, которая, в свою очередь, влияет на поведение личности. При этом доминирующая в данный момент идентичность будет оцениваться как положительная идентичность и во многом определять самооценку человека [прив. по 250, с. 29-30].

Множественные идентичности могут сосуществовать в одном человеке до тех пор, пока не нужно делать выбор между ними. Но если поведение, согласующееся с одной идентичностью, вступает в конфликт с действиями, ассоциирующимися с другой идентичностью, индивид вынужден делать выбор в пользу одной из них. Возвращаясь к терминологии Т. Шеллинга, можно предположить, что выбор будет зависеть от количества людей, отдающих приоритет той или иной идентичности [180, с. 23].

Акцентирование единственной идентичности детерминирует появление таких явлений, как **этноцентризм** и **внутригрупповой фаворитизм**.

В фундаментальном труде по проблематике современной психологии [74, с. 140] отмечается, что групповому самосознанию присущ феномен этноцентризма, который был описан еще в 1906 г. американским социальным психологом В. Самнером. В психологическом плане данное явление означает восприятие и оценку жизненных явлений сквозь призму традиционных ценностей, норм собственной этнической группы. Оно отражает как отношения внутри самой группы, так и ее отношения с другими. Как правило, об этноцентризме говорят только при наличии «двух его составляющих: во-первых, признания своей группы эталонной, референтной для оценки других этносов (что выражается во внутригрупповой сплоченности, солидарности, уважении внутригрупповых норм), во-вторых, признания других групп худшими (что ведет к проявлению враждебности, недоверия и презрения к ним» [54, с. 158].

Действительно, когда представители различных культур встречаются друг с другом, они видят различия в языке, привычках, поведении, одежде, убеждениях и т.д. Зарубежные исследователи придерживаются точки зрения, что эти различия усугубляют такие факторы, как борьба за обладание различными ресурсами, социальный и правовой статус, чувства относительной депривации. И человеческое сообщество реагирует на эти различия «этноцентрически», то есть ингруппа (этническая группа) используется в качестве оценочной категории для вынесения суждений о других с негативным оттенком. Результаты исследований в этой области суммирует Г. Триандис [241]: люди обнаруживают тенденции 1) определять свои чувства, мысли и поступки как естественные и правильные, а то, как поступают индивиды в других культурах, неестественным и неправильным, 2) полагают, что их ингрупповые нормы, роли и ценности абсолютно правильные, 3) ведут себя таким образом, который одобряется своей группой, 4) испытывают гордость за свою группу и поступают враждебно по отношению к членам аутгрупп. Таким образом, этноцентризм определяют по чувству ингрупповой/аутгрупповой дифференциации, он связан с позитивными установками в отношении своей группы, сочетаемыми с негативными - к «чужой».

Безусловно, определенный уровень этноцентризма имеет универсальный характер. Большинство членов любой социальной

группы выше оценивают привычки и символы своей группы, чем внешних для них групп. Поскольку нормы и ценности в одной культурной среде часто отличаются от других культур, неприемлемое поведение в одной культуре часто является адекватным в другой.

Аналогичным образом «работает» и явление внутригруппового фаворитизма: предпочтение своей группы при сравнении с «чужой». Иначе говоря, как показывают материалы исследований психологов, «демаркационные линии» являются сущностью культурного разнообразия; а сама «граница» - определяет группу. В этом случае осознание своей общности усиливается через растущее осознание тех свойств, которые служат для определения общности с группой. Эти свойства одновременно являются отличительными чертами, позволяющими разграничить «нас» и «их». К разряду таких маркеров относятся: имя (самоназвание), физические черты, одежда, пища, обрядность, религия, язык, административное деление, экономическая ниша, занимаемая данной группой, стереотипы, представленные в общественном сознании. Если процессы дифференциации начинают преобладать, эти качества приобретают большую значимость, даже там, где культурные границы трудно различимы [121, с. 74]. Тенденции установления различий в оценках своей и чужой групп в пользу первой в зарубежной социальной психологии получили название межгрупповой дискриминации, в основе которой лежит межгрупповая враждебность, что обнаруживает определенные расхождения с теоретической парадигмой отечественных психологов.

Например, определенное подтверждение тенденций к межгрупповой дифференциации как одного из этапов образования общностей и связанных с автономизацией групп, их «отчуждением» от «чужих» отмечают Л.И. Уманский, О.В. Лунева. Вместе с тем считается, что утверждение зарубежных психологов об универсальной природе внешнегрупповой враждебности вызвало у российских психологов (по крайней мере, в советский период) «серьезные сомнения» [74, с. 543]. При рассмотрении интегративных тенденций в межгрупповых отношениях российские психологи выделяют такие явления, как «межгрупповая аффилиация и референтность», «межгрупповое единство», «межгрупповая сплоченность». Еще одно различие связано с традициями

исследования социальных групп на Западе (психология малых групп) и в России. Объясняя сложившуюся ситуацию, фундаментальный труд по современной психологии [74, с. 547] подчеркивает, что изучением психологии больших сообществ людей, за исключением поведения толпы, паники, длительное время занимались марксистски ориентированные ученые. В отечественной психологии исследователей, как правило, привлекали общие теоретические и методологические проблемы, а также психологические особенности классов, наций, возрастных и профессиональных групп. Данное обстоятельство необходимо учитывать при работе с зарубежной социально-психологической литературой.

Другой «крайностью» явления множественных идентичностей является то, что Х. Санер назвал культурной неопределенностью. В своей грубой форме она выражается в недистанцированном объединении всех без исключения людей в идеологические системы под началом харизматических лидеров. Культурная неопределенность - это источник самых страшных преступлений против человечности [прив. по 262, с. 17]. Поэтому, подчеркивает исследователь, необходимо увеличить дистанцирование от идентичности, чтобы не превращать ее в постыдный и опасный фантом и сохранить реального человека. Возможно, чем более люди осознают себя носителями множественной идентичности, тем легче выполнить требование Х. Санера.

Приписываемые и приобретаемые идентичности

Приведенные примеры исследований, мы надеемся, наглядно продемонстрировали полезность применения конструктивистской парадигмы в понимании проблемы идентичности. Однако существуют факты, которые не укладываются в положения, выдвигаемые конструктивизмом. Первый связан с существованием так называемых выбираемых идентичностей.

Как показывают исследования [см., например, 230], идентичность в современном мире больше не направляется внешними структурами общества, а представляет собой самостоятельный выбор ее «обладателя». Последнее особенно важно для понимания политической идентичности: мы действительно *выбираем* партию, политические идеи, которые нам ближе. Конечно, можно говорить о существовании определенных традиций - по-

литических, культурных, семейных - в формировании политической идентичности, но и их влияние не абсолютно и предполагает выбор.

Политолог Ч. Тэйлор и психолог Р. Баумейстер также ссылаются на изменение современной идентичности: от характеристик, которые сопровождали человека с рождения в Средневековье, - религиозная принадлежность, профессия и экономический статус, до идентичностей современной эпохи, которые имеют менее детерминистический характер и являются предметом выбора [прив. по 161, с. 137].

Таким образом, несмотря на то, что конструктивистская парадигма подтверждена и теорией, и практикой, идентичность представляет собой не только эффективный инструмент в руках «предпринимателей от политики», но и является результатом выбора индивида. Вместе с тем сложно признать абсолютное авторство индивида в тех утверждениях, которые он делает, и в тех значениях, которые он приписывает тем или иным объектам. Он может лишь использовать язык, его правила и систему значений данной культуры [прив. по 125, с. 122]. В этом смысле выбор идентичности ограничен возможностями общества, в котором индивид живет.

Глава 2. Социальные трансформации и идентичность

В первой главе мы рассмотрели «результат» трансформаций, происходящих в современном мире, - изменение понимания сущности процесса идентичности. Теперь нам предстоит разобраться, что вызвало эти изменения.

Изменения структуры личности, видоизменения позиции отдельного человека в его обществе, происходящие в ходе разного рода трансформаций, порождают проблемы, которые принадлежат к числу наиболее тяжелых проблем подобных трансформаций. Однако они крайне редко обсуждаются, - во всяком случае, реже, чем проблемы, известные под названием «экономические» и «политические». Это, на наш взгляд, является первой «причиной» изменения отношений индивида и общества,

трансформации Я-Мы-идентичности. Хотя, как подчеркивает Н. Элиас, «для социальной практики важно, чтобы за чисто техническими или чисто экономическими проблемами данной смены структур не забывали и о человеческих проблемах» [90, с. 249].

Попытаемся представить «человеческую составляющую» проблем переходного общества в контексте трех основных тенденций изменения современного мира: индивидуализации, интеграции и глобализации. На первый взгляд они являются противоположно направленными, в реальности же дополняют друг друга, раскрывая природу каждого. В этом разделе мы пока не коснемся изменений, пришедших в некоторых странах Центральной и Восточной Европы и бывшем СССР и связанных с отказом от коммунистической идеологии и попыткой построить демократические общества: их мы постараемся рассмотреть в разделе «Формирование идентичности: пути и результаты». Еще одна сфера трансформаций, вызванная фактом окончания холодной войны, рассматривается в разделе «Государственная идентичность», в главе «Изменение образов».

2.1. Индивидуализация и проблема идентичности

По мнению ученых-обществоведов, современному миру свойственны две противоположные тенденции развития, а именно: одновременно происходящие процессы глобализации и фрагментации [46, с. 54]; интеграции и индивидуализации, по терминологии Н. Элиаса [90]. Приведенные пары понятий вряд ли можно считать взаимозаменяемыми, в частности, в дальнейшем мы попытаемся развести понятия «интеграция» и «глобализация».

Однако суть описываемого по-разному названного явления от этого не меняется. Наряду с появлением общемировых проблем, решение которых возможно лишь при условии существования эффективной транснациональной коммуникации, осуществляемой посредством разного рода международных организаций, то есть появления надгосударственных образований, усиливается чувство многообразия, уникальности культур, составляющих единое пространство. Как справедливо подмечает Н. Элиас: «Люди еще не пришли к ясному пониманию того очевидного факта, что мощный интеграционный сдвиг человечест-

ва, который, помимо прочего, находит свое выражение в создании таких ранних глобальных учреждений, как ООН или Всемирный банк, представляет собой последний на сегодняшний день результат очень длительного, никем не запланированного социального процесса, который через многие мелкие ступени, начиная с образования более мелких и менее дифференцированных социальных единиц, ведет к более значительным, более дифференцированным и комплексным социальным формам. При этом любой переход ведет за собой изменения отношений индивида и общества. Прорыв к доминированию нового, более всеобъемлющего и комплексного типа человеческой организации сопровождается дальнейшими сдвигами и появлением нового образца индивидуализации. Канон поведения, и в особенности полнота и богатство идентификации отношений между людьми, специфическим образом меняется при переходе на новую ступень интеграции. Эти полнота и богатство идентификации постоянно растут» [90, с. 323-324].

Поскольку эти явления неразрывно связаны и каждое из них проясняет сущность другого, было бы несправедливо рассматривать их по отдельности. Вместе с тем интеграция и индивидуализация по-разному проявляют себя в современных обществах, обуславливая специфические проблемы идентичности, связанные с каждой из указанных тенденций. Поэтому для реализации нашей цели, а именно обнаружения особенностей процесса идентификации, ассоциирующихся с каждой из указанных тенденций, разведем их.

Без Мы-идентичности не существует никакой Я-идентичности. Равновесие в этой паре может попеременно нарушаться то в пользу Я, то - Мы. В исторической перспективе эпохой победы Я над Мы традиционно считают эпоху Возрождения. Как подчеркивает Н. Элиас, «все чаще стали встречаться люди, у которых Мы-идентичность была ослаблена до такой степени, что они представлялись сами себе в качестве «Я», лишенного своего «Мы». Если раньше люди пожизненно - с момента рождения либо с какого-то другого определенного момента - принадлежали к определенной группе, так что их идентичность с момента рождения была перманентно связана с их Мы-идентичностью, в тени которой она находилась, то со временем маятник этого баланса качнулся в другую сторону. Мы-

идентичность не исчезла, но теперь перекрыта Я-идентичностью» [90, с. 273].

XIX век считается переломным, но роль данного рубежа воспринимается по-разному. Одна из них наиболее рельефно представлена датским философом С. Кьеркегором. Начался век толп. Однако социальные и политические реформы, которых требовала эпоха, были, согласно воззрениям С. Кьеркегора, противоположностью тому, в чем она нуждается, а именно, радикальному уединению внутри своего сокровенного существования. Роль выдвижения «отдельного» [45, с. 250] заключалась в том, что оно доводило до крайности уже состоявшийся разрыв всех связей общественной жизни, для того, чтобы на основе мировой сепарации достичь сплочения человека в себе самом, сначала перед «ничто», а затем перед Богом. Движение всего мира к социальной нивелировке вело к абсолютному выдвижению «отдельного», который и есть принцип христианства. Крайней степенью «отдельного» для него был «мученик», который за истину пожертвовал себя толпе [45, с. 252].

Проблема идентичности человека - так, на наш взгляд, можно переформулировать проблемы, поднятые С. Кьеркегором, остается неразрешенной и по сей день.

Исследователи полагают, что наши современники, веря в светский, рациональный, бюрократизированный и рыночный мир, страдают от глубокого чувства «бездомности» [230, с 5-25] и кризиса идентичности. Но в противоположность взглядам философа XIX века, проблема кризиса идентичности в современном мире видится именно в оторванности человека от социальных сообществ, его излишней индивидуализации.

Современное общество, среди прочих, обладает важными для целей нашего анализа характеристиками, а именно, они могут быть описаны как плюралистические и эгалитарные. Данное положение в полной мере подтверждает замечание немецкого социолога Н. Элиаса об отношениях граждан и государства. С одной стороны, - отмечает ученый, - оно выравнивает различия между людьми, требуя от каждого из них соблюдения правил, принятых в данном обществе. Но хотя государственный аппарат вовлекает отдельного человека в сеть своих правил, которые остаются равными для всех граждан государства, люди здесь понимаются именно как отдельные, как индивиды, а не как, на-

пример, братья и сестры, дети и родители и т.д., гражданско-государственные права и обязанности которых учтены в организации современного государства. На последней ступени развития общества процесс образования государства вносит существенный вклад в продвижение в сторону массовой индивидуализации [230, с. 250-251]. Таким образом, современные общества являются одновременно эгалитарными, то есть исповедующими уравнивательность как принцип организации жизни общества (но лишь в том смысле, в котором мы сказали), и плюралистическими, включающими индивида во множественные и разнообразные ситуации и связи.

Как в связи с этим изменилась идентичность индивида, кроме того, что в ней Я-компонент стал более значимым, чем Мы-составляющая?

Индустриализация и сопутствующие ей процессы - урбанизация, секуляризация, социальная мобильность, бюрократизация, плюрализм - постепенно изменили мир эпохи модерна, превратив его из относительно простого и целостного во фрагментированный и мозаичный. Б. Холзнер отмечает, что общая тенденция социальных изменений в ходе мировой истории, развивающаяся в направлении существования специализированных знаний, которые существенным образом отклоняются от знаний обычного человека, приводит к ситуации увеличивающейся социальной дифференциации [прив. по 230, с. 12].

Даже сфера социальной активности являет собой свои собственные правила коммуникации и метод выделения наиболее важных знаний из «информационного шума», то есть подчеркивает Б. Холзнера, собственную эпистемологию. Индивид, действующий в разных социальных ситуациях, должен стать знатоком интерполяции между видением реальности в каждом из эпистемных сообществ. Хотя сейчас повсеместно говорят об эволюции корпоративной культуры со ссылкой на феномен производственных групп, которые развивают свое собственное видение реальности и модели дискурса, в каждом сегменте современного мира могут быть найдены более или менее отличные от других модели образа мира и коммуникации, каждый из которых налагает на актора свои требования к взаимодействию и восприимчивости. Индивид использует разные схемы воспри-

ятия и коммуникации на работе и в семье, при взаимодействии с властными структурами и в церкви и т.д. [230, с. 13].

Согласно историку Дж. Кассону [170], фрагментация общества отражает фрагментацию Я-индивида. Так, например, П. Бергер и его коллеги полагали, что процесс «плюрализации» распространился и на сферу личности, наделяя индивидов многообразием личных идентичностей [103].

Управляя сложным внешним миром, индивид с необходимостью должен дифференцировать личное и общественное Я. Общественное Я - специально созданная конструкция для того, чтобы справиться с трудностями презентации множественных эпистемных контекстов. Оно тщательно создается так, чтобы до определенного предела защитить индивида от проблем, вызванных существованием глубоко релятивистской социальной атмосферы. Согласно Дж. Кассону, эмоциональный контроль - основной компонент данного процесса, является сопутствующим элементом современности [170, с. 166].

Личное Я также представляет собой конструкцию, свойства которой во многом определяют плюралистический характер общества, осложняя процесс конструирования и поддержания Я-концепции индивида. Исследователи полагают, что наши современники, веря в светский, рациональный, бюрократизированный и рыночный мир, страдают от глубокого чувства «бездомности». Понимание себя и мира больше не подкрепляется внешними структурами общества. То есть если в традиционных обществах сам факт принадлежности человека к той или иной социальной группе, например, к определенному социальному классу, религиозной группе, определял набор ценностей, норм, правил, которыми руководствовался сам человек и окружающие, то теперь более важной стала личность человека. Все это превращает процесс поиска собственной идентичности в невероятно трудную задачу, поскольку у индивида отсутствует ориентир, на который можно равняться, отвечая на вопрос «кто я?». А еще точнее будет сказать, что таких ориентиров слишком много и почти невозможно выделить главный.

Данное обстоятельство значительно изменило природу повседневной коммуникации. В традиционном обществе коммуникация осуществляется на основе консенсусного знания. В данном контексте коммуникация, скорее, представляет собой

обмен информацией, нежели процесс, в ходе которого ведутся споры о реальности.

В современном обществе, за исключением специальных и других ограниченных обстоятельств, редко можно допустить, что партнеры будут придавать одинаковую значимость информации. Более того, прежде чем обсуждаемый вопрос будет адресован партнеру по коммуникации, индивид должен попытаться установить правильную модальность, в которой будет передаваться сообщение, чтобы диалог не перерос в конфликт на предмет самоопределения. Вопрос «Кто Я?» должен быть решен удовлетворительно и по особенному в каждой новой ситуации межличностного взаимодействия, поскольку обсуждение идентичности в современном обществе представляет собой постоянную и сложную проблему. Только с разрешением вопроса о взаимном признании интеракция может перейти к следующей задаче, которая состоит в обсуждении других форм разделяемого знания.

Более того, взаимодействие в современном обществе осложняется, если происходит между индивидами, не равными друг другу. Одно из следствий плюрализма, царящего в современном обществе, состоит в том, что большая часть важной работы по созданию и поддержанию стабильных личностных оценок и мнений относительно реальности осуществляется в ходе близких отношений [230, с. 15] - дружеских и семейных. Только в таких отношениях, в которых индивиды в течение длительного времени получают информацию о поведении друг друга в разных ситуациях, можно обрести обоснованное подтверждение ключевым аспектам собственной идентичности. Таким образом, близкие отношения в современном обществе несут непомерную ношу, а именно, они становятся сферой конструирования целостной оценки себя и мира. Они - своего рода «дом» в противоположность «бездомности» современного мира, описанного П. Бергером [103].

Эгалитаризм является еще одной чертой современного общества. Если общество изначально иерархически организовано, как в случае традиционного общества, межличностное взаимодействие имеет место преимущественно между индивидами, наделенными неравной социальной властью. Данное обстоятельство затрудняет коммуникацию в качестве средства создания

разделяемых значений реальности [230, с. 16]. Если партнеры не равны по статусу, то сомнительно, что низкостатусный партнер может значимым образом повлиять на формирование образа разделяемой реальности. В традиционном обществе, в котором ролевые репрезентации часто характеризуются патриархальностью, ригидностью и согласованностью, идентичность строится с использованием культурных ресурсов, нежели создается в процессе взаимодействия партнеров. Таким образом, в таких обстоятельствах коммуникация не может служить в качестве силы, связующей партнеров. В современном плюралистическом и эгалитарном обществе, в котором знания и роли являются объектом устремлений многих, предметом конкуренции, коммуникация может стать связующим звеном, а межличностные отношения невозможны без достижения общих конструкций реальности.

Таким образом, в современных плюралистических, эгалитарных обществах, где поддержание идентичности представляется хронически проблематичным, межличностное общение выполняет дополнительную функцию, а именно: оно выступает как средство поддержания «Я» и конструирования символических «мостов» между экзистенциально изолированными индивидами. В традиционных обществах «Я» не настолько пластично, а межличностное общение не несет скрытую функцию выражения самоидентификации. Скорее, общение выполняет функцию простого обмена информацией между людьми, чей жизненный опыт построен на традиционных определениях себя и других.

Поэтому большую часть проблем самоопределения, которые за него решала установленная в данном обществе система социальных отношений, человек должен решать почти в одиночку. Более того, следуя терминологии Ч. Кули, человек должен «отразиться» в огромном количестве таких же индивидуальных «зеркал» других людей. Факт, что существует так мало объективных источников значения в современном обществе, ведет к перманентному кризису идентичности.

Переживание, которое лежит в основе представления о «Я», потерявшем связь с «Мы», по мнению Н. Элиаса, «отражает конфликт между природной человеческой потребностью в чувственном подтверждении собственной индивидуальности со стороны других людей и в подтверждении чужой индивидуальности со стороны самого себя и страхом реализации этой по-

требности и сопротивлением ей. Потребность любить и быть любимым является, некоторым образом, самой яркой концентрацией этого природного желания человека. То, от чего, кажется, страдают носители человеческого образа «Я», потерявшего свое «Мы», представляет собой конфликт между желанием чувственных отношений с другими людьми и собственной неспособностью приложить достаточно усилий для его воплощения» [90, с. 279-280]. В этой связи нельзя не вспомнить слова выдающегося эго-психолога Э. Эриксона. Он определил кризис идентичности так: «Неприятный психосоциальный синдром, связанный с массовой неудовлетворенностью людей, что сопровождается чувствами тревоги, страха, изоляции, опустошенности, утратой способности к эмоциональному общению с другими людьми, превращается в массовую патологию идентичности» [91, с. 18].

Значительный резонанс темы кризиса идентичности в современном обществе свидетельствует о том, что, по мнению Н. Элиаса, «...речь здесь идет не только об обособленной, индивидуальной проблеме, а о проблеме габитуса, об основной характеристике социальной личности человека Нового времени» [90, с. 280].

2.2. Процессы интеграции и идентичность

В ситуации угрозы даже враги способны внезапно обнаружить общие интересы и, по крайней мере, на время стать союзниками. Точно так же давно люди создали государство, отказались от своего Я в пользу Мы, чтобы сообща бороться с врагами, нуждой и другими проблемами, которые сопутствуют жизни человека. Так, Д. Кац обсуждает формы и процессы национализма как связанные с причинами межнациональных конфликтов и выделяет соответствующие стратегии разрешения подобных конфликтов. Он выделяет три типа конфликтов:

- 1) экономические, возникающие в силу конкуренции за редкие ресурсы;
- 2) конфликты власти, в которых каждая сторона стремится увеличить свое влияние;
- 3) конфликты ценностей, возникающие по причине несогласия по поводу идеологии, религии, образа жизни и т.д.

Данные типы конфликта связаны с национализмом, поскольку он побуждает интеракцию между государствами. Национализм определяется как идеология нации-государства или, другими словами, как интегрированный комплекс ценностей и аттитюдов, отражающих и поддерживающих основные функции государства, а именно:

- 1) внутренняя интеграция;
- 2) максимизация соотношения прибылей и затрат;
- 3) защита от внешних врагов [138, с. 146].

Таким образом, уже неоднократно цитируемый нами великий немецкий социолог Н. Элиас делает вывод: «В настоящее время среди групп, с которыми соотносится Мы-идентичность отдельного человека, особенно большое значение имеют общества, организованные как государства. На всей планете государствам отведена роль самостоятельных единиц выживания и высокоранжированных групп, образующих рамки Мы-идентичности отдельного человека. Национально-государственная форма Мы-идентичности индивида представляется в наши дни чем-то самой собой разумеющимся» [90, с. 286].

По мнению ученого, национальные государства рождались в войнах и ради войн. Государственный уровень интеграции имеет особое значение, поскольку государства больше, чем любой другой слой Мы-идентичности, представляет в сознании большинства относящихся к нему людей функцию единицы выживания, от которой зависит физическая и социальная безопасность человека в конфликтах между группами, а также в случае природных катастроф. Однако лик государства как всегда двойственен: с функцией государства как единицы выживания одновременно связывается предъявляемое к отдельным гражданам требование быть готовым отдать за него свою жизнь [90, с. 290].

Однако на рубеже веков все чаще становятся популярными мысли о том, что связи между гражданами и государством ослабевают, что создает возможность для появления различных форм общества, при которых возрастает значение субнациональных и транснациональных лояльностей и идентичностей [46, с. 65]. Данное утверждение, далеко не бесспорное, тем не менее находит себе подтверждение.

Именно в настоящее время всеми осознается тот факт, что появились проблемы - природные и техногенные катастрофы,

экологические проблемы, угроза терроризма, возможный новый виток гонки вооружений, - решить которые каждое государство само по себе не может. То есть по словам известного российского психолога А.Л. Журавлева, «осознается не только угроза как некая реальность, но и единственная возможность противостоять ей общностью людей как коллективным субъектом» [25, с. 134].

Н. Элиас развивает данную мысль: «Уже отчетливо распознаются ранние формы нового, всемирного этоса и особенно расширение идентификации межчеловеческих отношений. Существуют многие примеры развития нового глобального чувства ответственности за судьбу индивидов, оказавшихся в нужде, независимо от их государственной принадлежности, их групповой идентичности в целом» [90, с. 233]. Например, защита того, что теперь называют «правами человека». Существуют и другие признаки. Ряд негосударственных организаций, таких как, например, «Международная амнистия», «Врачи без границ» и многие другие уже сегодня свидетельствуют о распространении чувства ответственности индивидов за судьбу отдельных людей, живущих далеко за пределами их страны или континента.

Таким образом, одна из особенностей XX века состоит в том, что в этот период интеграционные сдвиги осуществлялись не на одном, а одновременно на нескольких уровнях. Функция эффективной единицы выживания в настоящее время весьма недвусмысленно с уровня национальных государств все больше переходит к постнациональным альянсам государств и приобретает общечеловеческое значение [90, с. 303]. Вероятно, то же самое можно сказать и о тенденции в формировании идентичности. Семейные и общинные связи уступили место национальному Мы, а теперь призваны выйти и за его границы, конструируя «общечеловеческую идентичность», по терминологии Э. Эриксона [91, с. 49]. Первым шагом к созданию такого рода идентичности может стать создание единой европейской идентичности.

Единая Европа как пример развития нового уровня интеграции Мы

В Европе в 80 - 90-е годы интеллектуальная и политическая элита последовательно проводит в жизнь принцип отрицания национально-государственных начал и идеализирования надго-

сударственных, интеграционных и регионалистских начал. При соединяя к себе Центральную Европу (и прежде всего ГДР), Европа Западная готовилась отречься от отдельных германского, французского, итальянского или британского государств во имя консолидации коллективной субъектности Европейского союза. То есть Западная Европа, по словам Э. Линклейтера, возможно, «является лабораторией, в которой идет эксперимент по созданию постсуверенных сообществ» [46, с. 72]. Насколько успешным может оказаться подобный эксперимент?

В данном разделе мы не будем рассматривать экономические, политические, военные и прочие выгоды от интеграции. Нам интересна «человеческая» сторона данного процесса, сопряженная с формированием новой идентичности. На протекание интеграционных процессов, по словам Э. Линклейтера, «...вливают и те национальные сообщества, в которых настоятельно стоит вопрос о будущих целях и предпочтительной идентичности. Например, проблема европейской идентичности: должны ли национальные государства стать частью федеральной политической системы, с новым, не национальным, а европейским лицом» [46, с. 58]?

В этой связи процесс европейской интеграции часто рассматривается в контексте проблем национализма. Прежде всего, данное обстоятельство обусловлено природой этих двух феноменов. Националистическая активность может базироваться на этнокультурных идентичностях разного уровня. Применительно к Европе таковыми являются этнокультурные общности национально-государственного и регионального уровней. В свою очередь, наднациональный интеграционный процесс ведет к размыванию политических границ и изменению статуса соответствующего этнокультурного социума. Таким образом, националистическая активность ориентирована по большей части на защиту существующей идентичности, в то время как процесс наднациональной интеграции ставит статус этой идентичности под сомнение [81, с. 42]. Более того, вероятность активизации националистических движений исторически актуальна для Европы. Как справедливо отмечает А. Богатуров, «Европа, которая в результате революций национального самоопределения XIX века начала превращаться в современный мировой центр, прошла в XX через порожденные национализмом мировые войны, чтобы

на склоне тысячелетия снова столкнуться с той же угрозой в условиях мира, благополучия и даже богатства» [10]. Что это: повторение ошибок прошлого или стремление выйти на качественно иной уровень регуляции межнациональных отношений? На наш взгляд, возможны оба объяснения. Конечно, слово «ошибки» не совсем верно обозначает сложившуюся ситуацию. Скорее, снова имеет место процесс подтверждения своей уникальной идентичности.

Так, по мнению Н. Элиаса, существование национальных европейских государств как формально независимых единиц выживания более всего отвечает современному социальному габитусу живущих в них людей. На протяжении многих веков, и особенно в последнее столетие, континуальное развитие таких государственных образований, как Великобритания, Нидерланды, Дания или Франция, происходило в качестве сравнительно автономных организационных единиц: мощный сдвиг в функциональной демократизации, интеграции почти всех слоев общества в единую государственную структуру - все это привело к выраженной настроенности индивидуальной структуры личности представителей всех слоев на совместную жизнь друг с другом в своем специфическом облике - как датчан и французов и т.д. Одна только языковая общность влечет за собой крепкую привязанность индивидов к своему государственному объединению в его традиционной форме. Сказанное относится и к настроенности на внутригосударственную конкуренцию или настроенности личного ощущения на близкий человеку Мы-образ и собственную Мы-идентичность. Эмоциональные связи индивида со своим государством могут быть амбивалентными. Зачастую они принимают форму любви-ненависти. Но какого бы рода они ни были, эмоциональная привязанность к своей стране остается живой и сильной [90, с. 305].

Об этом свидетельствуют и результаты опросов общественного мнения. Так, специфической формой выражения антиинтеграционистских настроений стало падение уровня доверия к институтам ЕС среди населения государств-членов в период очередного рывка на пути интеграции - после подписания Маастрихтского договора. Другим, на первый взгляд, парадоксальным следствием усиления интеграционного процесса стал резкий рост числа европейцев, идентифицирующих себя исключительно

но как члена той или иной национальной общности: за период с 1992 по 1998 гг. их доля возросла с 38 до 44 процентов [прив. по 81, с. 47-48]. В Великобритании, например, в некоторых политических кругах опасаются потери национальной самобытности и суверенитета ради интересов Европы [46, с. 59].

Однако кажущаяся парадоксальность в реальности оказывается закономерным явлением. Как подчеркивает Н. Элиас, во время перехода к более высокой степени интеграционной ступени теряет очертание или исчезает то, что для ощущения многих вовлеченных в эти общности людей имеет высокое идентификационное значение. Идентичность их Мы-образа оказывается под угрозой [90, с. 310]. Групповую идентичность, или в более широком смысле - социальный габитус, нельзя просто поменять как одежду. Покуда с единицей более высокого порядка не связываются никакие чувства личной идентичности, никакие Мы-ощущения, выцветание или даже исчезновение Мы-группы более низкого порядка действительно воспринимается как род смертельной угрозы, как коллективный упадок и как тяжелейшее чувственное опустошение [90, с. 310-313].

Вместе с тем и само по себе стремление к интеграции может рассматриваться в контексте усиления собственной уникальной идентичности на основе сравнения своей группы и «их». По меткому выражению Н. Элиаса, «человек является самому себе одновременно в виде Я, Ты, Он, Она, Оно. Человек не мог бы быть Я, не будучи в то же самое время лицом, которое способно противостоять самому себе как Ты, Он, Она, Оно» [90, с. 264]. Противопоставление, сравнение себя с множеством «они» способствует обретению чувства идентичности. Реализация данной задачи особенно актуальна для современной Европы. Многие аналитики подчеркивают культурную похожесть стран европейского сообщества, их «принадлежность к одной цивилизации» [46, с. 72] в качестве фактора, способствующего интеграции. Но данное обстоятельство значительно затрудняет задачу дифференциации себя от других: как найти свое «Я» среди множества таких же, как «Я»? М. Маркузи в статье в «Гардиан» в июле 1995 года подчеркивает: «Правда состоит в том, что «английская» национальная идентичность была проблематична еще до того времени, когда в 50-х начали прибывать переселенцы из Южной Азии. Фактически, вне зон военных конфликтов, спор-

тивные команды сегодня являются основными видимыми барьерами национальной идентичности» [прив. по 180, с. 17]. Поэтому стремление максимально приблизиться к другим может представлять собой неосознанное желание лучше «рассмотреть» свою уникальность.

Таким образом, различия в национальном габитусе и в национальных Мы-идентичностях, подкрепленные глубокими эмоциональными связями, не могут быть устранены лишь на основе компромиссов, подписания соглашений или других рациональных средств. Они представляют собой завершение длительного процесса, итог развития различных национальных групп и личностных структур отдельных членов этих групп [90, с. 306]. Не случайно поэтому, что на разных этапах европейской интеграции наиболее очевидно антиинтеграционистские тенденции проявлялись в странах, где идея культурного единства (Франция), культурной уникальности (Великобритания) традиционно связывалась с идеей государства в ее конкретной национальной форме. Например, несмотря на убедительные экономические и политические аргументы в пользу интеграции, британская «островная» национальная идентичность, создававшаяся веками на основе квазиотделения от континента, во многом затрудняет реализацию внешне прагматичной внешней политики и все еще требует психологической адаптации со стороны общественности [прив. по 212, с. 6].

Напротив, культурный плюрализм и отсутствие у национально-государственной идеи функции культурной интеграции социума предполагают менее болезненную реакцию на наднациональные интеграционные процессы, чему примером являются малые страны Европы, а также Германия и Италия, в которых функции государственной идеи были значительно ослаблены в результате системного краха в итоге Второй мировой войны [81, с. 48-49].

Не менее важной представляется рассмотрение процесса европейской интеграции с точки зрения решения межэтнических отношений в странах ЕС. Националистическую активность можно считать одной из существенных тенденций развития современной Европы, в том числе и Западной [81, с. 43]. Об этом свидетельствует, во-первых, успех партий, придерживающихся националистических лозунгов (Национальный Фронт во Фран-

ции, Австрийская партия свободы (АПС)). Другим существенным обстоятельством, позволившим говорить о новой фазе националистической активности в странах Западной Европы, можно считать нарастание центробежных тенденций в регионах проживания коренных этнических групп. С начала 70-х гг. в практическое русло перешли дебаты об атономизации исторических этнических регионов Великобритании - Шотландии и Уэльса. Аналогичные процессы идут во Франции (корсиканское национальное движение), Испании (каталонская и басконская проблема), Бельгии (процесс децентрализации и регионализации в контексте обострения отношений между двумя государствообразующими этносами - фламандцами и валлонами). Члены этих субнациональных групп обращают свои взгляды к идее Единой Европы в надежде, что она поможет им вернуть утраченные прерогативы и выразить свою политическую самобытность.

Поэтому, реагируя на возрождение националистической угрозы «изнутри», политическая и интеллектуальная элита стали выработать собственный, точно учитывающий региональную специфику рецепт: как предупредить эту угрозу и управлять вызревающим конфликтом. Европейский рецепт предлагает «растворить» проблему самоопределения отдельных этнических групп в интеграции всех европейских народов. Укрепляя наднациональное начало, западно-европейские страны создают средство, которое позволило бы им обуздать радикальное самоопределение [10].

Но что получается на практике. Проблема так называемых национальных меньшинств пока остается неразрешенной. Регионы и малые нации могут укрепить свои политические позиции, но это не означает, что они могут стать действительным субъектом международных отношений [39, с. 12]. Следовательно, стремление к интеграции очень скоро превратится в потребность освободиться от еще одной «наднациональной» надстройки в форме ЕС. Вместе с тем расширение полномочий субнационального и наднационального уровня принятия решений вызывает националистическую реакцию неприятия интенсивности интеграционного процесса среди носителей национально-государственной Мы-идентичности. В условиях наднациональной интеграции «большие» нации оказались в ситуации, аналогичной той, в которой пребывали региональные социумы в пе-

риод интеграции в рамках национального государства [81, с. 47]. Поэтому их реакции могут оказаться точно такими же, как и у «малых» этносов - на поддержание собственной уникальной идентичности.

При всех трудностях, которые стоят на пути более тесной интеграции европейских национальных государств, важную роль играют стратегические и экономические факторы. Однако исследования показывают, что националистическая мотивировка в ее антиинтеграционистском варианте апеллирует преимущественно к интересам традиционной политико-культурной единицы (национально-государственным интересам) - в отличие от традиционного национализма с его преимущественно социально-экономической мотивацией (характерным примером в данном случае является дезинтеграция СССР). Так, приоритетным мотивом для отрицательного отношения к созданию европейского рынка для англичан и датчан является опасность этого процесса для их стран (16% и 25% соответственно), а не сектора экономики, с которым связан респондент (6% и 13% соответственно) [81, с. 48].

Таким образом, функция высшего уровня интеграции человечества как единства отношений Мы-идентичности пребывает, по-видимому, в состоянии роста. Не будет преувеличением сказать, что для большинства людей человечество в качестве Мы-идентичности образует «белое пятно на географической карте их эмоций» [90, с. 282]. Но, несмотря на все трудности, если Европейский Союз превратится в «единицу выживания», по терминологии Н. Элиаса, то, может быть, на этот раз эксперимент окажется успешным.

Будущее национально-государственной Мы-идентичности

Мощный интеграционный сдвиг, который в наши дни охватил все человечество, благоприятствует тем единицам выживания, которые намного превосходят национальные государства по уровню организационной интеграции, территориальной протяженности, числу принадлежащих к ним людей, а тем самым и по величине внутреннего рынка, социальному капиталу, военному потенциалу и во многих других отношениях. Влияние технического и экономического развития и в целом межгосударст-

венной конкуренции требуют перехода от ступени национальных государств к интеграции людей в объединенные государства. Однако стоит ли «хоронить» государство, а с ним и национально-государственную мы-идентичность? Конечно же, нет, и тому есть несколько причин.

Во-первых, основанием для поддержания тезиса о все еще жизненной необходимости такой формы мироустройства, как нации-государства, может служить факт образования почти двадцати новых государств, возникших после распада СССР - государства, стоящего на «более высокой ступени организации», по словам Н. Элиаса [90, с. 309], - и некоторых других многонациональных государств социалистического лагеря - Чехословакии и Югославии. Более того, большинство новых государств Юго-Восточной, Восточной Европы и зоны бывшего СССР не только не страшатся национализма, но рассматривают его как движущую силу, благодаря которой они возникли как самостоятельные субъекты международных отношений. А. Богатуров подчеркивает: «Даже в новой России, выкарабкавшейся из-под обломков Союза, ощущается страх перед новой эскалацией территориального распада - на него-то и среагировала в 1999 году российская элита, попытавшись (возможно, временно) вернуться к идее укрепления государственности» [10].

Таким образом, если в Западной Европе государства стараются преодолеть ограничения своей «государственности», открывая границы навстречу экономическому благополучию, идут навстречу строительству «европейского сверхгосударства» [39, с. 11], то в Восточной Европе наблюдалась националистическая мобилизация, которая имела целью восстановление национального суверенитета.

Второй аргумент вытекает из первого. Несмотря на то, что, как отмечают некоторые исследователи, «обычное» государство больше не способно регулировать межэтнические отношения, которые успешнее разрешимы в рамках надгосударственных общностей [10], государство способно и обязано взять на себя эти функции. Всюду, где существуют многообразные общины с различной идентичностью, с неизбежностью возникают конфликты лояльности. Посредничество между различными концепциями гражданского долга и поддержание баланса между различными нормами морали, подчеркивает Э. Линклейтер, «из-

начально считается одной из главных задач государства» [46, с. 74]. К этому обязывает и психологическая функция нации. Дж. Мэк доказывает, что в XX веке нации как раз были теми социальными организмами, которые наиболее эффективно удовлетворяли базовые потребности индивидов [124]. То есть государство все еще продолжает осуществлять свои функции единицы выживания, в том числе и для государствообразующих этносов, которым, как ошибочно полагают многие исследователи, нечего опасаться: больше внимания традиционно уделяется так называемым национальным меньшинствам. Хотя, как показывает практика (например, конфликт в Македонии), меньшинства часто являются источником реальной угрозы для титульной нации.

Поэтому (и это третий аргумент в поддержку тезиса об актуальности национально-государственной Мы-идентичности) «там, где ситуация нестабильна и опасна, у идеи отмирания государства нет прочной основы» [10]. Показательным является опыт стран СНГ и большей части государств Восточной Европы, где преобладает тенденция не к "преодолению" государства, а к его всемерному усилению. Оно должно служить в первую очередь силовому регулированию внутренних гражданских отношений (Хорватия, Сербия, Румыния, Латвия, Эстония, Белоруссия, Грузия, Казахстан, новые государства Центральной Азии), противостоянию гипотетической или реальной внешней угрозе (Албания, Македония, Армения, Азербайджан), задачам социально-экономического развития (Украина). Наконец, всем перечисленным государствам наступательная государственническая философия политики служит инструментом утверждения новой идентичности. Важнейший постулат глобализации - "одоление" государства надгосударственностью - вызывает сегодня больше сомнений, чем понимания [10].

В-четвертых, как справедливо замечает идеолог «открытого общества» Дж. Сорос, международные отношения продолжают строиться на принципах национального суверенитета [76, с. 214-215]. В международных отношениях «нация-государство» традиционно рассматривается в качестве средоточия коллективной идентичности. Значительные усилия по обеспечению безопасности в международных отношениях определяют своей целью понимание того, как можно защитить уникальную идентичность данной группы. Более того, понимание «национальных

интересов» как организующего понятия международных отношений строится на допущении, что наша идентификация с нацией преобладает над другими аспектами социальной и политической идентичности [228, с. 62]. В данном контексте уместно привести высказывание чрезвычайного и полномочного посла ФРГ в России Э.-Й. фон Штудниц о важности сохранения внешнеполитических ведомств в государствах объединенной Европы³.

О. Тоффлер в 1970 году в книге "Шок будущего" отмечал: скорость перемен в различных областях человеческой жизни настолько велика, что культура не успевает ассимилировать эти перемены [прив. по 49]. Поэтому наиболее важной причиной сохранения государства является то, что Н. Элиас назвал «эффект запаздывания» в условиях воздействия незапланированных социальных факторов [90, с. 293].

Так, ученый отмечает, что от мощи социального сдвига, от того, насколько глубоко он затрагивает укоренившиеся структуры, а следовательно, и от силы сопротивления ему социального габитуса людей полностью зависит, приведет ли динамика незапланированного общественного процесса к более или менее радикальному изменению структуры этого габитуса, или социальный габитус индивида окажет успешное сопротивление всепроникающей общественной динамике, то есть частично ее затормозит либо полностью свяжет своим сопротивлением. По миру прокатилась волна выступлений против глобализации. Так, по оценкам специалистов наихудший вариант последствий глобализации, которые дадут о себе знать сразу после вступления России в ВТО, связан с тем, что «...будет уничтожено 2/3 российской промышленности, закроются не менее 40 тысяч предприятий, без работы останется 30 миллионов человек»⁴.

Как показывает практика, мощи современного интеграционного движения не способны противостоять ни отдельные социальные единицы, ни отдельные индивиды. Однако эти попытки провоцируют специфические конфликты. Они возникают не случайно, а принадлежат самой структуре общего процесса развития. Отчасти такие процесс-конфликты связаны с изменением социальной структуры личности отдельных людей в группах,

³ Что делать? // КЗльтЗра. 1т.11.т001. тт:47.

⁴ Постскр, птЗм // ТВЦ, 3.11.тЦЦ. тЦт6.

вызванным переходом от одной интеграционной ступени к другой. Некоторые конфликты такого типа человек должен разрушить в самом себе (например, конфликт лояльности).

В других случаях они приобретают характер конфликта поколений. Нестабильный характер национально-государственной идентичности проявляется и в том факте, что в Восточной Европе, например, отчетливо прослеживаются межпоколенные различия: в одних регионах молодежь энергично утверждает свою национальную идентичность, тогда как старшее поколение демонстрирует относительный интернационализм. В других - напротив, упор на национальное свойствен в первую очередь пожилым, а молодежь проявляет склонность к более широким формам гражданской идентификации.

Трудности ассимиляции изменений могут быть рассмотрены и с точки зрения феномена «потерянных поколений». Это проблема тех поколений, которые почувствовали себя неответственными обществом, находящимся на определенном этапе развития. Каждая эпоха требует определенных социальных ролей, и одна из задач личности состоит в том, чтобы соотнести особенности эпохи и личный период своего развития для успешного исполнения набора требуемых ролей [7, с. 191, 194]. Данная проблема актуальна и для современной России. Представители старшего поколения россиян, которые родились в эпоху И.В. Сталина и чей период взрослости совпал с правлением Л.И. Брежнева, обычно испытывают значительные трудности в адаптации к новому порядку вещей. Известно, что тоталитарная политическая культура в период трансформаций обычно представляет серьезную психологическую проблему для населения. Те, кто выросли, социализировались и провели большой отрезок жизни при таком режиме, воспитали у себя соответствующие ценности и привычки. Так, зависимость, которую породила система такого рода, повлияла на отношение к личной свободе и инициативе. Люди в этой ситуации нуждаются в том, чтобы их авторитарные лидеры вводили своего рода ограничения, контролировали поведение. Если их просят вести себя «на собственное усмотрение», они обычно испытывают фрустрацию, делать выбор трудно, они не научены этому [224, с. 167-168].

Из сказанного выше следует, что темп соответствующего изменения в социальном габитусе является чрезвычайно медленным. Другими словами, и национально-государственный социальный габитус отдельных граждан национального государства, и принадлежащие этому габитусу Мы-образ и Мы-идеал обладают соответственным смыслом, и вследствие этого силой инерции, которая способна противодействовать дальнейшему общественному развитию в направлении к более высокой степени интеграции. Поэтому, подчеркивает Н. Элиас, несмотря на то, что в XX веке уровень интеграции традиционных национальных государств утратил свои функции единицы выживания, их отпечаток в ощущениях и характере соответствующих индивидов, так называемый национальный характер, привел к консервации человеческого поведения, остающегося почти не затронутым изменениями общественной реальности [90, с. 306-307].

2.3. Проблема идентичности в эпоху глобализации

Тема «глобализации» в последнее время широко обсуждается в политике, науке, СМИ. Это отчасти объясняется тем, что, по мнению аналитиков, способность национальных сообществ определять темп и направление политических изменений внутри страны и в мире в целом упала. Все больше национальных государств признают необходимость создания более сильных международных институтов - региональных и общемировых. Широкомасштабная миграция превращает сравнительно однородные общества в более сложные полиэтнические общества, испытывающие мощное давление тех, кто требует считаться с культурным многообразием. Проблемы, создаваемые этническими группами на субнациональном уровне, даже в сравнительно однородных государствах Западной Европы, привели к требованиям обеспечить большую политическую автономию на местах. Под действием процессов глобализации и фрагментации, одновременно происходящих во всем мире, возникли новые сомнения о будущем политического сообщества [46, с. 54]. А это, в свою очередь, обуславливает появление проблемы идентичности.

Но прежде необходимо определить понятие глобализации.

По мнению В. Максименко, понятие глобализации подразумевает общемировую тенденцию нарастающей интенсификации обменов информацией, финансовыми потоками и людскими ресурсами между различными странами и регионами [49]. А. Богатуров выделяет, по меньшей мере, восемь основных тенденций и явлений, обозначенных в трудах 90-х годов:

1) объективное усиление проницаемости межгосударственных перегородок (феномены «преодоления границ» и «экономического гражданства»);

2) резкое возрастание объемов и интенсивности трансгосударственных, транснациональных перетоков капиталов, информации, услуг и человеческих ресурсов;

3) массированное распространение западных стандартов потребления, быта, само- и мировосприятия на все другие части планеты;

4) усиление роли вне-, над-, транс- и просто негосударственных регуляторов мировой экономики и международных отношений;

5) форсированный экспорт и вживление в политическую ткань разных стран мира тех или других вариаций модели демократического государственного устройства;

6) формирование виртуального пространства электронно-коммуникационного общения, резко увеличивающего возможности для социализации личности, то есть для непосредственного приобщения индивида (пассивно или интерактивно), где бы тот ни находился, к общемировым информационным процессам;

7) возникновение и культивирование в сфере глобальных информационных сетей образа ответственности всех и каждого индивида за чужие судьбы, проблемы, конфликты, состояние окружающей среды, политические и иные события в любых, возможно, даже неизвестных человеку уголках мира;

8) возникновение «идеологии глобализации» как совокупности взаимосвязанных постулатов, призванных обосновать одновременно благо и неизбежность тенденций, работающих на объединение мира под руководством его цивилизованного центра, под которым, так или иначе, подразумеваются США и «группа семи».

Простой обзор проявлений глобализации позволяет подразделить их на материальные (объективные) и виртуальные (манипуляционные). К первым относится все, что касается реального движения финансовых потоков и его обеспечения, трансферта технологий, товаров и услуг, массовых миграций, строительства глобальных информационных сетей и т. п. Ко вторым - содержательное наполнение этих сетей, распространение определенных ценностей и оценочных стандартов, формирование и продвижение предназначенных международному общественному мнению психологических и политико-психологических установок. Очевидно, глобализация - это не только то, что существует на самом деле, но и то, что людям предлагают думать и что они думают о происходящем и его перспективах [10].

Последнее замечание особенно важно для нас. Мы не ставим перед собой задачу обсуждения «материальных», по терминологии А. Богатурова, проявлений глобализации. Для нас более важна смысловая нагрузка этих действий, которые направлены на формирование нового социального габитуса, общечеловеческого Мы. Как мы показали в предыдущей части данной главы, формирование чувства Мы, выходящего за рамки государства, пока еще проблематично для людей отдельного региона, даже при наличии признаваемой всеми духовной близости. Можно ли в этом случае серьезно надеяться на формирование общечеловеческой Мы-идентичности, когда мир так «трагически не един» [49], во многих отдельно взятых странах, происходит не глобализация, а нечто противоположное ей - регионализация и фрагментация общественных отношений, усугубляемая демографическим давлением, а также бурно прогрессирующей тенденцией этнизации сознания в ответ на разрушительные для национальных суверенитетов влияния глобалистской стратегии?

Ответ на поставленный вопрос во многом зависит от идеологического оформления явления глобализации.

Один из самых важных аспектов глобализации связан с тем, что С. Хантингтон называет отношениями между Западом и остальным миром [162]. В 70-е годы британский ученый, специалист в области международных отношений Х. Булл ввел в оборот понятие «**международного общества**». Он считал, что внутри **международной системы**, охватывающей все государства мира, всегда существовало некое протоядро, которое он назвал

международным обществом. Разница между первым и вторым понятиями заключалась в том, что страны, входящие в международное общество, в отношениях между собой руководствовались не только практическими интересами момента, но и неким более или менее общепризнанным кодексом поведения, который, в свою очередь, был основан на разделяемых этими государствами нравственных ценностях. Классическим примером античного международного общества Булл считал совокупность греческих полисов, подчеркивая, однако, что помимо них в международную систему того периода входили и негреческие государства - Персия и Карфаген. Рассматривая разные виды международных обществ (христианский, европейский и др.), Х. Булл сформулировал идею **мирового международного общества**, по-прежнему четко отделяя его от совокупности всего остального, что составляет международную систему.

Прообраз мирового общества, его ячейку в международном сообществе, из которой на весь остальной мир распространяется благотворное влияние, в частности постепенно распространяются нормы международного права, Х. Булл видел в индустриальных демократических странах. В этой картине мира страны-носители сознания мирового общества составляли меньшинство. Однако они принадлежали к демократической традиции и потому представляли собой передовую часть международного сообщества, обладали не только военно-техническим и экономическим, но и моральным превосходством.

Мировое общество, которое исходно мыслилось как привилегированный клуб цивилизованных стран, после распада СССР и разворота постсоциалистических государств к сотрудничеству с Западом стало почитаться безальтернативной перспективой всего человечества. Начало переговоров о расширении НАТО в 1997 году и параллельное распространение европейских интеграционных структур на Восток стали рубежными событиями - начало осуществляться то, что предначертано теоретиками. Распространение мирового общества на планете стало главной тенденцией международной жизни 90-х годов. В Восточной Европе, на постсоветском пространстве, кое-где в Азии, вообще всюду, где можно, начали культивировать слабые и неустойчивые посттоталитарные плюралистические режимы рыночной ориентации. Каждый из них претендовал на звание демократического.

Международное сообщество стало выглядеть внешней оболочкой разбухающего ядра мирового общества, которую ему предстояло неминуемо заполнить [10].

Глобализация служит распространению западных ценностей, образов и символов через транснациональные СМИ [46, с. 71]. Характерной тенденцией последних лет является стремление западных теоретиков рассматривать проблемы манипулирования сознанием и поведением в контексте глобализации и решения, тем самым, проблемы создания коллективной идентичности. Известный политолог Г. Лассуэлл отмечает, что развитие современной коммуникационной техники, позволяющей почти одновременно распространять ту или иную информацию по всему миру, в конечном итоге приведет к всеобщей интеграции.

Решающим условием продвижения к этому качественно новому уровню социальной целостности Г. Лассуэлл [прив. по 50] считает решение проблемы идентичности. Речь идет о понимании человеком собственной ценности в его взаимосвязях с окружающей средой, своего места среди бесчисленного множества себе подобных человеческих существ. И это есть глубинное и настойчивое желание человека идентифицировать себя с жизнью определенного сообщества. Современными глобалистами проблема идентификации рассматривается в русле проблем массовой коммуникации в широком смысле слова. Это и проблема управления идеологической жизнью современного общества, идеологической интеграции социального организма, и проблема привлечения широких масс, человеческого фактора к функционированию социальной системы как единого целого. Правительства разных стран заинтересованы в подаче информации таким образом, чтобы формировать определенные настроения или мораль населения. При этом у каждого индивида неизбежно формируется потребность в установлении и стабилизации «всемирного общественного порядка». Г. Лассуэлл утверждает, что развитие современных средств массовой информации уже перешагнуло тот рубеж, за которым движение к «глобальному сообществу» становится необратимым.

Однако данное утверждение является сомнительным. Часто создается впечатление, что идеологи глобализации берут в расчет только так называемые государства «золотого миллиарда», забывая о существовании объективно «другого» мира, который

исповедует свои ценности и считает западную цивилизацию враждебной. Так, один из мусульманских лидеров, выступающих в мечети перед сторонниками движения Хезболлах, подчеркнул: «Они обманывают нас, усыпляют нашу бдительность своим радио, газетами, телевидением»⁵. Более того, мир, в котором одни ценности, правила признаются более совершенными, чем другие, в котором существуют свои «изгои», вряд ли можно назвать развивающимся в направлении глобализации. Вместе с тем, как это ни парадоксально звучит, именно страны-парии помогли осознать «глобальный» характер террористической угрозы, обострили проблему соблюдения прав человека, символизировавшую, что «идентификация людей выходит за рамки государственных границ и наступает время групповой Мы-идентичности на общечеловеческом уровне» [90, с. 323-324]. Мы уже не раз подчеркивали, что Мы-чувство развивается в силу усвоения опыта угрозы собственной группе со стороны другой группы. В это связи Н. Элиас справедливо замечает, что «возникновение и развитие общечеловеческого Мы-чувства протекало бы проще, если уничтожение угрожало бы откуда-нибудь извне» [90, с. 320]. В современном мире данный тезис «работает» в пользу Запада и в противовес созданию общечеловеческой Мы-идентичности.

Данная ситуация усугубляется также и тем, что, по мнению некоторых аналитиков, Запад утратил свою идеологическую функцию «образца для подражания», идеала развития, к которому необходимо стремиться. По мнению доктора философских наук А. Панарина, «сейчас возникает ситуация колоссального мирового идейного кризиса. Запад сейчас перешел на позиции социал-дарвинизма: прогресс для избранных, программа развития для избранных, ресурсы планеты не для всех, а для избранных. Это означает, что необходимы такие идеи, где было бы реабилитировано большинство, так называемое не адаптированное к рынку большинство, обнищавшее большинство, и т.д. Проблема реабилитации большинства решается в идейной сфере. Требуется мощная идейная альтернатива, связанная с реабилитацией большинства. С этой точки зрения на Западе нет идей, пригодных для реабилитации большинства. И в правом, и в ле-

⁵ КЗльтЗра. 14.1т.тЦЦ. 11:16.

вом спектре побеждает социал-дарвинизм и противопоставление развитых стран всему миру. ... Раньше Запад был идейным донором для всего мира. Сейчас Запад отказывается быть этим донором, и лучшие идеи приберегает для себя. Это означает, что остальным остается надеяться на некие объединительные собственные традиции: религиозные и т.д.»⁶.

Поэтому самосознание современного мира поделено на две части. Одна - интегрированное, целостное, разделяющее общие правила и нормы Я-Мы-общество. Но есть и другое - разделяемое противоречиями, стремящееся найти свое Я в противопоставлении, часто в конфликте с другими множество Я-Мы-обществ. Данное обстоятельство в полной мере отражено М. Калдор в рассуждении о судьбе частных, «дифференцирующих» идентичностей. В частности, она отмечает: «Можно утверждать, что частные идентичности являют собой черту постмодернизма, характеризующегося культурным релятивизмом. Однако трудно себе представить, что они смогут создать основу для развития гуманистических гражданских ценностей, поскольку вряд ли смогут предложить ориентированный в будущее проект развития, соответствующий новому глобальному контексту. Вместе с тем, это не означает, что частные идентичности и ориентированная на них политика исчезнут. Скорее, они актуальны для новых хаотических маленьких независимых государств, борющихся за выживание» [169, с. 87]. И до тех пор, пока эти маленькие государств не обретут свою Мы-идентичность на государственном уровне интеграции, сложно говорить о формировании общечеловеческой Мы-идентичности. Видимо, такого рода интеграция будет возможна только тогда, когда мир достигнет своей максимальной дифференциации, когда каждый участник мирового сообщества будет ощущать себя в качестве независимого, ответственного, активного субъекта, когда каждый будет уверен, что он может не опасаться растворить свою индивидуальность среди других индивидуальностей, интеграция более высокого порядка будет возможна.

На наш взгляд, на сегодняшний день социальному габитусу современных индивидов более соответствует другое идеологическое оформление глобализации. В некоторых работах, посвя-

⁶ Что делать? // КЗльтЗра. т4.1т.тЦЦ. т3: 1т.

ценных вопросу глобализации, понятия глобализации и космополитизма рассматриваются в неразрывной связи друг с другом [см. например, 46, 169]. И если глобализация понимается как появление и укрепление надтерриториального измерения общественных отношений; или изменение пространственной формы человеческой организации и деятельности в направлении трансконтинентальных или межрегиональных моделей этой деятельности; или как указание на общемировую тенденцию нарастающей интенсификации обменов информацией, финансовыми потоками и людскими ресурсами между различными странами и регионами [прив. по 49], то космополитизм должен способствовать созданию правил осуществления подобной интеграции и обмена, пониманию, для чего эти процессы должны осуществляться.

Космополитический принцип подразумевает, что каждый человек, независимо от расы, вероисповедания, пола, национальности, должен иметь один, и только один, голос [46, с. 66], без преимуществ и ограничений. Поэтому, говоря о космополитизме как идеологическом оформлении глобализации, недопустимо предполагать существование какого-либо идеального, «правильного» мировосприятия, которому необходимо подражать (как в случае с идеей о мировом обществе). Все усилия должны быть направлены на разработку процедур разрешения споров между различными группами, которые могли бы стать приемлемыми для всех. Космополитический идеал предполагает, что проблемы политического устройства человечества должны решаться в процессе диалога, от которого никто не может быть априорно отстранен [46, с. 67].

Как подобное оформление глобализации определяет движение к складыванию общечеловеческой Мы-идентичности? Здесь необходимо вернуться к понятию социального габитуса в понимании Н. Элиаса. В частности, ученый отмечал, что социальный габитус является многослойным. Например, житель Франции одновременно обладает особенностями европейца. Все зависит от числа переплетенных друг с другом уровней интеграции его общества, от того, сколько слоев в социальном габитусе человека вплетены друг в друга. Обычно какой-то из слоев занимает среди них особенно видное место. Это тот слой, который характеризует принадлежность человека к определенной единице вы-

живания, например, к племени или государству. В случае людей, принадлежащих к обществу на ступени развития современного государства, именно на этот слой и указывает выражение «национальный характер» [90, с. 254]. То есть человек может ощущать себя гражданином мира, не теряя тесной связи со своим государством, ощущения национально-государственного Мы.

Космополитизм не означает отрицание идентичности. Он означает торжество многообразия глобальных идентичностей, принятие, пересечение идентичностей, и одновременно признание равенства всех людей и достоинства каждого. А. Апаия говорит о «патриоте-космополите», ратующем за свой дом, культуру, но и испытывающем радость от существования других, отличающихся людей и культур. Вместе с тем он дифференцирует космополитизм и гуманизм, поскольку гуманизм провозглашает глобальное равенство всех людей, а космополитизм - прославляет факт тотальной непохожести, многообразия культур [169, с. 87-88].

Данное замечание особенно важно в ситуации, что наш современный «глобальный» мир трагически не глобален. Например, Э. Линклейтер пишет: «С ростом глобализации и *уязвимости общества со стороны внешних сил (курсив авторов)*, находящихся за пределами его границ и неподвластных демократическому контролю, значение и выгоды национального гражданства стали уменьшаться» [46, с. 68]. На наш взгляд, именно в силу указанной причины человек не может чувствовать себя в безопасности, будучи «ничьим», гражданином крайне опасного, раздираемого противоречиями мира.

2.4. Идентичность и проблема безопасности

В предыдущих разделах мы рассмотрели психологические процессы интеграции и дифференциации этнических групп, трансформации и самоопределения нации, которые вероятней всего будут играть существенную роль в жизни мирового сообщества и нашей страны. Однако эти процессы, к сожалению, не всегда проходят без осложнений, а чаще сопровождаются серьезными конфликтами. Видимо, поэтому социальные исследователи [см. 54] все чаще стали использовать концепт «безопасности», ранее ассоциировавшийся в основном с военной угрозой, для осмысления проблем защищенности личности, группы, общества в целом. При этом даже разрабатывается и обосновывается концепция этнополитической войны [133] как новой реальности современного мира. Недаром французский философ и социолог П. Асснер подчеркивает: «И на Западе, и на Востоке, в центре и на периферии культурная идентичность и общественная безопасность стали центральным мотивом поведения и предметом политических конфликтов» [прив. по 67, с. 291].

Безопасность, по определению Л. Перепелкина, - это состояние устойчивого функционирования и воспроизводства социального объекта/субъекта, поддерживаемое с помощью особой институциональной среды. При этом под "воспроизводством" понимается повторение во времени и пространстве, в последовательности поколений структурных, функциональных и семантических характеристик социального объекта/субъекта, взятых в их динамических связях с окружением [54, с. 153]. Субъекты и объекты безопасности - все те, кто создает безопасность и пользуется ее плодами. В зависимости от того, кто выступает субъектом и/или объектом - отдельный человек, общество, государство или сообщество государств, - устанавливается тот или иной уровень безопасности. Соответственно предметом усилий по ее обеспечению/защите становятся личная или индивидуальная безопасность, социетальная безопасность или безопасность общества, национальная безопасность или безопасность государства, международная или коллективная безопасность. Предельный уровень - всемирная или глобальная безопасность, промежуточный между индивидом и обществом либо

государством - групповой, или уровень общности, между национальным уровнем и международным либо глобальным - региональный [54, с. 19].

Представляется, что в реальности эти уровни сложно отделить друг от друга, поскольку, если не обеспечена личностная безопасность, едва ли можно говорить о безопасности общества, государства, а в конечном итоге и международной безопасности. Например, рассуждая об этнонациональной идентичности россиян, мы находимся на групповом уровне анализа. Британский теоретик Б. Бьюзен подчеркивает, что человеческие коллективы стремятся обеспечить свою безопасность в соответствии со своими опасениями внешних угроз, которые структурируют их идентичность. Фактически, «для общества выживание есть вопрос идентичности, поскольку это способ, которым оно сигнализирует об угрозах собственному существованию: если последние реализуются, мы больше не сможем жить как «Мы» [253, с. 25].

С другой стороны, идентичность группы во многом детерминирована особенностями развития общества, государства, общемировыми тенденциями, то есть факторами, выходящими за пределы группы. Действительно, идентичность есть не только продукт самоутверждения в качестве политического сообщества по отношению к другим сообществам, но и признание со стороны других, что представляет собой важную политическую цель с точки зрения обеспечения легитимности. Данная идентичность связана с членством в политическом сообществе, с гражданством и с глобальными обязательствами. Несмотря на тенденцию к глобализации, идентичность также проявляется в стремлении к определению географических границ и территории либо в мирной форме, либо - в форме насилия. Следовательно, как внутренние, так и международные факторы играют важную роль в определении идентичности и урегулировании этнических конфликтов [67, с. 296]. Поэтому проблему идентичности-безопасности следует рассматривать в контексте взаимоотношений между «ними» и «нами».

Это замечание важно для определения понятия «угрозы безопасности». Угрозы могут быть реальными, уже имеющими место, либо возможными, потенциальными. В то же время на каждом уровне безопасности (включая индивидуально-

личностный уровень) они могут исходить как извне, так и из самого субъекта или объекта безопасности. Феномен безопасности имеет выраженную субъективную, в том числе когнитивную сторону (осознание проблемы). Однако всякий социальный субъект осуществляет оценку угроз своей безопасности в свете господствующей (принятой) системы ценностей. А тот или иной набор ценностей является одним из важнейших функциональных элементов культуры.

В современном обществе говорят об экологической безопасности, демографической безопасности, физической, экономической, социальной, информационной, технологической и военной безопасности. Конец XX века отмечен новым всплеском национального строительства в странах бывшего социалистического лагеря, что неизбежно привело к обострению межэтнического взаимодействия. Поэтому наряду с перечисленными видами безопасности выделяют и **этнокультурную безопасность** [54, с. 152]. Мы считаем, что в свете обсуждавшейся ранее проблематики уместно поставить вопрос и об **этнополитической безопасности**. Рассмотрим поставленные проблемы на примере России.

Действительно, этнокультурная идентичность, как правило, базируется на устойчивых и воспроизводящихся культурных комплексах, таких как язык, религия, традиции, обычаи и т.д. Россия, как и практически любая страна, характеризуется своеобразной структурой населения не только по демографическим, образовательным, но и по этнокультурным параметрам. Поэтому обеспечение этнокультурной безопасности связано, прежде всего, с поддержанием этнокультурного воспроизводства, отсутствие которого может привести группу к таким негативным явлениям, как психологическая дезориентация, распространение девиантных форм поведения, социальная маргинализация и т. д., что, в свою очередь, угрожает этнокультурной идентичности.

Наиболее яркий пример этих процессов в России - так называемые кризисные этносы, к которым причисляется аборигенное население Севера. Однако эта проблема начинает все более заостряться и для самой многочисленной этнокультурной группы - русских. Проблема вырождения русской нации возведена в ранг государственной. На уровне обыденного сознания эта проблема представлена в контексте засилья иноэтнической миграции и

«западного» влияния. Так, по результатам опросов в Твери исследователи делают вывод, что местные жители чаще "пришлых" говорят об угрозах безопасности на любом из выделенных уровней. При этом концентрация угроз в представлениях респондентов заметно возрастает при переходе от более известных им уровней личной жизни и локальной социальности к уровню общероссийскому [прив. по 54, с. 239-240].

Согласно данным опросов, в России, и особенно в крупных городах, в Краснодарском и Ставропольском краях, в Ростовской области нарастает ксенофобия, имеющая антикавказскую направленность. Однако в этом, как и в случае многих других «фобий», обеспечение этнокультурной безопасности часто опосредовано реализацией экономической безопасности. Влияние миграции проявляется, прежде всего, в росте нагрузки на рабочие места и социально-культурную инфраструктуру территории, в усилении конкуренции на рынке труда. Так, 41,1% старшеклассников петербургских школ высказали мнение, что "без приезжих с Кавказа в городе будет лучше", так как большинство из них "спекулянты и жулики" (66,1%), "преступники" (65,0%), "обогащаются за наш счет" (63,9%), "занимают наши рабочие места" и "обостряют жилищную проблему" (соответственно 40,0% и 24,1%) [прив. по 73].

Приблизительно теми же словами может быть описано отношение русских к представителям «капиталистических» стран. Однако если сравнение с мигрантами из ближнего зарубежья часто осуществляется в пользу своей группы, то с представителями развитых западных государств, как мы уже показывали, сравнение идет в пользу «их», что приводит к возникновению негативной ингрупповой идентичности и аутгруппового фаворитизма.

Существует еще одна важная причина говорить о проблеме этнокультурной безопасности русских. Поиск идентичности в России обнаруживает черты "культурного шока". Россияне теперь живут в другом государстве, в пределах других государственных границ. Эпоха провозгласила новые ценности, образ мысли. Изменились экономические, политические, социальные «правила». Советские люди превратились в россиян, оказались "мигрантами" в собственной стране.

Культурный шок и большая культурная дистанция могут оказывать негативное воздействие даже на психофизиологическое состояние мигрантов. В нашем случае трансформация «коммунистического» общества в демократическое обнаружила значительную культурную дистанцию. Негативная оценка россиянами советского прошлого в первые годы реформ сменилась заметным интересом и симпатией к нему в настоящем. Собственно российские атрибуты, соответствующие новому государству, закрепляются в сознании пока еще с большим трудом. На смену позитивным оценкам приходят раздражение, обида, чувство несправедливости - негативная оценка россиянами собственной культуры, т. е. кризисом идентичности.

Реализация безопасности, в том числе и этнокультурной, по определению, обеспечивается с помощью особой институциональной среды. Велико значение государства, развития в нем демократических структур, обеспечивающих участие во власти представителей народов, отражение их точки зрения в средствах массовой информации, наличие в государственной структуре устойчивых механизмов регулирования конфликтных ситуаций. Чем выше легитимность и устойчивость центральной власти, ее сплоченность, организованность, тем меньше шансов у региональных лидеров играть на противоречиях, доходить до ультимативных форм взаимодействия; в то же время им легче договариваться о разделении полномочий и сфер влияния. Нельзя ожидать либерализации этнонационализма, ослабления сепаратизма, если в государстве происходит эскалация национализма шовинистического толка, если в распределении общегосударственных ресурсов присутствует волюнтаристский момент, наличествуют «клиентурные» отношения [см. 66].

Необходимо подчеркнуть, что по нашим исследованиям гражданское "Я" в структуре личностной определенности россиян не является лидирующим компонентом. Большинство респондентов объясняют ослабление или даже исчезновение чувства гражданственности, в основном, тремя причинами. Во-первых, к этому привел распад СССР и выделение России в самостоятельное государство. Во-вторых, ухудшением положения в стране. В-третьих, это связано с явлением отчуждения государства и народа и выражается формулой: «если я не нужен го-

сударству, то оно не нужно мне» (приведено по высказываниям респондентов [37]).

Проблема гражданственности также детерминирована отсутствием чувства безопасности в пяти основных сферах жизни - физической, экономической, социальной, этнокультурной и безопасности достоинства. Все они важны для человека, все постоянно присутствуют в обыденном сознании. Однако они проявляются ситуационно: на первый план обычно выходит тот (те) из них, который (которые) подвергается наибольшим угрозам. Незащищенность в этих сферах детерминирует слабо выраженную идентификацию с государством или даже ее полное отсутствие.

Мы полагаем, что весь ход предшествующих рассуждений подводит к мысли о постановке проблемы обеспечения **этнополитической безопасности**. Определенный вклад в теоретическое осмысление предлагаемого подхода уже сделан в концепции этнокультурной безопасности, где заострена проблема существования этноса как самостоятельной культурной общности. Мы связываем выживание и безопасность этноса с политической сферой, имея при этом в виду ситуацию, когда государство не подменяет интересы социального и политического становления этноса «своими», государственными, интересами.

Данная проблема в той или иной форме уже обозначалась многими исследователями прошлого и настоящего [см., например, 101; 239]. Несмотря на то, что русские в любом государственном образовании, которое они создавали, представляли титульное большинство, обычно, сознательно или неосознанно, они отказывали себе в поддержании своей этнической самобытности в пользу объединяющей все народы надэтнической идентификации. В СССР идентификация «русский» была заменена категорией «советский человек», в Российской Федерации - на «россиянин», «гражданин России». Этнические субъекты РФ обрели собственные политические атрибуты (органы власти, конституцию, символы государства), в то время как этнические русские вынуждены воспринимать в качестве таковых атрибуты Российской Федерации, общие для *всех*, в том числе и для иноэтнических россиян. Существует Татарстан как самостоятельный субъект Российской Федерации, но - нет России. Россия - это все то, что *не* Чечня, *не* Калмыкия, *не* Тува и другие «не...».

Между тем западные исследователи понимают процесс этногенеза, прежде всего, как вызревание чувства единства независимо от того, на чем оно основано. А такое чувство возникает в условиях культурной границы и питается отношениями того или иного неравенства, опирающегося на культурные различия. Следовательно, толчок этногенезу в ряде случаев может дать сложившаяся государственность, выковывающая общественное единство и устанавливающая внутренние социокультурные границы политическими методами [прив. по 66]. Однако в Российской Федерации пока еще сложно говорить о единстве такого рода: по данным Г.У. Солдатовой, у представителей республик Российской Федерации республиканская принадлежность доминирует над общероссийской идентичностью [75, с. 61].

В подобной ситуации кризис идентичности этнических русских, проживающих вне этнических субъектов РФ, становится закономерным явлением. В результате неизбежным становится «бегство» в «региональную идентичность»: идентифицировать себя со своей областью, городом, поселком и т.д. проще и понятней. Или имеет место отказ от этнополитической идентификации: человек акцентирует внимание прежде всего на себе.

Само решение проблемы обеспечения этнокультурной и этнополитической безопасности не так очевидно, как может показаться на первый взгляд. С одной стороны, акцентирование этничности русских может спровоцировать новую волну дезинтеграционных процессов, регионализма, межэтнической напряженности: С. Панарин [54, с. 29] отмечает, что за заботой о безопасности идентичности нередко можно обнаружить беспокойство совсем иного рода - о том, чтобы сохранились элементы этнокультурного наследия, удобные для реализации агрессивного националистического проекта или освящающие недемократические модели политического устройства. С другой стороны, диффузная этнокультурная и этнополитическая идентичность русских также не может стать тем стержнем, на котором держится государственное единство и целостность. Таким образом, формирование новой этнической и государственной идентичности россиян, впрочем, как и многих других современных этносов и наций, необходимо рассматривать в контексте своего рода «дилеммы безопасности», разрешению которой должны способствовать дальнейшие исследования в рассматриваемой сфере.

Раздел 2.

Этническая идентичность

Прежде чем обратиться к обсуждению этнической идентичности, мы хотели бы сделать некоторые замечания, объясняющие логику изложения материала в трех последующих разделах.

Наш анализ мы хотели бы начать именно с этнической идентичности, поскольку она представляется основой для других видов политической идентичности, хотя изначально этничность лишена «политического фактора». Как отмечает А. Смит, довольно часто существует возможность проследить возникновение нации и национализма от этнических групп и их этноцентристского поведения [226].

Однако, как отмечают многие исследователи, этничность крайне неоднородна. Так, С. Лурье подчеркивает, что этничность обладает «двойным дном», то есть этническая культура разделяется на культуру для «внешнего пользования» и внутреннего употребления, скрытую от посторонних [прив. по 75]. Ю.П. Платонов описывает трехуровневую структуру этнического поля: 1) «этническое для себя», 2) «этническое для социума», 3) «этническое для государства» [61, с. 134]. Мы позволили себе несколько изменить данную структуру, пытаясь связать воедино этническую, национальную и государственную идентичности, которые и являются предметом нашего рассуждения.

На наш взгляд, в качестве «этнического для себя» выступает собственно этническая идентичность. Этому способствуют основные характеристики этнической группы, а именно: у них есть общий предок, они обычно сохраняют свою самобытность на протяжении всей истории, в отличие, например, от наций, которые могут существовать в ограниченном временном пространстве. Более того, этнические группы в большой степени представ-

ляют собой атрибутивное средство для своих членов, поскольку членство приписывается только тем индивидам, которые обладают определенными врожденными качествами [173, с. 5]. То есть обладать характерными атрибутами может не каждый желающий, а лишь представитель «своей» группы.

«Этническое для государства» выражено в понятии национальной идентичности, а еще более точно - в русскоязычном эквиваленте данного термина - «гражданская идентичность». Национальная идентичность возникает, когда к этнической составляющей добавляется политический фактор. Независимо от того, идет ли речь об «этнической нации», когда нацию составляет одна этническая группа, «социальной нации», когда нацию составляют несколько этнических групп, или об «официальной нации», подчеркивающей национализм государства, этничность уступает место государству и гражданину. Даже если формируется так называемая гражданская или социальная нация, когда приоритет отдается общегражданским ценностям, а не этническим атрибутам, - это тоже своего рода проявление «этнического для государства», пусть даже в форме забвения этнического.

«Этническое для социума» нам хотелось бы обозначить **«этническое для других»**, которое наиболее рельефно проявляет себя в государственной идентичности. И. Призел подчеркивает, что национализм существует как отражение «других» [212, с. 417]. Например, формирование польской идентичности и вместе с ней статуса Польши в мировом сообществе связано с тем, как она воспринимает процесс своей интеграции в Европу; Украины - насколько полно она смогла «противопоставить» себя России, и т.д.

Можно задать справедливый вопрос: а чем государственная идентичность отличается от национальной? Прежде всего, не каждая нация реализует право на свою государственность: в мире существуют многонациональные государства. Поэтому национальная идентичность общности и ее государственная идентичность могут существенным образом отличаться.

Другое отличие, на наш взгляд, состоит в том, что национальная идентичность в большей степени ориентирована на гражданство и сферу внутренней политики. Государственная идентичность - на международные отношения, когда, говоря словами великого русского философа Н. Лосского, «...каждое

общественное целое, нация, государство и т.п. есть личность высшего порядка: в основе его есть душа, организующая его общественное целое так, что люди, входящие в него, служат целому как органы его» [47, с. 3]. Несомненно, национальная идентичность также находится под влиянием внешней политики государства, но государственная идентичность - образуется, поддерживается и изменяется в процессе осуществления межнациональной коммуникации. Государственная идентичность - это образ страны, который формируется при взаимодействии с «другими», «для других» или вопреки им. Более подробно данная проблематика будет рассмотрена в разделе, посвященном идентичности государства.

Глава 1. Этническая идентичность: проблема определения

Этническая идентичность устанавливается для большинства членов группы с рождения и основана на предположении о разделяемом ими социокультурном опыте.

По определению Г. Тэджфела, **социальная идентичность** - "та часть Я-концепции индивида, которая возникает из осознания своего членства в социальной группе вместе с ценностным и эмоциональным значением, придаваемым этой группе" [прив. по 79, с 210]. **Этническая идентичность** - составная часть социальной идентичности личности, психологическая категория, которая относится к осознанию своей принадлежности к определенной этнической общности. Таким образом, в личности этническое самосознание связано с этническим самоопределением [74, с. 575].

В **социальной психологии** анализ этнической идентичности связан с исследованием механизмов ее формирования, при этом этничность выступает как часть структурных взаимосвязей между группами. В центре внимания социально-психологического подхода к исследованию этнической идентичности процесс, посредством которого индивиды конструируют и выстраивают свои взаимосвязи с определенными людьми или группами людей в рамках своих собственных или других

этнических групп. Безусловно, этническая идентичность - динамическое явление, которое подразумевает взаимодействие различных уровней анализа: на уровне индивида, социума и культуры [104, с. 413].

В этнологии идентичность понимается как процесс перенесения индивидом на себя качеств и особенностей своего внешнего окружения, стремление актуализировать в своей личности такие черты, которые имеют важное и жизненно необходимое значение в данных условиях [69, с. 155]. Г.Г. Шпет определил этническую идентичность как переживание своего тождества с одной этнической общностью и отделения от других [прив. по 73].

Представляется, что сущность этнической идентичности в полной мере можно раскрыть, противопоставляя это понятие ряду других, например, «этничность», «этническое самосознание».

Начнем с понятия этничности. Довольно часто этническая идентичности и этничность рассматриваются как сходные концепты: Этничность - идентификационная категория и на индивидуально-личностном уровне выступает в качестве особой формы «Я-концепции» [73, с. 18]. Другие авторы, например Т.Г. Стефаненко, отмечают, что «необходимо разделять этническую идентичность и этничность, так как реальная этническая идентичность не всегда совпадает с официальной этничностью. Более того, этническая идентичность не сводится и может не совпадать с декларируемой идентичностью, которая проявляется в самоназвании» [79, с. 210]. Однако необходимо добавить, что если реальная этническая идентичность совпадает с официальной этничностью, раскрытие сущности последней может во многом прояснить содержание идентификационных паттернов личности. В силу этой причины рассмотрим понятие этничности более подробно.

Выделяют три подхода к изучению этничности: так называемый «первородный» подход, инструменталистский и конструктивистский. Сторонники первого подхода рассматривают этничность в качестве изначальной характеристики, присущей индивиду как члену реально существующей этнической группы. Основа такой идентичности - кровное родство, общее происхождение и исконная территория.

Противоположная первой - конструктивистская концепция рассматривает этничность как ситуативный, нередко "навязанный" феномен. Так, Э. Геллнер отмечает, что нации делает человек; нации - продукт человеческих установок, убеждений, пристрастий, наклонностей [18].

Инструменталистская ориентация сочетает в себе обе указанные выше теории и объясняет этничность как средство достижения групповых интересов, как идеологию, создаваемую элитой для мобилизации группы [75].

Последний подход видится нам как наиболее перспективный для объяснения процессов, происходящих в современной России. Этничность может исчезать, «стираться», как это было в СССР, и появляться вновь, как это происходит теперь. Эти тенденции особенно ярко выражены среди представителей этносов, которые после распада СССР и образования Российской Федерации смогли получить возможность реализовать право своей группы на национальное самоопределение. Так, Г. У. Солдатова приводит следующие данные относительно степени выраженности этнического "Я" в структуре личностной определенности представителей национальных образований и проживающих в них русских: Тува - 7,9% / 2,2 %; Татарстан - 9,6% / 6,4%; Саха - 12,6% / 10,4%; Северная Осетия - 13,9% / 12,8% соответственно [75]. Можно увидеть, что результаты фиксируют большую актуальность этничности для представителей титульной национальности, проживающей в названных субъектах федерации, нежели для русских.

Вместе с тем в "Я" - образе членов этнодисперсных групп вес этнического "Я" заметно выше, чем у представителей титульной национальности [73]. Данное обстоятельство противоречит приведенным выше данным, но в нашем случае это несогласование вполне объяснимо. Несмотря на то, что представители, например, Тувы, где наблюдается самая заметная диспропорция в выраженности этнического "Я" среди титульного населения и русских, являются, по меньшей мере, носителем этнонима и считаются титульной нацией, этническое большинство принадлежит русским. Более того, несмотря на наличие атрибутов независимого государства у некоторых субъектов федерации, в первую очередь собственной конституции, они ощущают доминирование России, в которой они все-таки являются нацио-

нальными меньшинствами, что обеспечивает мобилизацию национального "Я".

Этническая идентичность как форма внутриэтнического и межэтнического взаимодействия имеет свои особенности:

1) этничность - «родом из прошлого». В смутные времена целые народы обращаются к своей истории. Именно в прошлом мы оставляем самые проверенные и надежные жизненные ориентиры и туда возвращаемся, когда становится неуютно в настоящем;

2) этничность мифологична, ее главная опора - идея или миф об общей культуре, происхождении, истории;

3) этничность - зависимая переменная, она возрастает или ослабевает в соответствии с внешними обстоятельствами;

4) этничность связывает и солидаризует на основе группового членства;

5) этничность конфронтационна, она есть функция отношений с другими этническими группами [75]. Так, В. Волкан отмечает потребность народа иметь как друзей, так и врагов и описывает ряд ритуалов, позволяющих реализовать эту потребность. Примером "ритуал соперничества" могут служить спортивные международные соревнования. Так, после победы турецкой футбольной команды в кубке УЕФА, президент Турции заявил, что теперь его страна может стать первой страной в Европе, а не только в футболе. Сущность "ритуала сдерживания" заключается том, что соседи стремятся удержать друг друга на определенной дистанции. Но ритуал не работает, если сдерживаемая нация переживает кризис - увеличивается потребность в поддержании своей идентичности за счет внешней экспансии. Поддержание чувства групповой идентичности может реализовываться через подчеркивание различий с соседями - "нарциссизм малых различий", когда преувеличивается важность даже самых малых отличительных черт [14];

6) этничность - категория «эмоционально-нормативная». Достоинство, гордость, обиды, страхи являются важнейшими критериями межэтнического сравнения.

Более того, как подчеркивает Э. Эриксон, «... психосоциальная идентичность любого человека представляет собой иерархию позитивных и негативных элементов. Негативные появляются потому, что на протяжении всего детства растущему ре-

бенку указывают как на идеальные прототипы, так и на отрицательные. В культуре они взаимосвязаны. Человека предостерегают: не стань тем-то, чтобы он научился опасаться того, чего следует избегать. Таким образом, позитивная идентичность - это совсем не статический набор ролей, она постоянно в состоянии конфликта с прошлым, которое надо изжить, и с будущим, которое надо предотвратить» [91, с. 316].

Этничность представляет собой культурную или символическую категорию. Так, по определению Д. Мациониса, этничность - это разделяемое членами группы культурное наследие. Члены этнической группы имеют общих предков, язык, религию; эти атрибуты наделяют членов группы особой социальной идентичностью [187, с 349]. Понятная всем и общепринятая система символов, выступая ценностно-нормативным регулятором поведения, способствует культурной консолидации в пределах данной этнической группы. Причем этнокультурное символическое поле как бы предшествует другим символическим полям, приобретенным посредством вхождения в различные статусные и формальные группы. Усвоение системы общих значений начинается с младенчества, в ходе первичной социализации, поэтому она может быть обозначена как базовая символическая среда.

Возможно, по этой причине культурная и этническая идентичность в зарубежной социальной психологии, социологии подчас используются взаимозаменяемо, хотя некоторые авторы разводят эти понятия. Например, С. Вилперт [261] проводит различие между данными терминами. Под **культурной идентичностью** имеются в виду разделяемые ценности, принадлежность к группе, общая история. Под **этнической идентичностью** - прежде всего форму этнического сознания. Она указывает, что этничность - «прежде всего политический вопрос» [261, с. 8], поскольку культурная и этническая идентичности определяют включенность в социальную структуру.

Понятие культурной идентичности особенно важно, поскольку, как подчеркивает Д. Кац, личностная и социальная идентичность проявляются через существование культуры. Исследователь определяет культурную идентичность как один из трех компонентов националистической идеологии. Культурная идентичность отражает уникальное наследие и образ жизни лю-

дей, который отличается от существующего в других культурах [прив. по 138, с. 149].

Другими словами, доступ к таким ресурсам культуры, как изучение языка, образование в школе, работа, меняются в соответствии с этническими границами. Некоторые исследователи даже полагают, что на смену понятию классовой борьбы XX века в XXI столетии придет понимание борьбы этносов в качестве основного источника политических и социальных конфликтов.

Субъективированной формой проявления этничности выступает этническое самосознание, которое в самом общем виде можно определить как "чувство принадлежности к тому или иному этносу, выражающееся в этническом самоопределении, то есть в отнесении индивидом себя к данной этнической группе" [38, с. 461.]. Н.Н. Чебоксаров включил эту категорию в число этнических признаков, а В.И. Козлов выдвинул этническое самосознание на первое место среди признаков этнической группы. Сегодня это теоретическое положение стало общепризнанным: без самосознания этнической группы просто не существует. Поэтому именно самосознание, а не этническое сознание следует рассматривать в качестве основной отличительной черты этнической группы.

Позднее было выделено понятие этнического сознания как более широкого явления, содержащего в себе всю совокупность представлений членов этнической общности о своем и других этносах, включая социально-психологические установки и стереотипы. Этническое самосознание - часть этнического сознания, отражающее восприятие и представление индивидов о себе как представителей определенной, своей этнической общности.

В такой интерпретации этническое самосознание по смыслу близко к понятию этнической идентичности или этничности. Этническая идентичность понимается как часть социальной идентичности, а именно - представление человека о себе как о члене определенной этнической группы наряду с эмоциональным и ценностным значением, приписываемым этому чувству [44, с 19-20].

Ю.В. Бромлей подчеркивает, что если самосознание индивида наряду с фиксацией своей национальной принадлежности включает осознание человеком своих действий, чувств, мыслей, мотивов поведения, оценок и самооценок, то самосознание общ-

ности (этнической группы, нации) выражается главным образом в объективированных формах общественного сознания - в языке, нормах, ценностях, ритуалах, произведениях народной культуры [11].

Б.А. Вяткин, В.Ю. Хотинец определяют этническую идентичность как более высокий уровень развития этнического самосознания. При этом они выделяют два уровня становления этнического самосознания: 1) представления о своем этносе - ассоциируется с низким уровнем самосознания, 2) этническая самоидентификация - связана с высоким уровнем развития этнического самосознания [16]. На первом уровне происходит осознание народом себя как этнической общности, выделение из окружающего мира и оценка в нем своего места. Этническая идентификация подразумевает процесс отождествления с этнической общностью. Данный феномен рассматривается как механизм формирования этнического самосознания [74, с. 575].

Вместе с тем Г.У. Солдатова отмечает, что отечественное понятие «этническое самосознание» не тождественно западным «этничности» и «этнической идентичности». «С одной стороны, этническая идентичность - уже. Это когнитивно-эмоциональное ядро этнического самосознания. С другой - шире, так как содержит в себе также слой бессознательного. В силу этих различий этническая идентичность должна изучаться, во-первых, как концентрированная форма и главная характеристика этнического самосознания и, во-вторых, как его «изнанка» - этническое бессознательное [75, с. 43].

На основании изучения существующих подходов можно выделить следующие **виды этнической идентичности**:

- 1) сознательная;
- 2) бессознательная - можно считать себя представителем одного народа, но при этом проявлять качества, характерные преимущественно для другого;
- 3) полная;
- 4) частичная - можно осознавать себя частью одного народа, а можно - одновременно двух и более народов, семей, профессиональных групп [69, с. 155];
- 5) непосредственная;

б) опосредованная - осуществляется включенностью в соответствующую этническую общность (семья, социальные страты, субэтносы и т.д.).

Многочисленные исследования и наблюдения процесса этнической идентификации показывают, что его развитие возможно в трех вариантах; этническая идентификация может:

1) произойти на основе **подражания**, когда индивид осознанно или нет копирует стереотипы поведения той этнической общности, в которой он живет;

2) осуществляться на основе **принуждения**. Таким орудием могут стать традиции или ценностные ориентации общества;

3) происходить на основе **свободного и осознанного выбора**.

Историческое исследование проблемы этнической идентичности позволяет сделать вывод, что в процессе формирования последней в зависимости от сочетания разных причин и условий могут складываться семь ее основных типов, отличающихся своими стойкими чертами и признаками:

1) **нормальная идентичность**, при которой образ своего народа воспринимается как положительный, имеет место благоприятное отношение к его культуре, истории. Но потребность в идентификации с данной этнической группой зависит от типа личности и ситуации. Отклонения от «нормы» могут идти как в направлении нарастания этничности, так и в направлении ее снижения или даже угасания;

2) **этноцентрическая идентичность**, означающая не критическое предпочтение какой-либо этнической группы и самоидентификацию индивида с ней. При такой идентичности присутствуют элементы этноизоляционизма, замкнутости. В некоторых этнических группах элементы замкнутости детерминируются традиционными нормами, религиозными правилами, хотя и не сопровождаются изоляционизмом в целом;

3) **этнодоминирующая идентичность** - тип идентичности, при котором этничность становится наиболее предпочтительной перед всеми другими видами идентичности (гражданской, семейной, профессиональной). Такая идентичность обычно сопровождается признанием «права народа» выше прав человека, представлениями о превосходстве своего народа, дискриминационными установками в отношении других этнических групп,

признанием правомерности этнических чисток, стремлением не смешиваться с другими этносами;

4) **этнический фанатизм** - тип идентичности, при котором абсолютное доминирование этнических интересов и целей, часто понимаемых иррационально, сопровождается готовностью идти ради них на любые жертвы и действия - крайняя форма агрессивной идентичности;

5) **этническая индифферентность** возникает тогда, когда люди равнодушны к проблеме собственной этничности и межэтнических отношений, к ценностям своего и других народов. Они независимы от норм и традиций собственной этнической группы, и на их жизненные поступки и поведение в любых сферах деятельности никак не влияют ни их собственная этническая принадлежность, ни этническая идентичность других;

6) **этнонигилизм** - в форме космополитизма представляет собой отрицание этничности, этнических, этнокультурных ценностей. Обычно возникает в связи с осознанием низкого статуса своей этнической группы, с признанием ее неравноценности по сравнению с другими группами. Следствие - избегание своей этничности и вообще отрицание всякой этничности;

7) **амбивалентная этничность** - явно не выраженная этническая идентичность, широко распространенная в смешанной этнической среде [69].

К этому списку В. Ю. Хотинец добавляет еще два типа негативной этнической самоидентификации:

1) **этнонегативизм** - осознание принадлежности к этнической группе носит негативный характер. Отрицательное представление об этносе может быть обусловлено неравномерностью развития этнических сообществ, различным уровнем экономического и культурного прогресса. Степень проявления этнонегативизма зависит от уровня привлекательности других этносов;

2) **этноэлиминация** - такая идентификация свойственна людям, принадлежащим частично к разным этносам, но не интегрированным полностью ни в один из них. В данном случае имеет место ориентация на другой этнос с осознанием принадлежности к своему. Степень проявления данного вида идентичности связана с «мерой вклада иноэтнических ценностных потребностей в мотивационную структуру личности» [86, с 110].

Т.Г. Стефаненко описывает **ложную идентичность**, которая выделена у маленьких детей с еще не сформировавшейся этнической идентичностью, воспринимающих себя в качестве членов группы, обладающей более высоким статусом. Этот вид идентичности необходимо отличать от **измененной идентичности**, которая формируется в случае осознанной смены группы членства [79, с. 226].

Исследователи, полагающие, что индивид с разной степенью интенсивности может идентифицировать себя как с одной, так и одновременно с двумя этническими общностями, предложили **модель двух измерений этнической идентичности**. Она включает четыре типа этнической идентичности, при которых связи с двумя группами могут сосуществовать относительно независимо друг от друга:

1) **моноэтническая идентичность со своей этнической группой**. Она совпадает с официальной этнической принадлежностью;

2) **моноэтническая идентичность с другой этнической группой (измененная этническая идентичность)**. Она возможна в случаях, когда в полиэтнических сообществах чужая группа рассматривается как имеющая более высокий экономический, социальный статус, чем своя. Конечным результатом идентификации с чужой группой является полная ассимиляция, то есть принятие ее традиций, ценностей, норм, языка, вплоть до полного растворения индивида в ней;

3) **биэтническая идентичность**. Люди, имеющие такую идентичность, обладают психологическими особенностями обеих групп, и обладают бикультурной компетентностью;

4) **маргинальная этническая идентичность**. Мы уже рассматривали такой тип идентичности, когда говорили об этноэлиминации. Такой идентичностью обладают индивиды, которые балансируют между двумя культурами, не овладев в должной мере ценностями и нормами ни одной из них

Возможна также **слабая, четко не выраженная этническая идентичность или даже ее полное отсутствие**. В качестве стратегии сохранения личностного благополучия она проявляется в отрицании значимости этнической принадлежности, как в своей жизни, так и в обществе в целом.

Человек также может причислить себя к широким наднациональным общностям - гражданам мира, то есть декларировать **космополитическую идентичность** [79, с. 230-234].

Глава 2. Формирование этнической идентичности: процессы и принципы

В первой главе мы уже рассмотрели основные принципы формирования идентичности. Теперь рассмотрим, как складывается этническая идентичность.

В процессе своего становления этническая идентичность проходит ряд этапов, соотносимых с этапами психического развития ребенка. При этом этническое самосознание формируется несколько позднее, чем другие формы самосознания [86, с. 144].

Ж. Пиаже выделяет три этапа в формировании этнической идентичности:

1. В 6-7 лет ребенок приобретает первые - фрагментарные и несистематические - знания о своей этнической принадлежности. В этом возрасте наиболее значимыми для него являются семья и непосредственное социальное окружение, а не страна и этническая группа;

2. В 8-9 лет ребенок уже четко дифференцирует себя со своей этнической группой, выдвигает основания идентификации - национальность родителей, место проживания, родной язык, просыпаются национальные чувства;

3. В младшем подростковом возрасте - в 10-11 лет этническая идентичность формируется в полном объеме, в качестве особенностей разных народов ребенок отмечает уникальность истории, специфику традиционной бытовой культуры [прив. по 79, с. 218].

Другие исследователи, например, И.А. Снежкова, также выделяют три основных этапа развития этнического самосознания. Но если, по мнению Ж. Пиаже, в 10 лет этническая идентичность складывается в полном объеме, то по периодизации И.А. Снежковой, в этом возрасте заканчивается лишь начальный этап развития этнического самосознания. Для него характерны еще нечеткое осознание детьми общности с людьми своей нацио-

нальности, немотивированный выбор своей этнической принадлежности, слабые этнические знания. Формирование этнической идентификации происходит по принципу «Я такой же, как окружающие». Однако, этот период таит в себе некоторую опасность. Именно в это время закладывается прочная основа для будущих предрассудков и конфликтов. Влияние расширяющегося социального опыта ребенка в возрасте от 6 до 8 лет на его личностное становление иногда приводит к тому, что у детей появляются этнические предубеждения [86, с. 144-145]. Другая опасность этой стадии - в развитии отчуждения от самого себя и от своих задач. Если ребенок обнаружит, что цвет его кожи в значительно большей степени определяет его ценность как ученика, то, например, ощущение себя недостойным, малоценным может роковым образом отразиться на его характере [91, с. 134-135].

Второй этап развития охватывает подростковый возраст - 11-15 лет и характеризуется осознанным отношением к своему этносу. Дети проявляют интерес к истории и культуре своего и других народов. На этом этапе происходит формирование системы представлений и оценок об этнокультурных и этнопсихологических особенностях своей общности в сравнении с другими этническими группами. Формирование этнической идентификации происходит по принципу: «Я такой же, как мой народ».

Третий этап выпадает на старший школьный возраст (16-17 лет). На данном этапе укрепляется осознание своей этнической принадлежности, определяется мотивация выбора своей национальности, конструируется этническое мировоззрение. Идентификация осуществляется на основе формулы «Я - представитель своего народа» [86, с. 146-147]. По утверждению Э. Эриксона, на этом этапе общество дает молодому человеку стыковать индивидуальные способы идентификации с общественными. Отчужденность от идеологии общества приводит к необратимым печальным последствиям. Установившаяся в этот период идентичность включает в себя все значимые идентификации, в том числе и этническую, но в то же время изменяет их с целью создания единого и причинно связанного целого [91, с. 322].

Б.А. Вяткин и В.Ю. Хотинец выделяют и четвертый этап, охватывающий юношеский возраст (18 – 22 г.), являющийся решающим периодом развития этнического самосознания, его уп-

рочения и закрепления. Этническая самоидентификация в этом возрасте формируется по принципу «Мы» - «Они» [86, с. 148]. Таким образом, если до сих пор идентификация с этнической группой строилась на основе выделения, прежде всего, сходства со своей группой, то теперь выделяются и дифференцирующие признаки.

Среди отечественных этнологов существует мнение, что вместо возрождения, формирования, перехода, исчезновения этносов имеет место процесс путешествия индивидуальной / групповой этнической идентичности по набору доступных в данный момент культурных конфигураций или систем, причем в ряде случаев эти системы и возникают в результате дрейфа идентичности. В силу сказанного этническая идентичность людей, составляющих социально-культурную общность, имеет множественную и ситуативную природу [86, с. 120].

Этническая идентичность в любом из ее многочисленных вариантов проявляется в разных уровнях интенсивности. При благоприятных социально-экономических условиях позитивная этническая идентичность сопровождается патриотизмом, гордостью за достижения своего народа. Формирование этнической идентичности по типу нормы предполагает соотношение в структуре этнической идентичности позитивного образа собственной этнической группы с позитивным ценностным отношением к другим этническим группам [79, с. 230-231].

По мнению В.А. Тишкова, который развивал конструктивистскую концепцию этничности, процессы мобилизации этнической группы усиливаются, если им на службу поставлена государственная машина. Последние десять лет различия между русскими и украинцами, между казахами и киргизами, разделенными национальными границами и идеологиями, стали более четкими и разнообразными, чем это было в советский период [прив. по 75, с. 42].

Ряд исследователей [см., например, 99] изучают вопросы социальной идентификации в кризисных обществах, и в частности процессы переоформления как личной, так и групповой идентичности в постсоветском пространстве в связи с дезинтеграцией прежнего государства и формированием новых территориально-политических единиц. При этом ученые связывают подъем политизированной этнической самоуверенности и воо-

руженного национализма с глубоким кризисом ценностей. Каждое общество нуждается в обязательном наборе ценностей, и с тех пор как коммунистические ценности и убеждения подверглись массивной эрозии во время перестройки, потребность заменить разрушенные ценности часто реализуется с помощью национализма.

Ссылаясь на исследователей Климову и Чаликову, А. Аклаев подчеркивает, что самосознание и воспринимаемое историческое и культурное единство на коллективном уровне - это важный субъективный фактор этнической консолидации. Его эволюция в условиях демократизации в СССР дает рост националистических движений. Всплеск национализма ассоциируется с кризисом технократических и утопических коммунистических иллюзий, который вынуждал многие национальности искать поддержку своих ценностей в историческом прошлом, то есть в глубоких слоях общественного сознания. Авторы указывают, что перед перестройкой политическое значение межэтнических отношений в СССР заключалось в том, чтобы оказывать давление на интеграционные процессы. Центробежные процессы, которые потеряли значение при отстаивании интересов нации в целом и подчеркивали эмоциональную значимость своей этнической группы, стали набирать силу вместе с распадом СССР. В течение этого периода потеря социальных ориентиров вызвала преобладание вопросов национализма. Националистический потенциал социальных институтов и ценностей становится критерием их оценки. Приобретение суверенитета осуществило консолидацию этих тенденций через использование государственной власти на республиканском уровне.

Рассматривая кризис идентичности на индивидуальном уровне, Осипов делает вывод, что этническое самосознание сохраняет единственную форму групповой самоидентификации, что имеет значение в условиях вакуума ценностей после распада СССР [прив. по 99].

Другие исследователи, наоборот, подчеркивают сущность этноса как непрерывной категории. Для того чтобы категоризовать группу как этнос, утверждает исследователь Х. ван Амерсфорт [243], необходимо существование этничности в нескольких поколениях.

Этническое самосознание, как мы уже неоднократно отмечали, означает осознание своей этнической принадлежности. Но оно также подразумевает осознание единства и целостности общности «мы» через противопоставление другим общностям «они» [69, с. 174]. В национальном самосознании на уровне ориентаций, предпочтений и стереотипов отражается образ и стиль жизни народа, его нормы и ценности, представление о своей самости в некоторой шкале, соотносящей "свой" народ с "другими" народами. Таким образом, изучая самосознание той или иной этнической общности, мы исследуем субъективацию этничности, а в более широком контексте - этнический фактор в массовом сознании. В самом общем виде этническая самоидентификация, как индивида, так и группы - есть самовыделение на основе сравнения. Этническая группа только потому обладает самоидентификацией, а следовательно, и самосознанием, что существуют другие этнические группы, по ряду признаков отличающиеся от нее.

Модель, подчеркивающая рациональность человека, идет еще дальше в объяснении сущности сравнения и предполагает, что выбор идентичности зависит, преимущественно, от личных интересов человека. Предполагается, что это, прежде всего материальные интересы, такие как, например, карьерный рост. Часто сходные интересы приписываются целой социальной группе, и возникает этнически окрашенный образ, например, учителя или бюрократа. В истории советского и современного российского государства существует множество примеров такого рода идентификаций, когда в силу определенных соображений люди отказывались или наоборот идентифицировали себя с некоторой этнической, территориальной общностью.

Концепция «центральной зоны» этнической культуры отечественного этнолога С. Лурье предлагает еще одно объяснение становления этнической идентичности. Можно предположить, что у каждого этноса есть некий центр общества - сосредоточие ценностей и верований, определяющих природу сакрального, священного для каждой культуры. Это означает, что этнос обладает неким внутренним, неосознаваемым ни его членами, ни внешними наблюдателями культурным стержнем, в каждом случае уникальным, который определяет согласованность действий членов этноса и обнаруживает себя вовне через различные мо-

дификации культурной традиции, является выражением некоего общего содержания.

Содержанием центральной зоны являются этнические константы, лежащие в бессознательном слое психики каждого члена этноса и включающие в себя следующие парадигмы:

1) локализация источника зла - образ врага;
2) локализация источника добра - образ себя, образ покровителя;

3) представление о способе действия, при котором добро побеждает зло [69, с. 166]. (На проблеме образа врага мы остановимся более подробно в следующем разделе).

Другие средства реализации этнической идентичности подразумевают наличие **этноконсолидирующих** и **этнодифференцирующих признаков**.

Мы уже упоминали, что этничность обладает «двойным дном», то есть этническая идентичность различна при внутригрупповой и межгрупповой коммуникации. В первом случае действует установка «я среди своих, таких же как я». Во втором - «я среди чужих, других, чем я». Таким образом, речь идет об идентичности «для себя» и идентичности для «других», которые могут существенным образом отличаться [73, с. 176].

По мнению З.В. Сикевич, в число индикаторов консолидации по признаку этнического «мы» следует включить происхождение (кровное родство), язык, традиции и обычаи, общее историческое прошлое, особенности поведения или черты характера, внешность, религию и образ жизни [73, с. 177].

С другой стороны Дж. Армстронг приводит определение этнического сообщества как группы людей, объединенных общим именем - этноним, мифом об общих предках, исторической памятью, характерными элементами культуры, населяющих определенную территорию и наделенных чувством социальной солидарности [100]. Д.Л. Горович определил этнические группы в качестве культурных сообществ, различия между которыми детерминированы следующими чертами: 1) язык, 2) пища, 3) одежда, 4) религия, 5) чувство идентичности, 6) все это поддерживается идеологией общего происхождения, придающей эмоциональную значимость реальным и фиктивным родственным связям. Список этнических признаков дополняют общее на-

звание - самоназвание, ассоциация с данной территорией проживания, чувство социальной солидарности [239].

А.П. Садохин, Т.Г. Грушевицкая выделяют в качестве этноконсолидирующих признаков прежде всего национальный язык и проживание на общей территории. С помощью национального языка обеспечивается единство этноса [69, с. 161].

В исследовании проблемы этнической идентичности немаловажное значение имеет вопрос об **этнодифференцирующих признаках**, которые ряд этнологов относят к разряду второстепенных при выявлении сущности этноса. Однако при этом упускается из виду, что без этнической дифференциации весь вопрос об этнической идентичности теряет смысл. Характерная особенность этнических общностей как раз и состоит в их непрременном взаимном различии. А.П. Садохин, Т.Г. Грушевицкая к их разряду относят:

1. Расовые признаки.

2. Характерные черты культуры, понимаемые как совокупность специфических человеческих способов сознательной деятельности и ее результатов. Именно в сфере культуры обычно сосредоточены все основные отличительные признаки этносов. Сюда относятся язык, религия, искусство, обычаи, обряды, нормы поведения, привычки, жесты вежливости, этика в еде и т.д. На ранних этапах формирования этносов одним из решающих признаков был конфессиональный - религиозный. Сегодня этот признак существует в виде основных мировых религий.

3. Культурно-хозяйственный признак, который предполагает разграничение этносов по типу хозяйства (охота, собирательство, рыболовство, земледелие), по образу жизни (оседлый, полукочевой, кочевой). Сюда же относятся формы орудий труда, одежды и других элементов материальной культуры [69, с. 161-162].

В число индикаторов дифференциации по признаку этнического «они» З.В. Сикевич включает язык, традиции и обычаи, особенности поведения, внешность и религию.

Этнодифференцирующих признаков обычно меньше, так как для опознания «не-нас» достаточно некоторых внешних признаков различия, в то время как выделение «нас» среди всех прочих других носит значительно более глубокую и разветвленную мотивацию [73, с. 177].

Наряду с такими средствами реализации этнической идентичности, как признаки общности и средства реализации идентичности, существует еще одно основание идентичности - порождающие механизмы [69].

Порождающим механизмом этнической идентичности является **социальный статус** народа в стране и в мире. Высокий социальный статус в прошлом или настоящем может порождать чувство национального превосходства, выражающееся в желании подавлять другие народы, властвовать и доминировать над ними. Низкий социальный статус может порождать чувство национальной неполноценности, представление о непрестижности принадлежать своему народу, что порождает готовность отказаться от национальной принадлежности к нему. Механизм формирования этнической идентичности определяет ее основное содержание, а также отношение к другим народам как к своему продолжению, «расширению» своего народа в этнической картине мира [69, с. 160]. Рост потребности в этнической идентичности, в свою очередь, усиливает стремление членов группы к повышению ее статуса. На психологическом уровне **этносоциальный статус** - это ощущение группой своей демографической силы, политических и социальных возможностей по защите интересов ее членов.

Понятие **демографической силы** воплощается в категориях «**большинства**» и «**меньшинства**». Численное превосходство на территории проживания, как правило, формирует ощущение своей значимости, рождает чувство гордости, уверенности и защищенности. В бывшем СССР численное превосходство и главная демографическая сила были на стороне русского народа. Теперь же в некоторых регионах бывшего СССР они прошли через резкое изменение этносоциального статуса: из всеми признаваемого большинства русские перешли в категорию подчеркнуто декларируемого меньшинства.

Другое этносоциальное измерение статуса этнической группы, отражающее политико-правовой аспект межэтнических отношений, - это «**титুলность - нетитুলность**». В республиках бывшего СССР это измерение выступало в качестве важнейшей статусной постоянной [75, с. 35]. В последнее время его значение еще больше усилилось, особенно если принять тот факт, что почти во всех республиках РФ русские по-прежнему составляют

большинство (например, в конституции Тувы провозглашены меры, направленные на ограничение принятия в гражданство для того, чтобы сохранить титульное большинство).

Как на индивидуально-личностном, так и групповом уровне этничность выполняет ряд существенных функций. Как мы уже обозначили раньше, этническая идентичность представляет собой когнитивно-эмоциональное ядро этнического самосознания. Поэтому первая функция этнической идентичности:

1) когнитивная. Г.М. Андреева отмечает, что, несмотря на самостоятельный статус в структуре социально-психологического знания, идентичность - ключевой момент и в психологии социального познания [7, с. 182]. Этническое самосознание есть способность этнической группы к самоотождествлению, способность выделять себя в континууме этносоциальных образований. Процесс осознания особенностей своей общности всегда происходит в сравнении их с особенностями других этнических групп по принципу «мы» - «они». Поэтому помимо знаний о своем народе у этнической группы формируются знания, отражающие особенности других этнических групп, и отношения к ним, что предопределяет восприятие их представителей [86, с. 153];

2) аффективная. Этническая идентичность - это не только осознание своей тождественности с этнической общностью, но и ее оценка, значимость членства с ней, разделяемые этнические чувства. Аффективный компонент этнической идентичности проявляется в этнических аттитюдах. Позитивные аттитюды включают удовлетворенность членством в этнической общности, желание принадлежать ей, гордость за достижения собственного народа. Наличие негативных аттитюдов к своей этнической общности включает отрицание собственной этнической идентичности, чувство унижения, предпочтение других групп в качестве референтных [79, с. 215-216];

3) регулятивная. Для каждого из членов общности этничность, опосредуя институциональные нормы, выступает регулятором социального поведения. Этничность регулирует межличностное и межгрупповое общение на основе традиций, обычаев, устойчивых общепризнанных ценностей;

4) психологическая или защитная функция. Этничность способствует удовлетворению потребности в психологической

устойчивости и определенности. Актуализация этничности - это защитная реакция психики на нестабильность окружающей социальной среды;

5) одна из функций этничности заключается в том, что она в стадии мобилизации может **мотивировать** ту или иную направленность сознания и поведения личности или группы. В этом случае социальная действительность, политические, экономические и иные ценности рассматриваются этнической группой сквозь призму собственных этнических интересов. Сама же акцентуированная этничность выступает в качестве критерия оценки социальных, в том числе политических, изменений как подкрепляющих или унижающих национальное достоинство;

б) **мобилизационная функция**. В определенных обстоятельствах этничность, мобилизуясь в форме национального движения, становится эффективным инструментом для достижения определенных экономических, политических и иных целей. И этот инструмент нередко оказывается действеннее, чем класс или политическая группировка [73, с. 20-21].

Британский ученый У. Блум, изучающий психологические аспекты международных отношений, характеризуя данную функцию идентичности, вводит понятие **динамики национальной идентичности**, которую определяет как тенденцию к действию людей, разделяющих общую национальную идентичность [106, с. 52-53]. Действия эти связаны с защитой и усилением разделяемой идентичности [106, с. 79]. Таким образом, представители национальной группы могут быть мобилизованы, если национальная идентичность группы оказывается под угрозой или существует возможность как-то ее укрепить и усилить [106, с. 79].

Участниками такого рода процессов на практике являются:

- представители данной национальной группы;
- внешнеполитические решения, принимаемые правительством;
- образы отношений между национальной и международной средами, угрожающие или дающие возможности для укрепления идентичности.

Логика возможных отношений между данными компонентами может быть следующей:

- образы международной среды могут мобилизовать национальную группу;

- правительство может создавать новые образы или манипулировать уже существующими образами с целью мобилизовать национальную группу;

- факторы, неподвластные контролю правительства, также могут способствовать созданию образов или манипулировать существующими образами. Мобилизованная национальная группа может затем оказывать влияние на внешнеполитические решения правительства.

Таким образом, по мнению исследователя, общественность может стать самостоятельным актором в процессе принятия внешнеполитических решений, которая будет выступать против решений, воспринятых как угрожающие национальной идентичности, и поддержит те из них, которые будут способствовать ее укреплению [106, с. 80].

Ссылаясь на исследователя Акхицера, А. Аклаев [99] отмечает, что вопросы идентичности не подлежат переговорам и компромиссам, что усиливает этнические споры и увеличивает вероятность этнического насилия. В этих условиях стремительное распространение «образа врага», который несут оппозиционные этнические группы, снижает эффективность попыток снятия межэтнической напряженности.

Определенные проявления политики идентичности свойственны и нашему государству. Политические модели, построенные на апелляции к идентичности, чаще всего возникают в результате разрушения государственной структуры, особенно если это тоталитарное или авторитарное государство. Призывы к идентичности возникают в этом случае по двум причинам. Во-первых, в силу, как мы уже сказали, возникающего государственного безвластия. Во-вторых, по причине появления альтернативных экономических механизмов. В такой ситуации национальность начинает использоваться как законное прикрытие, оправдание реализации политических, экономических и культурных интересов группы [169, с. 79]. Все вышесказанное справедливо для бывшего СССР в период, предвещающий его дезинтеграцию.

Политика идентичности нацелена на обретение государственной власти. Поэтому в этом контексте этничность ассоции-

руется с мобилизацией национального самосознания, приводящего к сближению или в некоторых случаях к полному совпадению нации и государства.

Глава 3. Психологические последствия...

Глава 3 Психологические последствия этнической и межнациональной розни

Психологические последствия различных кризисных ситуаций на этно-национальной и этно-политической почве представляют значительный интерес для психологов различных специализаций. В этой связи рассмотрим основные психологические механизмы, которые приводятся в действие в ситуациях конфликтного противостояния больших сообществ людей, таких, как этнические группы.

Психодинамический подход к проблеме межэтнических отношений уделяет значительное внимание потребности этнических сообществ иметь врагов и друзей [247, с. 31], часто подчеркивая при этом бессознательный характер такой мотивации.

Осознание «Я» индивида или группы в ситуациях политического, экономического или военного кризиса особенно тесно связано с гражданским чувством и этнической принадлежностью. Чем более неблагоприятно развитие ситуации для группы, тем большее отчуждение она будет испытывать не только от символов, но и всего, что ассоциируется с оппонентами, для сохранения своей идентичности. Так, в 80-х годах накануне землетрясения в Армении отмечался высокий уровень напряженности между армянами и азербайджанцами. После землетрясения нередко фиксировались случаи отказа пострадавших армян от донорской крови, если она поступала из Азербайджана, несмотря на ее острый дефицит [прив. по 247, с. 32]. Таким образом, понятие «враг» тесно связано с дихотомией «мы» - «они». Понятие «враги», то есть «они», «чужие», как считает Б.Поршнев, является сквозной категорией науки социальной психологии не в меньшей степени, чем парная ей категория «мы», «свои» [прив. по 17, с. 202].

В различных обществах и культурах, у различных народов «образ врага» приобретает некоторые общие черты. Враг изо-

бражается: чужаком, агрессором, безликой опасностью, богоненавистником, варваром, ненасытным захватчиком, преступником, смертью. И поскольку сознание человека, по крайней мере, отчасти отвечает за создание представлений о своих политических и общественных оппонентах, он должен формировать способности взаимодействия с ними в рамках спектра мирной адаптации - деструктивной дезадаптации. При этом действуют два основных принципа:

1) восприятие сходства соперничающих группировок. Поскольку «они» - это своего рода «хранилища» того, что мы не хотим иметь у себя, бессознательно мы видим их в какой-то мере похожими на нас. В то же самое время, на осознаваемом уровне «они» не должны быть похожими на нас, так как обладают теми качествами, которыми не хотим обладать «мы»;

2) дистанцирование, существование психологического расхождения кажущимся во взглядах между враждующими группами: хотя эти различия и разделяют их, взаимоотношения на бессознательном и осознаваемом уровне, тем не менее, поддерживаются, поскольку каждая из сторон пытается контролировать другую [247, с. 38].

Феномен, известный в психологии как **нарциссизм малых различий**, ясно показывает важность для этнических групп конкуренции, похожести и дистанцирования. Две антагонистические группы, живущие по соседству, не склонны признавать свою похожесть и поэтому акцентируют, а иногда даже создают искусственно, несущественные различия, например, стиль одежды. Ученые этой школы отмечают также и явление **«симбиоза с соперником»**, которое работает на осознаваемом уровне в направлении усиления предубеждений. «Мы» не такие, как «они», но чем больше мы их стереотипизируем, тем больше «мы» бессознательно ощущаем свое сходство и с «ними», так как они как бы вбирают в себя те качества, которых мы не хотим иметь у себя. Таким образом, возникает замкнутый круг, который, дистанцируя нас от соперника, в то же самое время связывает нас неразрывной цепью, мы не можем существовать без него. Самым характерным примером в этом плане, скорее всего, могут быть официальные заявления советских и американских политических лидеров об отказе рассматривать друг друга с позиций об-

раза врага, что не вписывалось в сложившиеся установки многих социальных и профессиональных групп населения наших стран.

Процесс создания образа врага, как правило, подразумевает использование следующих механизмов:

1) прежде всего это **дегуманизация, демонизация** другой этнической группы [17, 167, 188, 189, 198, 247], акцентирование отсутствия у ее представителей человеческих черт, человеческого лица. Поэтому, «абсолютный враг» практически безличен, хотя может быть персонализирован. Обезличивание оппонентов, приписывание им черт диких животных служат оправданием, развязывающим руки для совершения актов массового насилия. Вытеснение же образа врага является весьма проблематичным, требует значительных усилий. Например, после окончания Великой Отечественной Войны и изменения государственного устройства в Западной Германии образ немца долгие десятилетия вызывал негативные ассоциации в России;

2) **экстернализация** ответственности или перенесение вины за случившееся на другую этническую группу. Новые нации могут формироваться на территории, которую ранее преимущественно населяли другие народности. Тенденция обвинять другой народ или государство за свои несчастья в определенном смысле встроена в психологию национальной истории. Экстернализация насилия может являться и тем фундаментом, на котором возникает новое общество. Склонность людей обвинять других, чтобы возложить на них ответственность, - мощный механизм психологии индивида. Политики, зная или чувствуя эту особенность, готовы предоставить в распоряжение сограждан подходящие объекты экстернализации (например, здание посольства, государственный флаг, архитектурные памятники) или внешних врагов. Это психологически облегчает боль понесенных утрат, унижения, поражений;

3) **идеология, мифология и религия**. Идеи, содержащиеся в идеологиях, мифах, религиях можно рассматривать в качестве психологических или культурных «усилителей» враждебности - они представляют собой обобщенные и упрощенные подходы к решению многих проблем, с которыми люди сталкиваются в своей жизни. **Идеологии вражды** - психополитические системы мышления, которые поддерживают у представителей нации убеждения значимости своего предназначения и своей полити-

ческой системы по сравнению с оппонентом. Они поддерживают этноцентризм лидера и последователей. Нации и народности не раз сталкивались с риторикой ненависти, когда политикам было необходимо убедить законодательные органы в необходимости дополнительного финансирования военных действий. Хотя идея богом избранного народа традиционно ассоциируется с евреями, каждая нация считает себя великой, а ее история содержит немало героических страниц побед над врагами, которые хотели ее покорить, упоминание о некоей священной миссии [247].

Д. Джулиус выделяет, наряду с дегуманизацией, еще два механизма «перевода» этнической агрессивности в русло непрекращающегося процесса «увековечивания» агрессии - это **историческая вражда** и **виктимизация** [167, с. 99];

4) **историческая враждебность**. Термин используется взаимозаменяемо с **исторической обидой**. Это состояние связано с воспринимаемой несправедливостью существующих отношений, незаконностью нападения и т.д. Следовательно, историческая враждебность - побочный продукт психологического вмешательства в целостность кого-то. Она включает сильный эмоциональный компонент и компонент исторической памяти, связанные с бессознательным индивида. Таким образом, историческая враждебность может быть определена как внутренняя репрезентация прошлых исторических событий, сопровождаемая их эмоциональным оцениванием. Это тот способ, с помощью которого сохраняется субъективное значение событий прошлого. Выполняя специфические функции при формировании этнической группы, историческая враждебность помогает определить, кто принадлежит к «своей группе», а кто - нет;

5) **виктимизация** - воплощение побуждения к жертвенности. Процесс принесения в жертву в прошлом представлял собой обрядовый ритуал племени, который способствовал сплочению группы через актуализацию чувства коллективной вины. Таким образом, виктимизация становится защитным механизмом чувства вины [167, с. 101]. Глубоко укоренившаяся практика виктимизации индивидов ассоциируется с **созданием** из них жертв, **представлением** их жертвами (формированием у них представления о себе как о жертвах). У представителей угнетенных национальных групп виктимизация связана со стремлением оправдать себя и обвинить других за их агрессивное, мстительное поведение и

готовностью передать такие же установки следующим поколениям [189, с. 119].

На основе вышеизложенного можно сконструировать своеобразный «цикл *постоянства и сохранения агрессии*», где взаимные враждебные действия стимулируют и усиливают *историческую враждебность* оппонентов и представляются группам законным основанием для *дегуманизации* друг друга; историческая память о вражде усиливает «напряжения» и «питает» энергией действия групп по *виктимизации* и дегуманизации друг друга. Так как каждая стадия вызывает ответный процесс в другой этнической группе, оба этноса попадают в замкнутый круг враждебных действий [167, с. 106-108].

Таким образом, логика традиционного политического мышления этносов может неизбежно приводит к формированию особой психологии «человека враждебного», который воспринимает окружающий мир априори как враждебный. Такая деформированная картина мира подкрепляется двойным стандартом в оценке своих и чужих действий. Кроме того, сознание человека враждебного находится во власти когнитивного диссонанса. При этом образ врага побуждает к заведомо неразумным и неоправданным действиям, которые в свою очередь оправдываются тем, что «врагу» приписываются еще более злостные намерения, в результате чего возникает порочный круг враждебности.

Образ врага опасен не только для стабильности и безопасности отношений между крупными этническими сообществами, он приводит к крайне негативным явлениям и последствиям во внутривнутриполитической жизни страны, вызывает истерию по поводу существования внешней угрозы, взвинченность и напряженную обстановку всеобщей подозрительности, игнорирования необходимости решения собственных внутренних проблем [17, с. 193-205].

Определенные академические и практические перспективы представляют исследования травмирующих последствий этнонациональных конфликтов. Ч. Коупмэн [176] подчеркивает, что в этом случае обычно говорят о травматических событиях, являющихся стрессообразующими и имеющими продолжительный характер. Число исследований по данной проблематике постепенно увеличивается, но выглядит явно недостаточным в сравнении с размерами насилия в последние годы.

В этой связи наиболее часто обсуждаются психологические проблемы, связанные с политическими убийствами, участием в войнах, пытками, содержанием в заточении, терроризмом, политическими беженцами. Рассмотрим основные результаты исследований психологов.

Вероятно, одну из самых значительных по объему групп исследований составляют труды по влиянию Холокоста и последних войн. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что у людей, находящихся в различных концентрационных лагерях, обычно развивается то, что в американской литературе называется «состоянием мусульманина»: узники становятся похожими на роботов, демонстрируют реакции умственно отсталых, вялость и низкие способности справляться с проблемами (плохие «копинг», совладающие реакции). После освобождения у бывших узников концлагерей развиваются психологические и психиатрические симптомы, известные как «синдром лагерей уничтожения» - тревожно-фобическое расстройство, дистимия, расстройство адаптации, посттравматическое стрессовое расстройство.

У выживших жертв Холокоста Р. Лифтон выделяет чувство вины перед погибшими, так называемая «печать смерти» (навязчивые воспоминания о погибших), «психологическое оцепенение», полный пересмотр норм и ценностей, поиск значения и смысла травматического события. Даже спустя многие десятилетия после нацистского террора исследователи С. Рейнолдс, Дж. Розен фиксировали у пациентов устойчивые нарушения сна [прив. по 176, с. 836-839].

Среди участников боевых действий постоянно фиксируется острый стресс, психиатрические заболевания посттравматическое стрессовое расстройство (ранее диагностировали как военный невроз). Например, в репрезентативной выборке 1600 ветеранов Вьетнамской войны это расстройство обнаружили 15,2% пациентов. Психологические изменения, связанные с травмой участия в боевых действиях, существенным образом влияют на последующее разрешение эмоциональных проблем. Вместе с тем, по данным отечественных исследователей, более чем у 60% участников военных действий в Чеченской республике, имеющих посттравматические стрессовые расстройства, их возникновение связывается не с собственно участием в боевых действиях,

а с врожденным дефицитом стрессоустойчивости, наличием латентных расстройств, недостаточностью социальной поддержки после войны, травматическим опытом раннего детства [26, с. 550]. Одним из психологических последствий участия в военных действиях считается привыкание к наркотикам.

Исследования влияния вооруженного конфликта на мирное население представляют еще одно направление традиционного интереса психологов. Подчеркивается: даже не участвуя непосредственно в боевых действиях, гражданское население может испытывать сильный страх по поводу своей уязвимости при нападении. Так, в период войны в Персидском заливе 78% пациентов, поступивших в больницы Израиля, умерли не от физических увечий, а в основном от заболеваний, причиной которых был страх, чувства беспомощности и уязвимости.

При изучении последствий актов политического терроризма исследования психологов на Ближнем Востоке показали, что у 61% людей, непосредственно подвергшихся действиям террористов в Ливане и Израиле, зафиксировано пять и более посттравматических симптомов, у 39% - по меньшей мере четыре. Выявлена тенденция: среди людей, подвергшихся террористическим действиям, не бывает психически здоровых даже спустя несколько лет после самого события. Например, у 68% фиксировалась «сверхтревожность», у 61% - нарушения сна, у 63% - навязчивые образы и идеи.

В результате пыток и плохого обращения в местах заключения на выборке палестинских политзаключенных зафиксированы повторяющиеся навязчивые переживания травматического опыта, гипервозбудимость, психологическое оцепенение (неспособность психологически откликнуться и сочувствовать), сенсорная депривация.

Политические беженцы часто являются жертвами различного вида травматических стрессов, связанных с геноцидом, гражданской войной, террористическими актами, содержанием в заточении, пытками. Например, в выборке беженцев из бывшей Камбоджи, проживающих в США, 48% опрошенных имели «отягощенное» прошлое: подвергались физическому насилию или изнасилованию, у 62% - убили друга, у 58% - погиб родственник [176, с. 842]. Кроме различного рода травматических переживаний, эти люди сталкиваются с множеством дополнитель-

ных стрессоров, связанных с выживанием в другой стране, адаптацией к новой культуре. Бедность и ксенофобия - частые спутники их жизни за рубежом.

Дальнейшие перспективы изучения травматических последствий для индивидов различных политических событий, связанных и с разрешением этнонациональных проблем, могут быть связаны не только с целями психологической реабилитации, но и с оценкой разнообразных специфических последствий, таких как влияние последствий на традиционные и нетрадиционные индикаторы психологического стресса, включая острый стресс, посттравматическое стрессовое расстройство, а также психологическое влияние на семью (разводы, насилие над детьми, насилие в семье), проблемы с занятостью (безработица, неполная занятость), здоровье (алкоголизм, болезни, долголетие), роль СМИ и различных образовательных программ в предотвращении и минимизации последствий психологических травм.

С учетом российской проблематики, вероятно, могут быть продолжены исследования по проблеме адекватного реагирования людей на проблемы разрешения этнонациональных конфликтов и их восприимчивости к «простым человеческим чувствам» сопереживания, боли в условиях общества переходного периода. Ранее проводились аналогичные исследования с целью изучения явления, которое получило название «психофизическое оцепенение» [136]. Явление связано с открытым Э. Вебером и Г. Фехнером психофизическим принципом порога ощущений, который измеряется в единицах стимула (ранее среди российских психологов эта проблематика изучалась Ю.М. Забродиным, А.Н. Лебедевым, Г.С. Шляхтиным и другими). Дело в том, что лабораторные исследования фиксируют ситуации, когда люди в определенных постоянно фрустрирующих ситуациях не способны оценивать потери и утраты, если они приобретают «запороговые» величины, у них уменьшается способность принимать скоординированные и согласованные решения.

Раздел 3.

Национальная идентичность

Глава 1. Этнос и нация: сходства и различия

Одна из особенностей становления постсоветского пространства связана с тем, что, как отмечают исследователи, социальная идентичность приобрела отчетливую "этническую" окраску [51, 72, 75], имеющую, однако, свои специфические особенности.

В целом с усложнением структуры общественных отношений этническая идентификация, во-первых, стала включаться в структуру идентификаций более высокого порядка (экономическая, политическая, идеологическая). Во-вторых, фактор этничности стал приобретать различные окраски, в том числе культурные, политические [77]. Поэтому этническую идентификацию сложно рассматривать в отрыве от национальной, "государственной" принадлежности.

Именно в этом ключе рассматривает национализм Э. Геллнер. В соответствии с подходом ученого, национализм - это прежде всего политический принцип, требующий, чтобы политические и национальные единицы совпадали. Нарушение этого принципа, недостаточность политических и государственных институтов, гарантирующих развитие нации и ее культуры, вызывает обострение националистического чувства. Национализм - дитя новой формы общественных отношений, ориентированной на создание новых национальных культур, каждая из которых стремится быть защищенной собственным государством

[18, 43]. Исходя из этого, рост интереса к своей этнической группе, зафиксированный среди россиян, - это своего рода поиск новой государственной идентичности.

Как соотносятся между собой понятия «этнос» и «нация»?

Т.К. Оомен приводит следующие отличия. **Этния** - этническая группа, имеющая общую культуру, но существующая за пределами родины предков. **Нация** - культурное сообщество, имеющее законное моральное право на определенную территорию [59, с. 111-113]. В данном случае решающим признаком для обозначения группы людей как нации становится территория. По мнению Дж. Армстронга, большинство теоретиков национализма принимают допущение о том, что исключительный национальный контроль над территорией является его существенным компонентом. Исходя из этого допущения, многие пришли к выводу, что в этнически смешанных общностях, таких как СССР, беспрепятственный национализм может привести к катастрофическим последствиям. Советская политика стремилась к «смещению» этносов, демонстрируя братство советских народов, а в результате привела к росту борьбы за территориальную исключительность. Свидетельство тому - тяжелый конфликт в Нагорном Карабахе, в Крыму [100, с. 31-32].

Другие исследователи отдают приоритет политическому фактору в отличии этноса от нации. Так, Р. Хаким подчеркивает: «...то, что превращает какую-либо общность людей в нацию, есть государство. Граждане данного государства, живущие общими интересами, и составляют нацию. Все граждане считаются принадлежащими к данной нации, независимо от этнического происхождения». «Для существования этноса достаточно наличие самосознания. Для образования нации обязательным является государственность. Нация - социальный организм, отражающий общность людей, объединенных общими интересами в единое государство» [84, с. 11]. Одним из оснований национальности являются политические институты.

Что же такое "нация"? Справочное издание «Encyclopedia Americana» [прив. по 92, с. 56-57] предлагает следующее определение. Нация - большая группа людей, которые рассматривают себя как общность или группу и которые обычно ставят лояльность к группе выше любых других конфликтующих форм лояльности. Часто нации присуща одна или несколько из сле-

дующих особенностей: язык, культура, религия, политические и другие институты, история, с которой она отождествляет себя, и вера в общую судьбу. Обычно нации населяют компактную территорию.

Часто, хотя и не всегда, группа, считающая себя нацией, входит в состав политического образования, именуемого нацией-государством, или просто страной, нацией. Но иногда эта группа разделена политическими границами (разделенная Германия, разделенная Корея). С другой стороны, нация-государство может включать в свой состав несколько наций (СССР).

У людей, составляющих нацию, обычно формируется чувство национализма. Если нация добивается статуса нации-государства, она формирует политическую структуру, которая ее защищает и способствует становлению национальных институтов. Если группа людей обладает всеми признаками нации, за исключением независимости, они могут существовать как неудовлетворенное меньшинство в рамках более крупного государства.

В ходе истории значение термина «нация» неоднократно изменялось. Латинский термин "natio" обозначал людей, происходивших из иного, по сравнению с данным, геополитического региона. Коренные изменения в определении данного термина произошли во время буржуазных революций в XVI веке (Англия) и в XVIII веке (Франция). Он стал синонимом понятия «народ» и обозначал население страны. Позднее социальные и политические изменения в мире привели к тому, что «нация» стала включать в себя граждан, которые являются носителями суверенитета и которым, несмотря на их этнический, социальный статус и происхождение, гарантировались равные юридические и политические права [172, с. 6-7].

Таким образом, термин "нация" служит реализации политических целей. В XX веке, особенно после Первой мировой войны, особую остроту приобрел принцип национального самоопределения. Он предполагал право нации самой определять свою судьбу, что привело к совпадению значений терминов «государство» и «нация».

На первый взгляд различия между понятиями «нация», «общество граждан», «государство» не являются фундаменталь-

ными. Когда государство-нация не модель, а реальность, различий между гражданством и нацией не существует. Вместе с тем, такие различия акцентируются и «выходят на первый план», являясь иногда источником кровопролитных конфликтов, в том случае, когда этнические группы, составляющие нацию, чувствуют, что они исключены из «гражданства». Это - наиболее общий источник конфликтов, который влечет за собой всплеск сепаратистских настроений [243, с. 162-166].

Таким образом, можно полагать, что **национальная идентичность** возникает из чувства членства в общности, которая может назвать себя нацией [172, с. 7]. Национальная идентичность - это и особая форма групповой идентичности, благодаря которой, несмотря на недостаток физических контактов, люди считают себя объединенными вместе, потому что говорят на одном языке, населяют общую территорию и испытывают привязанность к существующей экосистеме. Их объединяют множество традиций, историческая память о прошлом, которое постоянно переживается в настоящем как гордость успехами и достижениями нации или наоборот - как стыд за поражения, неудачи [171, с. 182-189].

При этом в процессе групповой идентификации В. Волкан подчеркивает особую значимость «психологии избранной общей травмы». Общая травма - психологическая ситуация, при которой некоторое событие заставляет большую группу людей, нацию почувствовать себя беспомощной жертвой другой группы. По мнению ученого, сепаратистские настроения в СССР - результат различных коллективных травм, нанесенных отдельным нациям (например присоединение Украины к России в прошлом). Другая сторона того же феномена - психология «избранной общей славы» [14]. Часто по привычке мы считаем Россию сверхдержавой, и этот статус автоматически перешел к ней от СССР.

Национальная идентичность только условно может быть приравнена к другим формам групповой идентичности. Она не синонимична языковой, территориальной идентичности, политической идентичности или даже уникальной идентичности значения «русскость», и т.д. Очень часто подобная уникальная идентичность, характер которой зависит от неповторимости религии, языка, политического устройства, существовала задолго

до того, как оформилась национальная идентичность. В этом случае национальная идентичность не является родовым понятием, она специфична. Учитывая человеческую природу, образование идентичности может быть вызвано психологической необходимостью, а формирование национальной идентичности - нет.

Так, например, основная гражданская характеристика связана с тем, что индивид принимает участие в управлении государством. Вместе с тем не все члены нации нуждаются в том, чтобы испытывать потребность в реализации своих обязанностей. Гражданство определяется как институт, сообщество, которое создается отнюдь не историей и природой, а социальным договором. Национальная идентичность, таким образом, является специфическим «изобретением» современности, и ее политическая значимость связана с поддержанием чувства «быть у себя дома», созданием у граждан ощущения целеустремленности, веры, собственного достоинства. Данное обстоятельство позволяет людям расшифровывать и дифференцировать признаки институционализированной и повседневной жизни. Деятельность «других» так же может быть понята на основе разделяемых идентификационных паттернов. Это, в свою очередь, наделяет каждого индивида «определенной долей уверенности говорить и действовать» [171].

Этнос и нация: проблема преемственности

Простой факт, что национальная идентичность - это социальный конструкт и не является чем-то врожденным, однако, вряд ли означает, что она легко может быть отброшена, уйти в небытие, подчинившись космополитическим представлениям о «глобальной деревне» и т.д. Так, А. Смит критикует тех, кто считает современные нации-государства искусственными и временными образованиями, подготовительной стадией на пути становления глобального общества. Исследователь полагает, что современные глобальные образования все еще нуждаются в чувстве идентичности, построенной на этничности, чтобы преодолеть отчуждение, свойственное обществу на данном этапе развития. А. Смит считает, что развитие национализма в современных обществах подтвердило жизнеспособность этноса, а культурная уникальность является способом укрепления наций-

государств вокруг их осевых этносов; при этом не отрицается необходимость гражданских ценностей [прив. по 169, с. 86-87]. Всякий раз, когда по национальному государству «заказывали реквием» [27, с. 24], ему удавалось доказать свою жизнестойкость и в обозримом будущем оно остается единственной структурой, регулирующей повседневную жизнь больших сообществ людей.

Однако, несмотря на существующие различия между понятиями «этнос» и «нация», преемственность между этносом и нацией очевидна. Нация и «ее» государство могут возникнуть только на базе определенной этнической культуры. Такую преемственность можно показать, рассмотрев соотношение понятий **этнического и этнологического сознания**.

В свое время эти две формы самосознания были выделены О.Е. Дреевым. Этническое самосознание - это осознание принадлежности к определенной этнической общности, сознательное отражение этнического бытия. Оно действует на уровне обыденного сознания и фиксирует принадлежность к тому или иному этносу.

В своем развитии этническое самосознание проходит несколько стадий:

1) осознание национальных чувств, начальный этап выделения своего этноса и дифференцирование его от других этнических общностей, противопоставление «мы» и «они»;

2) осознание своей этнической принадлежности, формирование этнической идентификации;

3) осознание приверженности к определенным национальным ценностям, общности интересов. На этой стадии начинает формироваться этнологическое самосознание.

Таким образом, этнологическое самосознание - осознание принадлежности к этносоциальной общности как социально-экономической и политической организации. Это осознание места и роли своей общности в системе межнациональных отношений, осознание самобытности, уникальности своей культуры.

Этнологическое самосознание дискретно, то есть на определенном этапе онтогенеза у этнической общности появляется актуальная потребность в создании собственного общества, собственной государственности. Актуализация этой потребности про-

буждает этнологическое самосознание и заставляет наиболее активных представителей этноса теоретически обосновывать создание независимого государства и политически действовать в этом направлении [64].

Таким образом, этническое самосознание складывается под влиянием как общесоциальных, так и культурных факторов, и в свою очередь воздействует на социальную среду посредством системы этнообусловленных ценностных ориентаций, присущих субъекту социального действия. Закрепление этнического самосознания обычно сочетается со стремлением социальной группы к созданию собственной государственности, то есть с процессом образования нации. На этом этапе этническое самосознание переходит в национальное [73].

Из этого можно сделать вывод, что, в отличие от этнического, национальное самосознание включает, наряду с эмоциональным компонентом (неосознаваемым переживанием своего единства с другими членами этнической группы), еще и рациональный - осознание принадлежности к определенной нации, представление о ней как о едином целом с общим историческим прошлым, «привязанным» к определенной территории, наконец, осознанное отношение к духовным ценностям своего народа и ориентация на них. Все это стимулирует формирование национальной идеи, национальных интересов.

В социальной жизни различные этносы постоянно взаимодействуют. Поэтому нация складывается, как правило, из граждан различного этнического происхождения, но имеющих общие цели, нормы и ценности, готовых добровольно подчиниться порядку, установленному данным государством. Поэтому **нация** - это граждане, объединившиеся в государственную общность, независимо от этнического происхождения.

Однако так происходит не всегда, а только в случае образования так называемых **«территориальных» наций**, или, по другой терминологии, при реализации **гражданского национализма**. Нация такого рода основывается на осознании *территории* и последствиях взаимодействия в пределах четких географических границ. Государство - это территориальная целостность с юриспруденцией, которая суверенна, но которая одновременно строго ограничена территорией страны; нация - это общность законов и правовых институтов. Ее члены объединяются общим

кодексом и имеют одинаковые права и обязанности. Законы исходят из одного источника - территориального государства как выражения нации, их единство и стандартизация отражают суверенитет нации-государства.

Данная модель предполагает также *гражданство*. Оно подразумевает чувство солидарности и братства, формирующееся в результате активного социального и политического участия.

Следующая черта - *общая культура*. Территориальная нация одновременно должна быть культурной общностью. Гражданская солидарность требовала общей гражданской религии (общих мифов, воспоминаний и символов), передаваемой стандартным языком через образовательные учреждения.

Традиционно французский и американский национализм рассматриваются как примеры гражданского национализма. Он базируется на политических идеях революционеров, которые сражались за независимость народа. Членство в сообществе, таким образом, определялось, прежде всего, в политических терминах. Гражданские добродетели были более важными для новой республики, нежели этничность, общая культура и даже язык. Единственным средством исключения были территориальные границы страны. Поэтому любой человек, по крайней мере теоретически, мог бы стать французским или американским гражданином, прояви он гражданские добродетели.

Этнический национализм предполагает другую концепцию национальности и является «исключающим» по своей сути, поскольку принадлежность к нации в этом случае определяется рождением, кровными связями и этничностью. В то время как гражданский национализм задуман как добровольная ассоциация, этнический - как сообщество судьбы. На этом пути нации постепенно или скачкообразно возникали на основе существовавших этний или этнических связей. Соответственно речь в этом случае идет о преобразовании этнических связей и чувств в национальные посредством мобилизации, территориализации и политизации. В итоге возобладала другая концепция нации, которая подчеркивала такие элементы, как родословная, популизм, обычаи и диалекты, а также нативизм. Этнические концепции нации замещают легальные кодексы и институты, цементирующие территориальные нации, обычаями и диалектами.

Для всех наций в современном мире характерны черты как территориальных, так и этнических принципов, и все они представляют не вполне гармоничный сплав более поздней «гражданской» и более древней «генеалогической» моделей социальной и культурной организации. Этнический национализм возник в конце XIX века и рассматривается как приемлемый, уместный для населения Центральной и Восточной Европы. В то время как гражданский национализм обычно ассоциируется с широтой взглядов, терпимостью, исключая их этнический национализм часто был идеологией авторитарных режимов [прив. по 92, с.86-94].

Проиллюстрировать разные пути образования наций можно на примере республик бывшего СССР. Как отмечают отечественные исследователи, создание национальной идентичности в России имеет свой специфический характер. Если в большинстве союзных республик обретению формальной независимости предшествовал психологический процесс формирования государственной идентичности и выделения из общества в целом на основе этнического принципа, то в России обретение независимости для многих граждан не несло психологической нагрузки [72]. Фактически мы фиксируем опыт построения государства без должной актуализации этнического самосознания русских.

Таким образом, в России, в отличие от других союзных республик, мы наблюдаем случай формирования национальной идеи на основе не этнических, а гражданских принципов. Этнический признак в свою очередь доминировал, прежде всего, у нетитульных национальностей, проживающих на территории России и образовавших самостоятельные субъекты федерации. Он занимал также ведущее место у представителей бывших союзных республик. Россия, однако, подошла к образованию независимого государства под лозунгом построения свободного рынка и демократии.

Пример США еще более показателен. Американская мечта сплотила представителей разных этнических групп. В этом случае актуализация этнического самосознания привела бы к развалу государства.

В ситуации кризиса людям свойственно ориентироваться на этносы. Возрождение этнической принадлежности - положительный процесс, пока эти возрожденные обычаи и образ жизни

не вступают в противоречие с гражданскими правами, когда начинается «парад суверенитетов» и «нарциссизм малых различий» [14, с. 38], вызывающие межэтническую напряженность. Более продуктивным представляется понимание национализма как предсказуемого и при определенных условиях неизбежного феномена коллективного поведения, связанного с ростом национального самосознания. Такое осмысление необходимо для придания большей прогностической ценности планируемых мер по поддержанию коллективной безопасности и урегулирования региональных конфликтов с минимальным применением силы. Для этого необходимо знание основных форм принадлежности к национальной группе.

Формы принадлежности к национальной группе

Дж. Мэк [прив. по 124, с.28] исходит из существования трех основных потребностей человека, которые могут быть реализованы только через членство, принадлежность к группе. Это: 1) потребность в принадлежности, 2) забота о выживании, 3) потребность в чувстве собственной значимости. Он доказывает, что в XX веке нации как раз и были теми социальными организациями, которые наиболее часто удовлетворяли эти потребности. Социальные психологи Д. Кац, Х. Келман, [прив. по 124, с. 40] исследуя роли идеальной идентичности и их различия в установках на международную политику, приходят к аналогичным выводам. В частности ими выделяются ее следующие формы:

1) символическая принадлежность к нации, когда связи на уровне индивид-группа характеризуются тесной эмоциональной привязанностью к ценностям и символам коллектива. В периоды угрозы, разрушения традиционных связей символическая принадлежность к нации рассматривается как средство уменьшения тревоги путем поддержания идентичности и групповой сплоченности;

2) приверженность нормам - характеризуется латентной связью с нацией, подчиненной более насущным ролям, которые ассоциируются с профессиональными, религиозными и родственными группами;

3) функциональная принадлежность - модель такой связи с нацией, когда индивид определяют свою роль в рамках институ-

циональной ответственности. Некоторые лишь время от времени демонстрируют лояльность институтам власти или участвуют в религиозных и общественных движениях.

Отвечая на вопрос о том, что связывает человека с нацией, К. Терхьюн выделяет следующие категории принадлежности индивида к национальной группе:

1) аффективное участие: привязанность, психологическая поддержка. Выражается через чувство любви к стране, где сама нация рассматривается как что-то знакомое, близкое, защищенное, то место, с которым связаны нежные чувства;

2) приверженность цели (функциональная приверженность). Мотивация индивидов направлена на то, чтобы усердно работать на благо своей стране, прогрессу нации; это воспринимается как прямая зависимость от своих собственных достижений. Таким образом, индивиды совершают действия, которые рассматриваются ими как источник национального благосостояния и обеспечивают личные выгоды;

3) включенность Эго. Она характеризуется связью между судьбами нации и самовосприятием, самооценкой индивида. Эго-идентификация предполагает, что индивиды нуждаются в позитивных представлениях о себе, что подкрепляется и усиливается через членство в группе. Для членов национальной группы успехи или неудачи всей нации, любая критика или похвала группы влияют на личную самооценку. Они остро реагируют на это, и национальная гордость, честь, слава, позор, власть, героизм, стыд становятся персонализированными через опыт коллектива [124, с. 28-30].

Когда мы давали определение нации, мы отмечали, что у людей, составляющих нацию, обычно формируется чувство национализма. Поэтому следующую главу нашей книги мы посвятим проблеме национализма.

Глава 2. Национализм как механизм нацестроительства

К определению понятия «национализм» существуют различные подходы. Некоторые авторы рассматривают этот феномен с точки зрения политического прогнозирования развития политических движений, в контексте формирования нации-государства или как средство национальной мобилизации. Национализм также может быть определен в рамках политических ориентаций индивида (убеждений, которые отражают эмоциональную связь с собственной нацией и чувство национального превосходства [211, с. 1]), в терминах национальной ориентации (как чувство преданности нации).

Своего рода обобщение существующих психологических подходов содержит точка зрения Х. Деккера [125]. Ученый склонен определять национализм скорее как отношение, чем убеждение или поведение. Национализм в его понимании - это один из видов национальных аттитюдов. Последние определяются как некий комплекс эмоций, вызываемых собственным народом и страной. Национальные аттитюды делятся на положительные и отрицательные, а также по критерию силы на умеренные, сильные и очень сильные. Исходя из выше сказанного, **национализм** - чувство принадлежности к нации, членов которой объединяет общность происхождения, чувство родства и кровные связи, желание по возможности сохранить свою нацию «чистой»; общая территория объединяет «своих» в рамках определенных границ для создания независимого государства. В крайних случаях представители данного этноса могут выступать против развития международной кооперации и требовать, чтобы представители других этнических групп покинули территорию страны [125, с. 1-2].

В данном учебном пособии мы будем рассматривать национализм как идеологию по следующим причинам. Если определять идеологию как совокупность взглядов и идей, в которых осознается и оценивается отношение людей к действительности, то идеология до некоторой степени определяет наше отношение, в данном случае, к проблемам взаимодействия наций. При этом

необходимо учитывать, что 1) этот процесс как правило имеет обратную связь: националистические идеи обычно находят отклик в тех обществах, где национализм, что называется, «витают в воздухе», 2) в отличие от этнических общностей, нации «создаются», поэтому национализм как идеология может рассматриваться в качестве важнейшего инструмента, средства создания нации.

В аналогичном ключе социальные психологи Н. Эберкомби, С. Хилл, Б. Тернер определяют **национализм** как идеологию, основанную на убеждении, что народ, обладающий такими общими характеристиками, как язык, религия и этничность, составляет особую политическую общность. Таким образом, национализм отождествляет политическую легитимность государства с самоуправлением нации. Существует точка зрения, что национализм как политическая доктрина не существовал вплоть до XVIII века, а возникновение национальных движений совпадает с развитием наций-государств в Европе в посленаполеоновский период. В конце XIX века многие теоретики-обществоведы предполагали, что на смену национализму придут интернационализм и космополитизм. Однако их точки зрения сразу же опровергла Первая мировая война, которая велась в том числе и под националистическими лозунгами, а организованное антивоенное движение не получило широкой поддержки у рабочего класса. Впоследствии «позитив» национализма ассоциировался с движениями за самоопределение, национальный суверенитет и независимость в странах третьего мира.

2.1. Когда мы можем говорить о национализме?

Большинство обществоведов считают, что национализм при всем многообразии его проявлений имеет следующие общие черты:

1) основан на убеждении, что политическое руководство и управляемые должны обладать культурной идентичностью;

2) апеллирует к восстановлению культурной самобытности (сохранить или восстановить национальное наследие и тем самым подготовить почву для «политического национализма», который выступает за самоопределение и политическое верховенство);

3) происходит объединение различных националистических идеологий (современные системы массовой коммуникации облегчают их распространение);

4) привлекательность националистических идеологий для низкостатусных групп и классов, поскольку идеи национализма предлагают им некоторую защищенность от эксплуатации другими национальными группами; обычно содержание националистических идеологий разрабатывается маргинальными интеллектуалами.

5) в XX веке национализм ассоциировался с деколонизацией и экономическим развитием обществ третьего мира, с борьбой за региональное равенство в капиталистических обществах [прив. по 92, с. 104-107].

Вместе с тем необходимо провести различие между **патриотическими убеждениями** и собственно национализмом. В то время как проявление национализма связано с чувством национального превосходства, патриотические убеждения лишены этого подтекста и выражены в преданности членов общности своей нации и стране, любви, гордости и заботе о ней. Однако, даже если эти термины и развести концептуально, в психологическом измерении они все равно могут коррелировать.

Например, согласно теории социальной идентичности, национализм и патриотизм, как индикаторы позитивной групповой идентификации, предполагают позитивные различия ингруппы от аутгруппы. Кросс-культурные исследования демонстрируют, что ингрупповой фаворитизм выражается в положительной оценке своей группы, и в негативной - аутгруппы. На примере США исследование патриотических и националистических убеждений демонстрирует, что патриотизм и национализм представляют собой два различных фактора. Патриотизм ассоциируется с преданностью своей национальной группе и своей стране - США, национализм связан с убеждениями о их первенстве. При этом националистические убеждения обнаруживают значимые корреляции с негативным отношением к бывшему СССР, в то время как патриотизм - незначимые. Исследование, проведенное в республиках бывшего СССР (Беларусь, Украина, Молдова, Грузия и Казахстан), выявило непосредственные зависимости между национализмом и более выраженным негативным отношением к этническим русским, проживающим в республи-

ке. Вместе с тем исследователи не обнаружили положительных корреляций между патриотизмом и негативными аттитюдами по отношению к другим этническим группам [211, с.1-3].

Рассмотрим основные характеристики националистической идеологии:

1) упрощенчество. Речи и программы националистических лидеров постоянно создают впечатление, что сложные проблемы имеют поразительно простые и очевидные решения. Г. Оллпорт находит одну из причин данного явления в склонности человеческого мышления использовать такие обобщения, понятия и категории, содержание которых представляет собой максимально упрощенный собственный опыт;

2) дихотомизация. Она представляет собой один из элементов предыдущей стратегии. Все люди, события, мнения делятся на две оппозиционные категории. При этом оба эти класса оцениваются также как противоположные. «Мы» - честные, «они» - нет, и т.д. Черно-белое видение составляет основу национализма;

3) ригидность. Непреклонность, непоколебимость убеждений националистов рассматривается как критерий их настойчивости, упорства, верности;

4) размежевание. Любое националистическое движение выступает за «разделение». И каждый член данной национальной группы должен ясно представлять, где начинаемся «мы», а где - «они»: земли, озера, города, культура, история, промышленность непременно должны быть разделены. В период распада СССР жители союзных республик четко разграничивали законы, указы, распоряжения союзного и республиканского правительства и выбирали соответствующую форму реагирования;

5) единообразие. Установление всеобщего единообразия представляет собой конечную цель вышеперечисленных особенностей. «Наша» похожесть усиливает «наше» единство, делает «нас» сильнее;

6) деградация рациональности. Националистические лозунги обращены больше на эмоции, чем на умы соотечественников;

7) популизм (от *populus* - люди). Эта характеристика подразумевает мобилизацию людей путем постоянного обращения к добродетели и мудрости народа (народ всегда знает, что для не-

го хорошо, а что плохо), апеллирование к его волеизъявлению, использование стихийности масс, «заигрывание» с «простыми людьми», проявление внешней враждебности к любым формам социального элитизма и т.д;

8) направленность против индивидуальности. Как правило, национализм «отказывает» людям в праве быть не похожими на других;

9) морализм. Когда националисты призывают своих соотечественников защищать свободу и справедливость, они обычно прибегают к риторике о морали. В националистической интерпретации любое упоминание свободы или справедливости имеет отношение лишь в связи со своей этнической группой. Таким образом, моральные категории утрачивают как универсальный, так и индивидуальный характер. Для того, чтобы привлечь на свою сторону как можно больше союзников, националисты представляют свои моральные принципы в виде священного долга каждого представителя этноса;

10) традиционализм. Национализм - это идеология закрытости, антикосмополитизма и обращения к прошлому. Он идеализирует принцип самодостаточности в экономике и общественной жизни, стимулирует подозрительность по отношению к «чужим». Наблюдаемый всплеск национализма во многих странах в последние годы сопровождается публикацией книг и статей по национальной истории, о национальных героях, национальной кухне, об искусстве национальных групп. По мере того, как националистическая идеология овладевает «умами и сердцами» людей, вся эта атрибутика перемещается из этнографических музеев в военные штаб-квартиры, президентские дворцы, на улицы городов. По образному выражению Д. Кесмановича, «национализм - это страшная машина времени, когда фигуры прошлого и настоящего перемешиваются, самым невероятным образом сменяя одна другую» [172, с. 57];

11) поиск смысла жизни. Явно или неявно люди задают себе вопрос о том, что с ними случится. Национализм дает на него прямой ответ: наша нация борется за свое рождение, за независимость, против своих врагов. Фактически националистическая идеология указывает направление социального движения;

12) биологизм. Националисты обычно отыскивают уникальность своей национальной группы в таких базовых привя-

занностях, как кровные связи. Поэтому ими придается большое значение демографической политике, численности людей, принадлежащих к той или иной национальности и проживающих на данной территории, так как полагают, что сила нации заключается в количестве ее членов. Отсюда - забота о повышении «своей» рождаемости;

13) экстремизм. Это одна из основных характеристик национализма. Некоторые националисты весьма радикальны как в декларируемых целях, так и в средствах их достижения. Они хотят всего «сейчас и немедленно» [172, с. 51-61].

К этому весьма емкому перечню основных черт национализма М. Кеммельмейер и Д. Винтер [прив. по 37, с. 89] считают необходимым добавить еще одну. Они отмечают, что национализм часто подразумевает определение того, что составляет **«образ хорошего и плохого члена нации»**. Известно, что образ национального «я» состоит, по крайней мере, частично из идеализированных стереотипов относительно члена данной национальной группы, которые являются результатом общей культуры. Так, в одном из эмпирических исследований при изучении национальной идентичности соотечественников ученые выделили объекты, которые являются либо важными, либо маргинальными для большинства населения в том плане, что они имеют значение для идентификации с американской нацией, с ощущением «быть американцем». Акцентирование американской идентичности должно привести к большей готовности поддержать доминирующие черты американского общества и отвергнуть маргинальные. С учетом предыдущих выводов, высказывалось предположение, что, когда идентичность находится под угрозой, люди воспринимают свою группу более однородной по базовым характеристикам. Отсюда следует, что если поведение члена ин-группы не совпадает с чьими-то представлениями о группе, тогда он, скорее всего, будет объектом дискриминации со стороны других членов группы. К классу базовых, «важных» символических объектов относится, например, американский флаг.

Экспериментальное исследование этих предположений, в частности, было нацелено на то, чтобы проверить, вызовет ли присутствие национальных символов чувства и установки, которые будут направлены на поддержание доминирования национальной группы и иерархической структуры общества. Как мы

показали в первой главе при рассмотрении теории социального господства, ориентация на социальное доминирование связана с общими установками на утверждение своего приоритета среди других групп и в вопросах группового равенства. Также отмечалось, что этот конструкт связан с предрассудками против меньшинств, а также национализмом. Суммируя результаты исследования, можно сказать, что при наличии флага США на предметах повседневного обихода американцы рассматривали групповое доминирование как более приемлемое, чем его отсутствие. Аналогичным образом в присутствии национальных символов респонденты становились большими «националистами». Таким образом, исследователи показали, что национальный флаг вызывает тенденцию к дискриминации тех социальных групп, которые, например, не вписываются в традиционную аббревиатуру для типичного американца (WASP - белый, англосаксонского происхождения, протестант) и рассматриваются как не согласующиеся с общепринятыми представлениями о том, за что выступают США.

Данное исследование, на наш взгляд, связано с важным механизмом культурной репродукции. Он заключается в том, что преобладающие компоненты, которые определяют национальную идентичность, мало изменились и остаются в сознании как архетипы. Но самое интересное, вероятно, заключается в том, что американский флаг использовался как способ дифференциации в ингруппе. Известно, что, в отличие от многих других государств, флаг как национальный символ постоянно присутствует именно в повседневной жизни американцев: в частных домах, школах, магазинах, на бензозаправках. Оказалось: наличие, присутствие флага задает строгие рамки для определения того, что значит быть американцем. Также он представляет собой мощный механизм закрепления привилегированного положения одних социальных и этнических групп по сравнению с другими. Общий вывод может звучать несколько «непривычно»: широкое использование национальных символов, в частности флага, прежде всего в сознании «работает» на закрепление и поддержание незыблемости сложившейся иерархии в обществе.

В отечественной литературе термин "национализм" чаще рассматривается в негативном смысле как превосходство одного народа над другими и использовался в качестве «ярлыка, с по-

мощью которого осуществлялось политическое преследование». Например, Л. Дробижева подчеркивает, что подобный оценочный подход не всегда продуктивен и развивает свое видение этой проблемы в рамках возможности либерального национализма или этнорегионализма. В связи с жестко регламентированным объемом данного учебного пособия мы отсылаем читателей к оригинальной публикации ученого в коллективной монографии [66] и предлагаем обзор основных характеристик мировосприятия индивида сквозь призму его принадлежности к национальной группе.

2.2. Специфика восприятия парадигмы националистической идеологии

Тематическое содержание националистической идеологии может быть весьма разнообразно. Остановимся на основных моментах, которые отмечаются в научных трудах отечественных и зарубежных ученых и связаны с особенностями восприятия.

Тема вреда. Националисты любят подчеркивать тот факт, что представители «своей» нации часто ущемляются в правах: экономических на производстве, имущественных при приватизации; им не позволяют свободно выражать национальные чувства или исполнять религиозные ритуалы.

Ранее мы отмечали, что образ врага является важным компонентом этнической идентификации. Поэтому намеки на существование **угрозы** находят мгновенный отклик в сердцах людей. Нация, по заявлениям националистических лидеров, постоянно подвергается угрозе, исходящей от внешних или внутренних врагов. Кроме того, угроза исходит и от людей, которые не осознают или не хотят осознавать, что их нации грозит опасность. Еще одна опасность приписывается тем, кто, как считают националисты, не заботится о процветании нации, намеренно подрывает ее socioэкономический потенциал и вводит в заблуждение национальное самосознание. В подобных обстоятельствах само существование нации является небезопасным, и основные усилия должны быть направлены на ее возрождение. Националисты воспринимают представителей других национальностей как причину всех зол.

Тема заговора. Националисты очень часто очерчивают круг лиц, которые напрямую или косвенно вовлечены в заговор против них (Ватикан, службы национальной безопасности, мировое сообщество и т.д.). Среди них растет убежденность в том, что их нация представляет собой цель для враждебно настроенной группы стран и международных организаций, поскольку их нация играет ведущую роль в мировом сообществе, выполняя особую миссию. В этом случае националистическая идеология рано или поздно может привести к военной конфронтации.

Тема заботы о чистоте идеологии. Националисты считают себя самыми информированными о реальном положении дел нации и воспринимают себя как наиболее сознательных представителей национальной группы, а их соотечественники ведут себя неправильно, поскольку они не обладают «нужной» информацией. Поэтому националисты берут на себя функции актуализации национального самосознания среди населения.

Тема этнического превосходства. Националисты уверены, что по сравнению с представителями других национальностей члены «своего» национального сообщества более отважные, честные, благочестивые, свободолюбивые и т.д. Это служит им в качестве самооправдания недостаточного уважения прав и интересов представителей других наций и в то же время поддерживает воинственный дух членов своей национальной группы. Выражение национального превосходства осуществляется следующими возможными способами. В одном случае представители своей национальной группы наделяются положительными общепризнанными качествами, такими как честность, трудолюбие, гуманность и т.д., в другом - уникальными и превосходными чертами. Более того, черты национального характера неразрывно связываются с националистическими целями. Например, в период войны «мы» - лучшие бойцы, более способные к использованию военной технологии, чем «противник». За столом переговоров «мы» - более терпимые, справедливые, верные своим обещаниям, чем «они».

Тема возмездия. Националистическая идеология подразумевает совершение действий, направленных на напоминание о несправедливостях и преступлениях, совершенных людьми другой национальности в отношении своего этноса. Она стремится убедить людей в том, что было бы несправедливо предавать их заб-

вению. Как только столкновение национальных групп, мотивированных националистическими лозунгами, началось, такие напоминания становятся излишними, так как ситуации острой конфронтации каждый день дают новые поводы для мести.

Тема жертвы. Националисты не упускают возможности изобразить себя жертвами вражды, экспансивных действий других людей, жертвами групп меньшинства или большинства, которые постоянно требуют большей автономии или дополнительных прав. С другой стороны, националисты подчеркивают священный характер жертв, которые они приносят во имя своей нации [172, с. 61-67].

Националистическая идеология может стать официальной или неофициальной идеологией государства. В подобных случаях, Л. Холмс выделяет официальный и неофициальный национализм [156, с. 283]. **Официальный национализм** соотносится со стремлениями государства насаждать и усиливать ориентированную на государство идентичность, а также с его действиями по структурированию государственной системы в соответствии с воспринятыми потребностями нации, поэтому на этот процесс часто ссылаются как на национальное строительство.

Неофициальный национализм возникает внутри самого общества и, как правило, направлен против существующего государства. Вполне возможно, что он может быть использован для достижения цели построения нового государства или проведения фундаментальных изменений в государственном устройстве. Таким образом, неофициальный национализм сегодня может стать официальным завтра [156, с. 283-284]. Как считают ученые М. Залевски и С. Инлоу, идентичность - это не только вопрос самоопределения. Идентичности конструируются «другими» (властью, лидерами общественного мнения), которые участвуют в создании определенных социальных категорий и заставляют людей подчиняться им. Таким образом, когда мы говорим об идентификации, то должны обращать внимание на действия властных структур, участвующих в социальном конструировании идентичности [228, с. 65].

Л. Холмс и другие политологи выделяют в структуре неофициального национализма четыре подтипа, отражающих специфику взаимоотношений национальных групп: 1) унитаризм, 2)

автономизм (сторонники автономии), 3) сепаратизм и 4) ирредентизм (борьба за присоединение).

Национализм унитарного типа связывается с попытками численно доминирующей этнической группы создавать или поддерживать развитие общей идентичности с другими этническими группами, проживающими на территории государства. Это интегрирующая форма национализма. Она возникает, когда деятельность центральной власти не благоприятствует развитию преобладающей этнической группы.

Национализм автономистов и сепаратистов направлен на дезинтеграцию, против господства самой многочисленной этнической группы и/или государства. Главное отличие между этими двумя формами национализма в том, что автономисты ищут большей свободы для управления своими делами в рамках существующего государства, а сепаратисты хотят полной независимости от существующего государства и создания своего собственного.

Ирредентизм может быть официальным или неофициальным, направлен как на интеграцию, так и на распад. На практике он выражается в том, что этническое меньшинство, проживающее в одной стране, может выступать за выход из ее состава и присоединение к другой стране, где проживает большая часть данного этноса. Подобные вопросы обсуждались без положительного результата в Молдавии и Румынии, Венгрии и Трансильвании (Румыния), Воеводине (Сербия).

Динамика зарождения и распространения национализма

Как и почему распространяется национализм? Причины возникновения и распространения национализма представляют собой взаимозависимые сущности. Многочисленные и разносторонние силы, составляющие социально-психологическую основу национализма и побуждающие его появление, сосуществуют в каждом человеческом существе. Доминирующий мотив может уступить место другому в очень короткий промежуток времени. Многие националисты могут не осознавать или только частично осознавать истинные мотивы своей приверженности данной идеологии. Поэтому часто очень сложно выделить в каждом конкретном случае реальные, объективные, рациональные

мотивы, которые лежат в основе применения принципов национализма по отношению к своей группе и межнациональным отношениям.

Прогнозирование этнической напряженности, ее крайних проявлений в форме национализма возможно в рамках предлагаемой политологом Л. Холмсом [156] схемы, состоящей из десяти пунктов:

1) наличие традиции *исторической враждебности* между этническими группами, обычно в прошлые века. Антагонизм может быть связан с территориальными притязаниями, религиозными различиями, господством одной и угнетением другой этнической группы, войнами в прошлом, совершенными актами вандализма и жестокости;

2) *официальный и унитаристский национализм*. Национализм государства (или исходящий от преобладающей этнической группы) может стимулировать национальное самосознание этнических меньшинств. Это происходит, скорее всего, там, где срастаются официальный национализм государства и неофициальный национализм унитаристского типа;

3) *быстрая модернизация и/или революционные преобразования*. Если политический режим предпринимает меры по широким и существенным переменам в общественной жизни, для стабильности этнических отношений могут наступить негативные последствия. Аналогичная ситуация возникает при внезапном и радикальном изменении политической и социально-экономической системы в результате революции. В обоих случаях традиционная система ценностей попадает под давление новых обстоятельств, что оказывает дестабилизирующий эффект на многих граждан. Атавистическая природа, заложенная во многих формах национализма, воспринимается многими людьми как источник предполагаемой стабильности для тех, кто оказался дезориентирован крупномасштабными переменами, кто чувствует, что утрачивает идентичность. Гораздо чаще это связано с послереволюционной ситуацией, которая характеризуется идеологическим вакуумом и/или быстро меняющейся классовой структурой, а также хрупкой государственной структурой управления. Все эти три фактора присутствуют в разной степени в общественно-политической жизни многих новых государств, возникших «из пепла СССР». Поскольку многие граждане не

могут найти в идеологии, классе, сильном государстве достаточную базу для самоидентификации, в качестве альтернативы выступает нация;

4) **политическая структура.** Политическая структура, которая воспринимается как навязанная сверху (например, федеративная система государственного правления), может стать центром националистической агитации, как только существование всей системы ставится под сомнение;

5) **политический климат.** Либеральная фаза правления политического режима может иногда поощрять (неофициально) националистических активистов более откровенно высказывать свои идеи, что приводит к усилению общего числа неофициальных националистических проявлений. После этого возможно принятие мер репрессивного характера, введение в действие законодательства, пресекающего эксцессы неофициального национализма, ксенофобии, правого экстремизма. Подобная ситуация напоминает отношение к националистическим партиям и политическим движениям в период становления независимой России, когда поощрялись в том числе и сепаратистские устремления чеченских лидеров.

6) **низкая эффективность политического режима.** Одна из главных причин изменения интенсивности националистических чувств и настроений связана с эффективностью государственного правления пришедшей к власти политической элиты, особенно в экономической сфере. В самом общем виде ухудшение экономической ситуации, особенно связанное с растущей безработицей, поддерживает неофициальный национализм и/или этническую напряженность. Вместе с тем неэффективность экономики вынуждает правительство искать «козлов отпущения», стремясь обеспечить собственную легитимность. Правительство в подобных обстоятельствах становится более склонным к национализму. Например, в 1993 г. плачевное состояние экономики в Словакии привело к тому, что многие исследователи рассматривали как расистские некоторые действия в правительстве Мечияра, которое пыталось обвинить венгерское этническое меньшинство в экономических трудностях Словакии. Неэффективность экономики также может спровоцировать этническое меньшинство «поставить на повестку дня» вопрос об отделении от государства и присоединении к другому. С точки зрения этой

перспективы могут рассматриваться упоминавшиеся ранее установки этнических групп молдаван и венгров [156, с. 296-297]. Однако Э. Поппе отмечает, что эмпирические доказательства этого положения очень слабы. Он ссылается на недавние исследования в Венгрии, которые показывают, что предрассудки относительно евреев и цыган (группы меньшинств на территории Венгрии) не возросли в ответ на ухудшение социальной и экономической ситуации в стране [211, с. 3];

7) субъективно неравноправное и несправедливое отношение. Если этническая группа полагает, что ее права по сравнению с другими этническими группами ущемляются властями, это может привести к напряженности как с самим государством, так и с другими этническими группами. И наоборот - занимающие привилегированное положение этнические группы полагают, что они заслужили подобное отношение, что также приводит к националистическим проявлениям;

8) низкоклонство режима перед зарубежными державами. Отмечаются случаи развития процессов распространения неофициального национализма, если этнические группы считают, что их лидеры слишком заискивают перед ведущими зарубежными странами. Примечательно, что подобные тенденции не характерны для отношений с Россией новых независимых государств. Процессы европейской интеграции могут обострить национальное чувство. Данный феномен, например, может проявиться при принятии одного или нескольких государств из числа бывших республик СССР в Европейский Союз;

9) прямое или косвенное внешнее стимулирование этнической напряженности. Различные националистические группы в процессе взаимодействия с этническим сообществом могут влиять на активизацию подобных настроений (успех одной из них подогревает националистические настроения еще больше). СМИ могут играть важную роль в разжигании подобных настроений. В ряде новых независимых государствах возможности возникновения подобных ситуаций связываются с относительно либеральной атмосферой в издательском деле, расширением возможностей доступа к Интернету, которые увеличиваются год от года;

10) альтернативные организации и лидерство. Обострение этнических чувств связано и с изменениями в организациях,

которые поддерживают националистические идеи и где их сторонники имеют возможность время от времени собираться. Многие зависят и от позиции руководства этих общественных организаций [156, с. 297-298].

Общий результат воздействия перечисленных выше факторов меняется в зависимости от времени и места, а также самой группы. Можно полагать, что бегство в этничность, которое характерно для общественной и политической жизни новых независимых государств, «пойдет на убыль» по мере кристаллизации политической структуры и практики, улучшения экономической ситуации. Вместе с тем преодоление наследия крайних националистических проявлений, этнического насилия может занять жизнь многих поколений.

В целом динамику зарождения и распространения национализма можно представить в виде следующей схемы [172, с. 99].

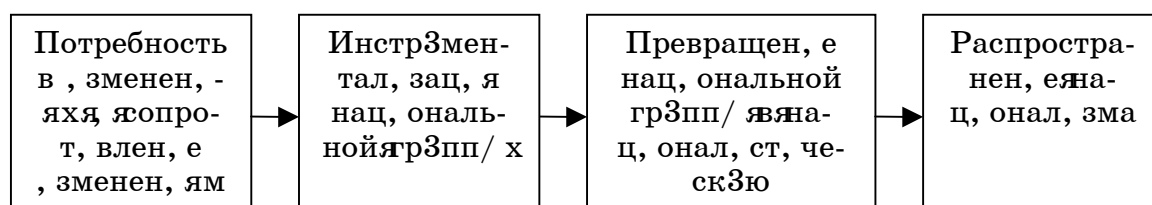

Рис. 1. Возникновение и распространение национализма

Эти фазы обычно трудно отделить одну от другой; во время протекания одной зарождается следующая, а процесс в целом может занимать различные временные периоды в зависимости от целого ряда факторов и обстоятельств. Рассмотрим кратко каждую из приведенных стадий.

Потребность в изменениях и сопротивление изменениям в обществе. Данная потребность инициирует и подготавливает почву для национализма. Однако необходимо отметить, что национализм никогда не имеет дела с объективными материальными и социальными обстоятельствами реальности. Национализма, прежде всего, опирается на психологические последствия тяжелых жизненных условий. Националистическая идеология помогает людям преодолеть их, активизируя некоторые общие психологические стремления, свойственные всем людям. Это - стремление отделить свою группу от чужой, «обесценить» тех,

кто не принадлежит к ней, сделать их «козлами отпущения» за свои несчастья. Таким образом, вмешательство националистов в социальную среду обычно отвечает перечисленным выше устремлениям.

Но может оказаться, что стремление предотвратить изменения также будет провоцировать возникновение националистических проявлений. В этом случае акцентирование внимания на межнациональных отношениях способно отвлечь людей от реального положения дел в обществе.

Инструментализация национальной группы. Для того чтобы осуществить крупномасштабные преобразования, необходимо прежде всего мобилизовать людей, которые разделяют общие эмоции, верны определенным социальным целям и готовы пойти на жертвы ради собственной группы. Националистическая идеология в данном случае представляется наиболее подходящей для мобилизации по ряду следующих причин:

1) национальность становится определяющей, так как она часто предопределяет способы реализации власти и охватывает различные уровни анализа: от событий в данном обществе до всемирных процессов;

2) представители одной национальности, особенно если они из одной этнической группы (а идеология национализма обычно апеллируют к этому), объединяются сильной преданностью общей цели;

3) в настоящее время национальная идентичность представляет собой ключевую составляющую социальной идентичности;

4) апелляция к этническим чувствам не требуют другого оправдания, чем кровные связи;

5) в настоящее время национализм является самым богатым источником энтузиазма народа.

Образование националистической группы. Развитие национализма будет происходить успешней, если он становится идеологией государства в силу того, что представители власти имеют определенное влияние на средства массовой информации. Если политик к тому же еще и популярен, то его риторика обычно вызывает доверие у населения. Основная цель воздействия заключается в том, чтобы трансформировать национальные чувства в националистические установки и убеждения [172, с. 99-101]. Следуя терминологии Х. Деккера и Д. Маловой, национальные

чувства нейтрально окрашены и представляют собой чувство принадлежности к своей стране и ее жителям. Они могут быть представлены следующими высказываниями: «Я - русский»; «Россия - моя страна». Националистические аттитюды, в свою очередь, подразумевают, что «Я имею такие же корни, как и другие русские люди»; «Русские не должны смешиваться с другими национальностями»; «Россия для русских» и т.д. [125, с. 1-2].

Распространение национализма. Существует множество способов распространения национализма. Одни из них представляют собой реакцию на социальное давление - это конформизм, послушание. Другие связаны с тем, что национализм может быть привлекателен для людей, имеющих специфическую психологическую структуру личности (например, так называемая авторитарная личность [3]) или, другими словами, подразумевающую особый комплекс эмоций. Такие люди чувствуют угрозу со стороны кого-либо или чего-либо, ощущают свою некомпетентность, маргинальность, не уверены в себе. Указанные черты могут сложиться в ходе личностного развития, появиться в силу социальных потрясений или радикальных реформ в обществе. Распространение национализма может быть также связано с возможностью реализовать через националистическую идеологию личностные и социальные потребности, например, выплеснуть подсознательную агрессию.

Национализм выполняет множество **функций**, удовлетворяет или претендует на то, что удовлетворяет различные потребности, побуждения и стремления индивидов и групп, в частности такие, как:

- 1) стремление к агрессии и завоеваниям, так же как потребность в защите;
- 2) потребность в усилении или сохранении личностной или социальной идентичности, наряду с потребностью в деиндивидуализации, стремлении слиться с группой;
- 3) стремление к власти наряду со стремлением ей подчиняться;
- 4) потребность расширять влияние собственной нации и ограничивать его;
- 5) готовность принести значительные жертвы во имя соблюдения моральных принципов и вместе с тем стремление грабить и разрушать;

б) потребности почитать сверхчеловеческие сущности и повторствовать своим инстинктам.

Эти многочисленные и противоречивые социально-психологические движущие силы национализма представляют собой основной источник причин, определяющих обоснованность националистической идеологии. Национализм созвучен человеческой природе, которая сама по себе преисполнена противоречий.

Люди никогда не останавливаются в своем поиске идентичности. Культурная национальная идентичность не является статическим явлением, всегда находится в процессе определения в тесной связи с факторами, работающими в данный момент в данном месте. Российская идентичность в период дезинтеграции СССР была частично переопределена, частично подтверждена вновь, в первую очередь, с точки зрения того, как переоценить положение и миссию России в отношениях со странами СНГ, бывшими идеологическими союзниками и противниками. То есть начал формироваться новый образ России. Основным аспектам коммуникации образов в международных отношениях посвящен следующий раздел.

Раздел 4.

Идентичность государства

В последние десятилетия как общественный, так и политический дискурс, рассматриваемый в психологии как различные виды коммуникативной практики и отражающий представления человека о мире, его мнения, установки, интенции, а также включающий «когнитивные факторы для его создания и понимания» [74, с. 281], обогатился такими терминами, как идентичность нации и государства, образ государства-партнера, образ врага, оппонента, стереотипы восприятия, стереотипы образа оппонента, установки делегации на переговорах, положительный образ государства в международных отношениях. Данное обстоятельство обращает внимание на то, что психологический компонент во взаимоотношениях государств и народов не только присутствует, но от него, по выражению Е. Егоровой–Гантман и К. Плешакова, «нельзя абстрагироваться даже на уровне языка» [24, с. 19].

В зарубежной науке аналогом русскоязычного термина "образ" является понятие "имидж", т.е. образ и имидж часто рассматриваются как синонимы. По нашему мнению, понятия «имидж» и «образ» государства требуют того, чтобы их развели: психологически они несут разное содержание.

На наш взгляд, отношения между ними можно обозначить как родо-видовые. Образ - более общее понятие, включающее в себя понятие имиджа. **Имидж** - это образ социального объекта, специально конструируемый в соответствии с ожиданиями, например, больших групп людей для того, чтобы произвести благоприятное впечатление, он ха-

рактируется устойчивостью, а также изначально заданной неполнотой отображения и схематичностью [56, с. 200-201].

Без сомнения, политики также стремятся управлять впечатлениями и создать «положительный образ» (в том числе и своего государства). Как подчеркивают С. Фиск и Ш. Тэйлор, явление управления впечатлениями распространено повсеместно. Трудно представить такую социальную ситуацию, в которой не прилагалось бы усилий для создания о себе «правильных» впечатлений [140, с. 229]. Вместе с тем, в научном обороте часто используются и такие понятия, как «достигнутый» и «приписываемый» статус, «идеальный» и «реальный» образ. Например, в последние годы с особой актуальностью обозначилась проблема России и ее образа в процессе международного взаимодействия государств. Ряд эмпирических исследований, в том числе и одного из авторов книги [33, с. 380-381], подчеркивают расхождение восприятия образа страны, связанного, например, со статусом России как сверхдержавы, внутри страны и за рубежом.

Приведенный пример демонстрирует, что восприятие государства далеко не часто осуществляется в соответствии с созданным им «имиджем», а направляется «образом», возникшим у других участников политической среды в процессе социального познания. По определению Л. Вайткунене, **имидж** - это «специальным способом изготовленный **образ**, в котором главное не то, что есть в реальности, а то, что мы хотим видеть, что нам нужно. Этот образ являет результат искажения отдельных явлений природы, общественной жизни» [приводится по 20, с. 109].

Вопросы восприятия и других когнитивных процессов неотделимы от изучения коммуникации и взаимодействия государств в ходе социально-психологических исследований международных отношений. Ошибки восприятия участников международных отношений оформляют стиль и содержание коммуникативных актов и, в свою очередь, выявляются в ходе самих этих актов. Таким образом, особенности коммуникации и взаимодействия политиков обычно согласуются с их восприятием. Окончание холодной войны требует переоценки ряда психологических концептов, используемых в изучении международных отношений, и один из них связан с образами врага, оппонента. То есть необходимо осмысление происходящих когнитивных изменений. Психологической оценки требуют и новые междуна-

родные стратегии взаимодействия: как политики воспринимают друг друга и решаемые совместно международные проблемы. Для этого представляется важной дальнейшая теоретическая разработка и переосмысление конструктов «их» и «наших» образов, проблем восприятия власти и контроля, взаимосвязи между формированием знания и эмоциями.

Для реализации поставленных задач необходимо рассмотреть:

- 1) само понятие образа и его психологическую «нагрузку»;
- 2) историю становления исследовательских подходов к проблеме образа государства и национальных я-концепций;

Кроме того, процессы международной коммуникации после окончания холодной войны оставляют множество вопросов, на которые пытаются ответить социальные и политические психологи. В этом случае, по мнению политического психолога М. Коттам и Д. Маккой [119, с. 116], можно обозначить три группы вопросов, связанных с изменением образа государства. *Первая* призвана обозначить изменения сложившихся образов государств-участников международных отношений. В период холодной войны наши образы были предельно структурированы и ясны для понимания. Как изменились они сейчас, что осталось из прошлого и как возникающие образы государств влияют на его тактику, политический курс? *Второй* блок вопросов связан с изменением конкретных образов: кто теперь наши враги и друзья, остались ли они «прежними» или кто-то другой занял их место, нужны ли нам новые образы государств вообще. Не менее важную, *третью* группу «психологических» вопросов составляют те, которые связаны с мышлением политического истеблишмента. В частности, признает ли политическая элита, что природа новых конфликтов отражает перцепции оппонентов, которые существенно отличаются от тех, которые были в период холодной войны; изменились ли репрезентации новых проблем международного взаимодействия (т.е. их формулировка, объяснение и интерпретация) с точки зрения возможных причин продолжающегося насилия и вооруженного противостояния в то время, когда уже нет непримиримого противоборства двух мировых систем.

Первый блок вопросов логически вытекает из факта окончания холодной войны. Два других - скорее следствие возникно-

вения новых очагов конфликтов в мире. Трагедии в Югославии, других регионах мира свидетельствуют в пользу того, что образ врага, который американцы связывали с СССР, был только одним из множества подобных образов. Дальнейшее развитие противостояния различных интересов в формирующемся мире также свидетельствует в пользу того, что исследование реальных когнитивных процессов в политике, процессов изучения мышления по аналогии с исследованием искусственного интеллекта остается объектом серьезной критики. Человеческое измерение политики составляет ее живую плоть и кровь, по этой причине, по мнению А.И. Юрьева, исследование эмоционального компонента [93] должно присутствовать наряду с рассмотрением рассудочных когнитивных процессов.

В рамках данного раздела мы в той или иной мере постараемся ответить на поставленные вопросы.

Глава 1. Психологические аспекты концепции образа в международных отношениях

Хотя данный раздел учебного пособия призван обсудить психологические теории идентичности государства, мы все-таки хотели бы начать с работ А. Вендта, обсуждающего сформулированную проблему с точки зрения конструктивистской парадигмы. Мы несколько обособили его от других не по причине того, что конструктивизм лучше или хуже способен объяснить взаимоотношения между государствами, а скорее потому, что он является предшественником (не хронологически, но «идейно») идеи существования я-концепции государства, используемой политическими психологами.

1.1. Конструктивистская концепция идентичности государства

А. Вендт в основу своих рассуждений положил труды социологов П. Бергера, Т. Лукмана [237], а также психологов, например, работы Дж. Г. Мида [195], и апеллирует к власти идентичности в международной политике.

В подходе А. Вендта идентичности, которые понимаются как «специфическое ролевое понимание и ожидания по поводу «я», организуют рациональный выбор, и в то же время сами оформляются нормативными моделями международной политики. В связи с этим по аналогии с изучением индивида А. Вендт говорит о социализации государств и интернализации норм и правил, т.е. о тех процессах, которые игнорируют сторонники рационального подхода, хотя они и имеют серьезные последствия для формирования эффективно действующих международных институтов.

А. Вендт [255, с. 386] доказывает, что концепции восприятия участниками международных отношений себя и других, а также поставленные при этом цели, всегда включены в процесс взаимодействия государств. Следовательно, идентичности и интересы должны рассматриваться в качестве зависимых переменных.

По его мнению, идентичности как самостоятельные сущности не могут определяться изолированно от социального контекста. Напротив, они внутренне взаимосвязаны и должны рассматриваться в качестве набора значений, которые субъект приписывает себе, рассматривая поступки и действия других, т.е. это социальный объект. Социальные идентичности представляют собой особые я-концепции по отношению к другим участникам международных отношений, таким образом формируя частные интересы и принимаемые в политике решения.

Поведение государств в значительной мере зависит от того, как воспринимает себя субъект: врагом или другом «другого». В этой связи, по мнению А. Вендта, существуют два типа государственной идентичности, которые образуют полюса континуума, ранжированного от позитивной до негативной идентификации с благополучием и безопасностью других участников междуна-

родных отношений. С одной стороны, идентичность может быть коллективной, т.е. подразумевающей эмпатию и солидарность. Участники международных отношений относятся друг к другу с уважением, и решения принимаются на условиях компромисса. С другой стороны, идентичность может быть эгоистической. В этом случае «другие» рассматриваются в качестве объектов манипуляции с целью реализации собственных интересов [151, с. 186].

Данная концепция идентичности государств ориентирована на рационалистическую интерпретацию международного сотрудничества. Собственные интересы государства определяются и реализуются независимо от интересов «других», которых воспринимаемых как часть того окружения, среды, в которой субъект принимает решения.

Вместе с тем, хотя А. Вендт не отрицает, что рационалисты достаточно всесторонне исследовали сотрудничество между государствами, которыми движут эгоистические интересы, он подчеркивает, что, как только начинается сотрудничество «по правилам», оно может вселить в эгоистов большую альтруистическую настроенность. То есть эволюция сотрудничества может привести к развитию самого сообщества государств [255, с. 390], в котором субъекты, по крайней мере, частично идентифицируются с законными интересами друг друга и уважают «чужие» решения. Эгоистическая мотивация может играть важную роль на ранних этапах становления режима. Но со временем, в процессе становления и расширения международных институтов сотрудничества, участники взаимодействия приобретают все более и более коллективные идентичности: происходит процесс, который не поощряет «абсолютную» свободу действий и связан с усилением диффузии взаимности и готовностью понести определенные затраты [255, с. 386]. Следовательно, институты сотрудничества в международных отношениях не будут вполне адекватно анализироваться в рамках функционального реагирования на проблемы, связанные с коллективными действиями, если данные функциональные подходы не находят пути интеграции эволюции и интернализации новых идентичностей и интересов, которые сочетаются с соблюдением согласованных норм и правил [254, с. 399].

Для иллюстрации гипотезы стабилизации сотрудничества на основе осмысления собственного «я» в условиях международной анархии А. Вендт ссылается на продолжающуюся дискуссию о будущем европейских институтов безопасности. В то время как ряд выдающихся представителей реалистической школы К. Уолтц [251], Дж. Мерсхаймер [196] предупреждали о процессе, который приведет Европу «обратно в будущее» - будущее, над которым нависнет тень традиционной политики поиска баланса сил, что было характерно для Европы накануне Второй мировой войны. А. Вендт не считает возможным возвращение старых моделей международного поведения, так как европейские государства 90-х уже не те, что были в 1949 г., когда по инициативе США для баланса сил был создан военно-политический блок НАТО: «Даже если все начинается с эгоистических мотивов, процесс сотрудничества связан с тенденцией их пересмотра путем переоформления идентичностей и интересов в рамках нового интересубъективного понимания мира и обязательств. Изменения в распределении власти в конце 20-го столетия, безусловно, бросили вызов новым подходам. Но это не означает, что европейские государства имеют некий внешне обусловленный интерес, связанный с отказом от коллективной безопасности за приемлемую цену» [254, с. 417]. И сейчас мы являемся свидетелями сложных процессов, происходящих не только в Европе в связи с расширением военно-политического блока НАТО, но и вызванных необходимостью создания новой архитектуры безопасности в мире после трагических событий в сентябре 2001 г., которые во многом доказали неэффективность международного взаимодействия государств, по меньшей мере в плане обеспечения безопасности и предотвращения террористических акций.

Ряд ученых, среди которых А. Вендт [254, с. 393], [255, с. 384], Р. Козловски и Ф. Кратоквил [177, с. 225], рассматривают гипотезу стабилизации я-концепции в процессе международной кооперации в более широких теоретических рамках конструктивизма. В качестве перспективы развития международных отношений конструктивизм принимает «онтологию коммунитаризма системы», провозглашающую гражданские ценности и коллективизм [4, с. 202]. При этом в основу конструктивизма помеще-

но социальное конструирование мировой политики и становление государственной идентичности [254, с.393].

Основные идеи подхода можно сформулировать следующим образом. Международная реальность (т.е. базовые структуры международной системы, самоосмысление государств, их международное поведение) конституируется intersubjectивным знанием, которое само зависит от процесса международного взаимодействия. Фактически доказывается, что конструктивизм растворяет структурообразующие элементы и идентичности в процессе распределения знания в международной системе. Любое поведение, связанное с реализацией намерений, интерпретируется и как следствие полученных знаний (действия предполагают знания), и как модификатор знания (действия могут создавать новые ситуации, которые приводят к переоценке традиционных когниций). Другими словами, действие и знание взаимно создают друг друга, но, в конечном счете, несводимы друг к другу.

В соответствии со взглядами конструктивистов, принятием решений в международных отношениях «руководят» как значения, смыслы, которые государства приписывают социальным объектам, так и самоосмысление акторов - А. Вендт, как и многие другие исследователи проблемы формирования международных режимов, эксплицитно принимает позицию, когда государство выступает в качестве основной единицы анализа в теории международных отношений. Таким образом, поведение государств зависит от того, каким выглядит мир (т.е. от перцепций субъектов), и как отдельные страны представляют свою роль в этом мире (т.е. от самоосмысления субъектов). Хотя перцепции и я-концепции не являются идиосинкразическими и субъективным, тем не менее их организация основана на intersubjectивных структурах, состоящих из общего понимания реальности, ожиданий и социального знания, которые воплощены в международных институтах [255, с. 389]. Данные intersubjectивные структуры и институты, которые их олицетворяют, позволяют государствам просчитать издержки и выгоды различных вариантов поведения, сделать рациональный выбор, согласуясь со своими целями [126, с. 454].

Вместе с тем интересы зависят от самоосмысления государств, которые также концептуализируются через влияние со-

циального знания, структурирующего международную систему. В этом смысле идентичности государств определяются как «относительно устойчивые, связанные с конкретной ролью осмысления и ожидания по поводу себя, которые основываются на теориях, коллективно разделяемых участниками по поводу себя и других, и образующих структуру социального мира» [254, с. 397-398]. Таким образом, идентичности - когнитивные схемы, которые позволяют участникам международных отношений в той или иной ситуации понять, «кто я», «кто мы», определить свое место в структуре социальных ролей разделяемого другими понимания мира и существующих ожиданий. Идентичности приобретаются в процессе социализации, или, как отмечает А. Вендт, акторы приобретают идентичности через участие в коллективных смыслах [254, с. 397].

В то время как в процессе социализации через усвоение интересубъективных смыслов «возникают» сами участники международных отношений и формируются их идентичности, изменение идентичностей может трансформировать сами структуры и посредством этого переориентировать всю международную практику - заменить старые интересы на новые. Объясняя процесс трансформации идентичности, ученые, среди которых А. Вендт [255, с. 389], Ф. Кратоквил, Р. Козловски [177, с. 216], доказывают, что распределение знания составляет базовую структуру международной системы, существование которой в основном зависит от ее воспроизводства в практике государств. Только до тех пор, пока эта структура действительно формирует международное поведение, можно считать, что она существует. В этой связи А. Вендт [254, с. 406] говорит об онтологической зависимости структуры от процесса: «агенты и структура создаются или воспроизводятся тем, что делают сами участники международных отношений» [255, с. 390]. В соответствии с этой точкой зрения выбор государств не определяется непременно самим условием наличия той или иной структуры взаимодействия. Считается, что всегда существует определенная степень свободы действия, которая может быть использована для изменения структуры. Таким образом, поскольку ни социальная структура, ни социальные идентичности не существуют независимо от взаимодействия, поведение на микроуровне изменяет макроструктуру.

ва, сопредседателя Народно-патриотического союза России, из статьи, опубликованной в газете «Аргументы и факты»: «Приняв сторону США в войне с талибами, мы рискуем самим существованием России. ...В конфронтацию с талибами они втянут Россию и среднеазиатские республики... Россия там застрянет, а Америка вовремя улизнет» [65].

Мы привели данную цитату не для того, чтобы обсуждать обоснованность выраженной позиции: на ее месте может быть любой другой конфликт и другое мнение. Важно другое. Государства, когда они действуют солидарно в реальных условиях международной политики, не только учитывают легитимные интересы других, но и свои собственные. В ситуациях конфликта интересов государствам необходим общий «моральный кодекс» для того, чтобы избежать политики двойных стандартов (типа трактовок в отношении террористов, ужесточения для России правил вступления в ВТО), оценить различные притязания, выработать аргументацию и убедить других в своей интерпретации «моральности». Таким образом, любое сообщество государств полагается на ту или иную форму этики, определяющую права и обязанности членов. Если допустить, что это верно, тогда ученые, ориентирующиеся на подход с позиций коммунитаризма [4] к международным отношениям, должны уделять больше внимания содержанию, размерам и влиянию морали на международном уровне.

Привлечем внимание читателя и к ряду других вопросов, возникающих при рассмотрении подхода А. Вендта.

Ученого часто критикуют за то, что взаимосвязь между идентичностями акторов и их взаимодействием двусмысленна, так как концепт идентичности используется как для объяснения изменения, так и стабильности в международной практике [151, с. 190]. С одной стороны, частично измененные идентичности помогают объяснить упадок тех или иных международных структур; с другой - эффект формирования идентичности для сотрудничества на основе выработанных правил взаимодействия приводится в качестве важного фактора, обеспечивающего цельность и зрелость международных институтов подобных режиму.

К объяснению общего характера по данной позиции можно прийти на основе изучения самой природы идентификации как

постоянно совершающегося процесса, и идентичности - как некоей стабильной точки в процессе этого совершения. Поэтому стабильность и трансформация - неизбежно сменяющие друг друга формы функционирования идентичности, точно так же как и международных режимов.

Вместе с тем остается невыясненным еще целый ряд вопросов. Вероятно, для того чтобы ближе подойти к пониманию, какая идентичность больше «подходит» для смены режима взаимодействия, было бы полезно дифференцировать различные социальные идентичности в международной системе и связать существующие закономерности поведения с выделенными типами идентичностей. Кроме того, А. Вендт [254, с. 398] доказывает, что государства обычно имеют несколько идентичностей, что приверженность к какой-либо идентичности и яркость ее демонстрации меняется. Данные изменения в основном зависят от того, насколько глубоко социальные структуры, актуализирующие данные идентичности, проникли в я-концепцию [255, с. 386]. Следовательно, чтобы оценить рельефность конкретных идентичностей, необходимо исследовать взаимосвязи между этими идентичностями. Также необходимо знать и как измерить меняющееся влияние структуры на я-концепции субъектов международных отношений; другими словами, - провести ранжирование и сравнение различных институтов, формирующих идентичности. А это указывает на необходимость более тщательно проанализировать возможные ролевые конфликты и средства, имеющиеся у государств для их разрешения [102]. Обозначенные проблемы мы предполагаем подробно рассмотреть в следующем разделе, посвященном образу «Я» государств.

Взаимосвязь между идентичностью и самим международным субъектом также требует пояснения. С одной стороны, считается, что самовосприятие является неотъемлемым элементом формирования интересов и, таким образом, необходимой предпосылкой рационального принятия решений. С другой стороны, А. Вендт признает определенные различия между государствами как субъектами международной политики и их идентичностями. «Позволяя самотрансформациям [255, с. 390] и усилиям по самоосознанию изменять структуру идентичности и интересов», мы не можем не поставить вопрос, каким образом могут мотивироваться подобные усилия. С этой точки зрения А. Вендт

[254, с. 411] указывает на издержки и затраты по поддержанию или изменению определенных самоосмыслений в динамично меняющемся социальном мире.

Еще одну проблему, связанную с основным утверждением конструктивистов, можно назвать «предположением по поводу конгруэнтности» [151, с. 191]. Данное утверждение говорит о том, что базовые структуры международной системы, идентичности субъектов и проблемные вопросы нормативной организации взаимодействия (например, международные режимы) всегда имеют тенденцию к внутреннему балансу или гармонии [125, с. 469]. При изменении одного компонента другие два неизбежно меняются. Данное предположение вызывает вопрос: что приводит к изменению первого компонента? Конструктивисты обычно указывают на практику взаимодействия государств как главный источник трансформации. Если вспомнить приведенное ранее замечание А. Вендта о том, что «агенты и структура создаются и воспроизводятся самими субъектами», то это оставляет открытым и требует дальнейшего обсуждения вопрос, когда участники международных отношений решают, что необходимо изменить существующую структуру, а когда - воспроизводят ее в новых поколениях. Другими словами, в ряде случаев реализуется способность структуры по формированию идентичности, а иногда - преобладает способность к трансформации структуры со стороны «агентов», и наоборот. Поставленные выше вопросы, касающиеся тех или иных аспектов трансформации идентичностей и режимов, мы постараемся раскрыть в главе, посвященной изменению образов государств.

Отправной точкой для наших дальнейших рассуждений будет служить утверждение о том, что государства обладают определенной я-концепцией, возникающей в процессе взаимодействия с другими участниками международных отношений и влияющей, в свою очередь, на взаимоотношения государств. В основе формирования идентичности лежит усвоение интересубъективных смыслов, зависящих от процесса международного взаимодействия. Существенный вклад в разработку данных идей внесли социально-психологические и психолого-политические теории. Они требуют детального рассмотрения.

Исходя из идей А. Вендта, которые мы взяли за основу наших рассуждений, можно предположить, что необходимо рас-

смотреть следующие формы восприятия в международных отношениях:

- образ «других» участников международных отношений;
- образ «я» как участника международных отношений;
- образ «я», как он представлен другими участниками международных отношений.

Но прежде необходимо рассмотреть понятие образа так, как оно представлено в контексте социального познания.

1.2. Образ как форма восприятия в международных отношениях

Понятие образа в международных отношениях ассоциируется с процессом социального познания, прежде всего, других участников взаимоотношений. Проблематика социальной перцепции представлена в работах Г.М. Андреевой [7], Б.Ф. Поршнева [62], П.Н. Шихирева [89]. Приобретение знаний о социально-политической действительности неизбежно опирается на те психологические способности и механизмы, что и общепсихологический познавательный процесс. Однако познавательные процессы имеют свои специфические особенности в контексте социально-политической реальности. Одна из них касается общего структурного описания перцептивного процесса в общей и социальной психологии.

В любом перцептивном акте выделяют следующие составляющие: субъект восприятия, объект восприятия, собственно процесс восприятия, результат перцептивного процесса. В общей психологии превалирует изучение восприятия как процесса. Как подчеркивают Г.М. Андреева и В.С. Агеев [2], в традициях социальной психологии наблюдается прямо противоположная картина. Под социально-перцептивными процессами здесь понимается результат процесса восприятия - «образ». Также особое значение приобретает изучение таких составляющих перцептивного акта, как субъект и объект восприятия [2, с. 142-143].

Об объекте и субъекте восприятия необходимо сказать несколько слов отдельно. В качестве объекта восприятия выступают не вещи и предметы, а другие люди, отношения между ними, в которых, так или иначе, участвует воспринимающая сто-

рона, общественные институты. Познание объектов такого рода отличается тем, что оно в гораздо меньшей степени основано на чувственном восприятии, непосредственном контакте субъекта с объектом. Поэтому, имея дело с отношениями, выходящими за рамки межличностных, мы не можем обойтись без высокого уровня абстракции от непосредственно ощущаемого и воспринимаемого. Познание такого рода объектов предполагает мобилизацию способностей человеческого мышления к абстрагированию - к выделению определенных общих свойств и отвлечению от остальных. Конечным продуктом познавательного процесса является формирование образа воспринимаемого объекта.

Специфика объекта социально-политических знаний, особенности их «добывания» объясняют принцип усвоения знаний. Знания в значительной мере состоят из информации о фактах, обобщений, оценок и объяснений, которые с большим трудом поддаются эмпирической проверке. Чем дальше отстоит объект социально-политического познания от собственного опыта и непосредственного восприятия его субъекта, тем труднее ему подвергнуть проверке данные, характеризующие объект суждения. Внешнеполитическая реальность характеризуется высокой степенью неопределенности, и субъекты часто вынуждены принимать некоторую часть информации на веру. Поэтому многие представления о внешнеполитической реальности часто усваиваются автоматически, не подвергаясь какой-либо модификации или переработке, то есть в виде социальных стереотипов - упрощенных представлений об объекте, имеющих яркую эмоциональную окраску, прямо не вытекающих из собственного опыта.

Еще одно различие связано с пониманием детерминации перцептивного процесса. В качестве детерминанты формирования и развития психических процессов отечественная психология рассматривала деятельность. И в отличие от общей психологии, под категорией деятельности в социальной психологии понимается коллективная, совместная деятельность и ее влияние [2, с. 144-145]. Социальное познание во многом формируется в процессе взаимоотношений с другими. Как отмечает И.Б. Ньюманн, «если некоторые работы по проблемам восприятия в международных отношениях, системе убеждений, операционному коду и потерпели неудачу, то только потому, что они рассматривали субъектов вне их социального окружения [204, с.144]. По-

этому познание себя с необходимостью происходит во взаимоотношении с другими и наоборот.

Образ является ключевой концепцией социально-психологического анализа международных отношений и выступает в форме зафиксированного знания, отраженной картины реальности. При этом объект восприятия как бы встраивается в ценностно-смысловую систему, что ранее особенно подробно разрабатывалось в трудах выдающегося отечественного психолога А.Н. Леонтьева в качестве идеи образа мира [21]. Поэтому подчеркивается, что образ через одномоментное действие образа-знания (информации), образа-значения, образа будущего - «образ потребного будущего», по выражению А.Н. Леонтьева, входит в систему убеждений.

Нельзя не отметить, что уникальность прикладного значения системы убеждений в международных отношениях в психологическом плане заключается в ее когнитивной и политической «полезности» [182, с. 27]. Во-первых, она обеспечивает политиков "готовыми" ответами на основные вопросы, связанные с устройством мира, «что такое хорошо и что такое плохо». Во-вторых, облегчает процесс принятия решений путем выстраивания системы приоритетов в том или ином выборе из числа имеющихся альтернатив. В-третьих, она формирует рамочное видение проблемы для оценки последствий различных исходов и значимости социально-политических последствий, например, для национальных интересов. Так, в ходе полемики о последствиях одностороннего выхода США из ПРО 1972 года и создания архитектуры европейской безопасности в одном из выступлений нашего Президента на телевидении высказывалась мысль о том, что Россия в качестве ответной меры может оснастить баллистические ракеты разделяющимися боеголовками для восстановления паритета. Окончание холодной войны затронуло один из основных компонентов системы убеждений политиков - образ бывших «оппонентов». И поскольку принцип когнитивного соответствия составляет основу системы убеждений, представляет практический интерес изучение того, как принципы и законы когнитивного соответствия, стремление к согласованности наших представлений влияют на формирование новых образов, их адаптацию к новой картине мира. В этой связи Р. Фишер опре-

деляет **образ** в качестве организованной репрезентации социального объекта в когнитивной системе индивида [138, с. 151].

На первый взгляд образ может быть приравнен к стереотипам, поскольку он связан с первичной функцией социальной категоризации - «когнитивным аспектом процесса формирования стереотипов» - подчеркивает И.Р. Сушков [80, с. 286]. Тем не менее, стереотип и образ - это два разных продукта восприятия объекта, различающиеся по своим информационным и мотивирующим характеристикам. Именно на это обстоятельство указывают Е. Егорова-Гантман и К. Плешаков [24, с. 22], когда подчеркивают, что «если в образе превалирует знание над эмоциональной оценкой, над отношением, то в стереотипе - наоборот». Стереотипы в гораздо большей степени мотивируют внешнеполитическое поведение и подталкивают к действиям в ситуации дефицита информации, неопределенности.

С другой стороны, как определяет М. Коттам [117, с. 3], психологический конструкт образа выступает в качестве средства когнитивной организации и информационного фильтра. Его иногда приравнивают к **когнитивным схемам** (хотя смысл понятия «образ» шире, чем схема) и паттернами перцепции. Ряд авторов рассматривают их как убеждения, верования людей, хотя значения терминов не являются синонимами. Образы - только средства когнитивной организации познания, а убеждения включают и познание, и эмоции. Более того, хотя убеждения изучались как в общем плане, так и с точки зрения определенных моделей (например, операционного кода у А. Джорджа [144]), с целью реализации системного подхода к анализу процессов исследователи «не разводили» когнитивный и эмоциональный элементы [213].

Нередко образ рассматривается как **набор установок**. Установка - готовность, предрасположенность субъекта, возникающая при предвосхищении им определенного объекта (или ситуации) и обеспечивающая устойчивый целенаправленный характер протекания деятельности [42]. На эту перспективу обращает внимание Р. Фишер [138, с. 151], когда связывает более сложное понимание концепта образа с его осмыслением как состоящего из а) когнитивных характеристик того или иного социального объекта, группы, б) эмоционального компонента, в) самого действия или поведенческой компоненты, которая связана с реакци-

рованием на восприятие объекта. Однако такое толкование понятия образа представляется нам слишком широким. Строго говоря, образ представляет собой когнитивный компонент установки.

Вместе с тем, все три компонента установки тесно связаны между собой. Образ выступает как отраженная субъектом международных отношений картина существующей реальности и создает значение объекта для субъекта, как бы встраивая этот объект в ценностно-смысловую систему, определяет значение события, представленного образом, для себя. Образ-значение, в свою очередь, обеспечивает возможность выбора действия в отношении объекта [24, с. 21]. Фактически образ трансформируется в установку.

Эмоциональное и когнитивное в познании

Рассмотрим взаимосвязь образа как зафиксированного знания и эмоций более подробно, поскольку исследователей психологии политического познания часто правомерно упрекают в «невнимании» к изучению эмоций. Подобное невнимание может быть связано с необходимостью поиска какой-нибудь точки отсчета [93]. В процессе политического анализа легче изучать политическое познание, чем сами эмоции. Познание может исследоваться посредством традиционного инструментария политической науки. Изучение эмоций гораздо сложнее, с одной стороны, потому, что психология обозначает лишь несколько направлений, касающихся отдельных паттернов взаимосвязи эмоций и познавательных процессов, а с другой - из-за того, что мы еще мало знаем о роли эмоций в принятии политических решений. Поэтому рассмотрение данных процессов отсылает нас, прежде всего, к уровню личности. Особый интерес вызывает формирование представлений о том, как субъекту международных отношений удастся смягчить вызываемые эмоциями в ходе переработки информации психологические смещения, тенденциозность восприятия, что может «свести на нет» сильные отрицательные эмоции, например, ненависть [166]. Особенно важно то, что эмоции не заменяют другие организационные системы. Другими словами, между когнитивными и аффективными характеристиками представлений организации мира нет «конфликта интересов»; они взаимодействуют друг с другом [252, с. 196].

Психологические исследования создают возможность для рассмотрения эмоционального реагирования на когнитивные образы. В частности, было доказано, что существуют аффективные «ярлычки», которые связаны с образами [139, с. 402]. Следовательно, более значимым аспектом для политических образов «я» и «других» будет то, какие и как идентифицируемые в ассоциациях с когнитивными характеристиками ярлычки влияют на поведение.

Образы «других» в международных отношениях должны иметь аффективные ярлычки, «прикрепленные» к представлениям об их властных полномочиях, возможности контролировать ситуацию. Аффективный ярлычок будет «прикреплен» либо к чувствам угрозы, доверия, либо к существующим у субъекта возможностям по их контролю. Угроза ассоциируется со стрессом, а стресс, в свою очередь, с конкретными способами восстановления контроля над ситуацией - формированием реактивного сопротивления или состояния беспомощности. Можно ожидать, что реактивное сопротивление - это скорее реакция на ситуации, в которых страна, воспринимаемая в качестве слабой, вызывает стресс, какой, например, вызывала Панама у американцев в период политического руководства генерала Норьеги или страны-парии сейчас. Беспомощность возникает в том случае, если страна как объект восприятия предстает в образе могущественной державы, как, например, в случае реакции стран Латинской Америки на вторжение США в Панаму. Другие типы реакции на утрату контроля включают а) способность изменять поведение и менять решения с целью восстановления контроля; б) изменение когниций с целью «переосмыслить» ситуацию заново; в) фокусировку внимания на возможном «позитиве» ситуации; г) стремление получить дополнительную информацию, чтобы усилить ощущение контроля над ситуацией [117].

Отношение к воспринятому как к менее сложному в когнитивном плане может иметь тенденцию к тем или иным избыточным или крайним оценкам. Например, государства, образ которых уже сформирован и стабилен во времени (т.е. сформирован «идеальный» образ) наделяются более «крайними» эмоциональными оценками, нежели государства, чей образ изменился или вообще не категоризован.

Эмоции играют существенную роль в процессе обработки информации, а также влияют на восприимчивость к определенным видам информации. Например, эксперименты А. Айзен, Т. Шолкер и Л. Карп показали, что воздействие настроения на выносимые суждения опосредовано повышением когнитивной доступности информации, которая совпадает по знаку с переживаемым настроением. То есть позитивные эмоции увеличивают доступность положительно окрашенной информации, и наоборот [прив. по 208]. Более того, люди лучше запоминают, более способны к научению и решению проблемных задач, когда переживают положительные эмоции [236, с. 69].

Какова взаимосвязь между эмоциями и процессами познания в целом? Ранее мы уже отмечали, что между ними нет «конфликта интересов», чего нельзя сказать о других возможных аспектах рассматриваемой проблематики. Например, что «идет» первым при принятии решений: когнитивное или аффективное? Если те или иные процессы следуют первыми, тогда как это влияет на принятие решений? С. Фиск и Ш. Тейлор, например, доказывают, что познание предшествует эмоциям, хотя данная связь очень тесная, и эмоции оказывают влияние на познавательные процессы [140]. Аффект также может «прервать» когнитивные процессы, как, например, в ситуациях, когда человек не в состоянии сконцентрироваться на решении той или иной задачи из-за неприятных эмоций, ассоциируемых с ней или другими событиями. В подобных случаях аффект связывается с определенными когнитивными аспектами, а эмоции могут быть вызваны без осознания психологических стимулов. Когнитивный компонент осознания «обнаруживается» очень быстро [114, с. 130]. Изучение указанных процессов привело к исследованию бессознательных и осознаваемых моделей обработки информации, а также порога ее осмысления [190].

Другие психологи считают, что когда происходят мыслительные операции, эмоции и познание представляют отдельные системы, причем эмоциональная реакция возникает первой [265] или все происходит одновременно [252, с. 214]. В подобной аргументации присутствуют несколько компонентов, которые имеют особое отношение к политической сфере. Основной посылкой первой из обозначенных выше перспектив является то, что эмоциональное реагирование происходит не только до ста-

не помнят прежних эмоциональных реакций, тогда не возникает и психологическое давление, требующее приведения их в соответствие друг с другом. Поэтому вполне разумно и реагировать по-разному на разные события. В этом смысле аффект скорее эпизодичен (основан только на тех или иных событиях), нежели связан с общей согласованностью значения, смысла. Знания черт других людей, наоборот, испытывают большее стремление к семантической согласованности, то есть более стабильны.

Приведенные характеристики эмоций демонстрируют важность не просто идентификации эмоциональных ярлычков с тем или иным образом, но и позволяют сделать предположение, согласно которому на определенное состояние в данной категории не будет иной эмоциональной реакции. Отмеченная теоретическая проблема предполагает осмысление базовых эмоций, связанных с аффективным ярлычком образа и влиянием эпизодических эмоций (например, гнева) на обработку информации и принятие решений. Например, каким образом общие позитивные эмоции (доверие и симпатия), ассоциируемые с образом союзника, влияют на раздражение или даже гнев, который могут испытывать политики, когда переговоры о заключении важного соглашения идут плохо из-за непримиримой позиции и эгоистичности союзника? Можно предположить, что «взаимодействие» эмоций и познания в данном случае может изменить силу переживаемого гнева и привести к игнорированию определенной негативной информации о союзнике.

Изучение взаимосвязи эмоций и процессов познания после окончания холодной войны необходимо связать с разработкой еще одной проблемы, имеющей практическую направленность. Межгосударственный конфликт периода холодной войны в значительной степени был обусловлен когнитивными представлениями, он был «интеллектуальным», связанным с мыслительными процессами, познанием. У нас не было прямого вооруженного противостояния с американцами, мы думали о войне в рамках воображаемой ядерной конфронтации, когда реагирование предполагалось в рамках существовавших стратегических доктрин теории игр. Но многие конфликты после холодной войны отличаются от прежних. Они характеризуются высоким эмоциональным накалом взаимодействия людей, которые живут бок о бок с оппонентами, и представляют реальные потери с точки

зрения материальных и ценностных затрат как следствие этого взаимодействия [119]. Среда международных отношений, а точнее, ее двусмысленность, утрата контроля над ситуацией (как отсутствие возможности «держать руку на пульсе»), психологическое давление существующих договоренностей влияет на восприятие угрозы, вероятности возможного ущерба, враждебности [141]. Как мы видим, спад напряженности после окончания холодной войны не обязательно говорит о бесконфликтности международных отношений. Обращая внимание на эмоциональные ярлычки существующих образов, переход от определенности к неопределенности в восприятии других государств по мере их изменения, обеспокоенность общей управляемостью ситуации, разрешение проблем и, следовательно, изменение потенциала власти, политическая психология может предсказать потенциально опасную взаимосвязь эмоциональных и когнитивных характеристик в новых организационных формах международной политики. Поэтому необходимо ясно представлять, какой «ящик Пандоры» мы открываем, когда пытаемся не только привязать аффективные ярлычки к когнитивным представлениям, но и связать эмоциональные реакции с непосредственными обстоятельствами. Более того, психологи еще не подошли к рассмотрению всех как теоретических, так и методологических «последствий» подобных проблем, связанных с эмоциональной сферой [164].

Релевантность образа как инструмента познания в международных отношениях

Вероятно, в этой связи справедливо предположение Е. Егоровой–Гантман и К. Плешакова о двух уровнях внешнеполитического сознания и поведения - более сложном, когда субъект международных отношений «оперирует образами и установками, и более примитивном, где основным фактором выступают стереотипы» [24, с. 23].

В связи с данным предположением необходимо ответить на вопрос: когда государства мыслят образами? Дело в том, что если тот или иной образ используется лишь изредка, сама концепция представляет ограниченную ценность, например, с точки зрения объяснения процессов принятия решений в политике. Зафиксировать влияние образа на приоритеты в международной политике можно на примере крайне негативных стереотипов.

Например, многие еще помнят высказывание Р. Рейгана о СССР как об империи зла, которое не ставило под сомнение представления американского политического истеблишмента о Советском Союзе, по крайней мере, до середины 80-х годов.

Другой интересный теоретический вопрос связан с различиями приоритетов в политике между «носителями» крайне негативных и умеренно негативных образов другой страны. Например, у представителей американской политической элиты К. Вайнбергера, Дж. Киркпатрик, З. Бжезинского сформировался крайне негативный образ СССР; у Дж. Шульца - был также создан негативный образ, но степень «негативности» была меньшей, так как у него существовала другая атрибуция. Последняя проблема теоретически может быть лучше понята в ходе простого рассуждения. Если у двух людей сформирован один и тот же образ, который различается только по степени его выраженности, тогда мы можем предвидеть различия в политических предпочтениях при условии, что сможем зафиксировать, где возникает расхождение между умеренно негативным и крайне негативным образом. Так, например, мы будем ожидать определенных различий во внешнеполитических предпочтениях, если у одних представителей политической элиты крайне негативный образ Советского Союза был связан с оценками равного военного потенциала и агрессивной мотивацией поведения, а у других - негативный образ СССР не только ассоциировался с высоким военным потенциалом, но и защитной мотивацией военного строительства и поведения на международной арене (как у Дж. Шульца). На наш взгляд, это может рассматриваться в качестве определенной эмпирической базы для гипотезы отличающегося политического курса у тех политиков, которые сформировали похожие образы оппонента.

С другой стороны, представляют научный интерес и такие ситуации, когда государство не «вписывается» в существующие образы. В этом случае оно может рассматриваться либо как уникальное, так как его природа двусмысленна и неповторима в каждом конкретном случае (например, государства-изгои), либо будет представлено в более сложном контексте международного взаимодействия. При этом в первом случае государство, скорее всего, может быть просто «втиснуто» в уже существующий образ, который не совсем соответствует существующему положе-

нию дел или «сохранился» в памяти как нечто уникальное, например, Иран - противник США. В любом случае, можно говорить об определенном и существенном упрощении, примитивизации образа. Во втором случае, когда государство представляется слишком сложным и противоречивым для восприятия, упрощение образа не происходит, и происходит более сложный процесс формирования образа. При этом возникает вопрос о модели самой перцепции: если государство воспринимается как уникальное, сложное, происходит ли «обычный» прием информации, ее переработки или используются определенные психологические фильтры.

Такая постановка проблемы отсылает нас к тем психологическим исследованиям, которые обозначили первые разногласия и споры по поводу того, какие перцептивные модели используют люди: происходит ли сначала категоризация воспринимаемых объектов или оцениваются отдельные характеристики, которые «добавляются» к общему впечатлению.

В исследованиях С. Фиск и Ш. Тейлор [140] утверждается, что задействуются оба процесса. Отнесение к той или иной категории (категоризация) происходит, когда в сознании фиксируется значительное сходство между тем, что мы наблюдаем, и тем, что уже сформировано. Данный тип оценки проще и эффективней, чем альтернативный, который обычно называют **постепенным оцениванием по составным частям** (инкрементализм). Это происходит потому, что оценка на основе категоризации легко «востребуется» через активизацию когнитивных схем, а постепенное оценивание происходит на основе оценок тех или иных характеристик. Сознание предпочитает использовать категории (образы) всякий раз, когда это возможно [140, с. 5].

При постепенном оценивании те стимулы, которые не воскрешают в памяти когнитивных схем (образов), вызывают сходные аффективные оценки. Тенденции психологической согласованности и непротиворечивости будут самыми сильными на групповом уровне анализа, так как индивидуальные различия имеют склонность «стирать» друг друга» [210, с. 356]. Таким образом, существует определенная модель селекции характеристик, качеств, которые и подлежат дальнейшей оценке. Другими словами, для оценивания люди ищут особенные характеристики.

Исходя из обозначенной точки зрения, можно полагать, что характеристики качеств, используемые для формирования политических образов, это, прежде всего, те, которые «полезны» для перципиента. С их помощью он пытается понять и прогнозировать действия других государств. Характеристики различных качеств, включая предположения о таких характерных особенностях, как военный потенциал, мощь и силовые возможности государств, внутривластный процесс, культура, экономический потенциал, гибкость в принятии решений, мотивационные характеристики, - группируются вместе, чтобы предстать в том или ином образе государства. Если люди осуществляют отбор качеств на основе паттернов даже при постепенной оценке других, перемещаясь от одной характеристики к другой, они должны отбирать те же самые характеристики качеств, которые «полезны» при формировании и использовании образов. Следовательно, можно говорить, что одни и те же характеристики качеств будут использоваться для оценивания государств, которые не вписываются в сложившиеся схемы, и выступят в качестве информационных фильтров. Вместо того чтобы использовать образ как психологический якорь восприятия, своеобразный «ключ» или подсказку о поведении государства, перципиенты ставят перед собой более сложную когнитивную задачу по оценке отдельного государства на основе постепенного оценивания качеств.

Исследования психологов свидетельствуют в пользу того, что концепт образа не является бесполезным, даже когда государства не вписываются в сложившиеся образы. Вместе с тем, исследование характеристик, связанных с концепцией образа, должно быть продолжено и конкретизировано применительно к тем процессам восприятия, когда государство не вписывается в традиционные образы. В определенной мере данный аспект был косвенно затронут при обсуждении «сложных» образов государств в работах Р. Коттама [116], Р. Херманна [152]. Он также имеет отношение к обсуждению проблем процессов принятия решений в ситуациях новой и двусмысленной информации в отношении государств, появившихся на международной арене в последнее десятилетие.

Рассмотренные точки зрения приобретают особую важность, теоретическое и практическое значение после окончания

холодной войны, когда необходимо формирование новых представлений о государствах и международном окружении в быстро меняющемся мире. В отсутствие напряженности периода холодной войны международная и национальная политика изменяется весьма динамично: прежние образы государств уже не работают, а новые - только в процессе формирования. Как будут меняться характеристики образа России как правопреемницы СССР, а также - США? Как будут меняться представления о новых государствах Европы, неприсоединившихся странах бывшего третьего мира? Вероятно, процесс будет продолжительным и осуществляться на основе постепенных оценок.

1.3. Основные концепции образа

По мнению Я. Верцбергера [246, с. 282], существует три основные психологические концепции, объясняющие формирование чувства идентичности у государств, и которые прямо или косвенно связаны с поведением государств на международной арене. Первая концепция определяет идентификацию через понятие **категоризации**, т.е. акторы, представляющие данное государство должны ответить на вопросы: кто я? к какой группе участников международных отношений принадлежит мое и другие государства? Вторая - **концепция роли** - призвана определить, какие роли государство воспринимает как «свои» в международных отношениях. **Концепция статуса** - в центр рассуждений ставит статус, который, как полагают акторы, представляющие данное государство, оно заслуживает; совпадение реального (идентифицируемого «обратной связью» других государств) и желаемого (притязания самого государства) статуса.

Таким образом, концепции поиска идентичности через категоризацию, определение своей роли и статуса выступают в качестве составной части национального стиля поведения в международных отношениях. Информация о распределении ролей и статусов в международной системе на региональном уровне и в функциональных подсистемах (например, исламские государства, неприсоединившиеся государства) и категоризация участников международного взаимодействия по их принадлежности к подсистемам (по географическим или иным основаниям) является тем источником знания, которое основано на соответствующем

щих когнитивных схемах (например, государство как региональный лидер, посредник). Данные обстоятельства позволяют субъектам принятия решений на национальном уровне выйти за пределы имеющейся у них информации, предвидеть возможные реакции союзников и оппонентов на конкретные внешнеполитические инициативы и события, особенно в ситуациях недостаточного или полного отсутствия информации об этих участниках. В то же время подобное знание обеспечивает участников международных отношений определенным «руководством к действию» для оценки того, что можно рассматривать в качестве адекватного реагирования, а что - в качестве вызова сложившимся нормам и ценностям, «правилам игры».

Определение «своей принадлежности» через категоризацию

Как отмечал Дж. Брунер, восприятие предполагает акт категоризации. С помощью некоторых характерных (ключевых) признаков индивид осуществляет отбор, отнесение данного объекта к определенной категории. Одна из главных характеристик восприятия - категоризация - является свойством познания вообще [12]. По этой причине понятие категоризации активно используется и психологией социального познания.

Категоризация определяется как когнитивный процесс объединения индивидов в системных целях с помощью какого-либо общего для них признака [80, с. 372]. Г.М. Андреева уточняет, что **социальная категоризация (стереотипизация)** представляет собой не просто процесс группировки личностей, но способ, который имеет смысл для индивида, производящего категоризацию. В процессе социализации человек учится классифицировать познаваемых людей путем отнесения их к разным категориям на основе сходства и различия [7, с. 184]. И.Р. Сушков продолжает, что придание личностного смысла категоризации по определенному признаку превращает ее в самокатегоризацию [80, с. 372]. Самокатегоризация - восприятие индивидами своей идентичности в каком-либо отношении друг к другу, принадлежности к одной значимой для формирования социальной системе [80, с. 382].

С учетом изложенного, категоризация имеет следующие отличительные особенности:

- классификация по определенному признаку;
- критерий категоризации должен быть значимым для индивида, осуществляющего категоризацию;
- категоризация осуществляется на основе выделения сходств и различий.

Рассмотрим, как осуществляется категоризация участниками международных отношений.

Как правило, большинство стран одновременно могут быть категоризованы по нескольким основаниям, например, с точки зрения политического устройства, географического расположения, членства в том или ином политическом союзе или военном блоке. Р. Херрманн связывает образы и гештальт-теорию, рассматривая первые как интегрированное целое в противоположность набору отдельных, независимых частей. Он также использует положения теории баланса, которая постулирует, что люди стремятся привести в соответствие свои настроения, мнения и образы других. Исходя из данных положений, Р. Херрманн доказывает, что образ других - ответ на восприятие своей собственной позиции [153].

В.Л. Аллен делает вывод о том, что вероятность категоризации агрегата индивидов в группу повышается благодаря некоторым типам намеков, которые подчиняются гештальт-принципам, так же как и физические стимулы. Такими намеками, по мнению В.Л. Аллена, служат близость, подобие, общая судьба [прив. по 80, с. 264].

Основой для такого вывода послужило положение Д. Кэмпбелла о том, что все группы имеют границы, которые отделяют членов от не членов, и данные границы создаются в процессе когнитивной организации воспринимающего. Если групповое членство очевидно для других, индивиду будет сложно избавиться от идентификации в качестве члена данной группы. В связи с проводимой США акцией возмездия многие представители исламских государств подчеркивают свою непричастность, говоря языком теории категоризации, к категории причастных к совершению данного преступления. Однако для США и их союзников принадлежность очевидна исходя из сформировавшихся границ - субъективных и объективных - «террористического» региона.

Границы политических категорий менее определенные, чем других, например, этнических или расовых. Поэтому трудно предполагать существование фиксированного и известного всем группового членства, т. е. четко определенных категорий в сознании других государств о воспринимаемом государстве. Однако можно возразить, что больший вес имеют все-таки не объективные границы группы, а значение группового членства. Антрополог Ф. Барт подчеркивает различия между номинальной идентичностью, базирующейся на имени, названии, и действительным членством, основанным на опыте [прив. по 161, с. 141]. Однако, на наш взгляд, будет справедливо считать, что большинство государств все-таки несет номинальную идентичность других государств - категоризацию, основанную на имени, поскольку не всегда имеет возможности получить реальный опыт взаимодействия со всеми существующими государствами. Поэтому категоризация государств остается достаточно стабильной во времени. Категоризация, основанная на опыте реального взаимодействия, должна быть более мобильной.

Одновременная принадлежность государств к нескольким международным системам (группам) государств может приводить к тому или иному конфликту интересов. В современных условиях после расширения НАТО подобные проблемы возникают в связи с новыми членами данного военно-политического альянса из числа бывших социалистических стран, необходимостью переосмысления концепций национальной безопасности.

Нередко отнесение того или иного государства к демократическим странам, признание его экономики рыночной со стороны Всемирного банка, Евросоюза, США связано с получением существенных инвестиций. Из числа исторических примеров наиболее характерна ситуация с Индией. В прошлом она одновременно была активным членом движения неприсоединения и Британского содружества наций. В связи с этим ряд государств усмотрел несовместимость подобной принадлежности, так как членство в последнем означало прозападную ориентацию. Только политическая воля Дж. Неру «спасла» ситуацию, он также нашел убедительную аргументацию для отстаивания самостоятельной позиции Индии на международной арене.

Нельзя не отметить, что с принадлежностью к той или иной группе государств страны связывают определенные надежды, у

них формируются ожидания. То есть как мы уже отмечали, категоризация осуществляется на основе критерия, имеющего личностный смысл для индивида, который ее и осуществляет.

Ожидания государств могут расходиться в отношении существующих договоренностей. Так, в свое время присоединение Пакистана к блоку СЕАТО связывалось с надеждами на получение поддержки в конфликте с Индией от членов данного блока. Вместе с тем, «другие» видели в блоке лишь средство сдерживания коммунистической угрозы и не намеревались вмешиваться в противостояние Пакистана и Индии. Фрустрация взаимных ожиданий вылилась в разочарование и конкретные действия, связанные с проявлением недоверия.

Учитывая, что категоризация, в первую очередь, «задается потребностями социальной системы и лишь на основе предъявления системой улавливается отдельными индивидами и группами» [80, с. 263], несовпадающие представления о своей принадлежности и связанные с этим ожидания могут отражать существующие между странами разногласия по поводу границ «своих групп» или систем, объединяющих государства. Если государство считает, что принадлежит к определенному политическому союзу или военному альянсу, региональной подсистеме, и формирует в связи с этим определенные ожидания, данное обстоятельство не означает автоматически, что другие государства разделяют его точку зрения по поводу «границ своей группы», ее характеристик и свойств. В результате этого, государство ошибочно предвосхищает реакции других субъектов международных отношений, чувствует себя обманутым, хотя «другие» могут просто не понимать, почему данное государство ожидало иное отношение. Например, в силу географических и исторических причин Россия вполне правомерно относит к сфере своего влияния бывшие республики СССР, ставшие самостоятельными государствами. Поэтому объявление целого ряда территорий вблизи южных границ России в качестве зоны национальных интересов США в период президентства Б. Клинтона могло иметь неблагоприятные политические последствия. Аналогичная ситуация складывалась и с Югославией в конце 60-х годов: СССР считал, что она находится в сфере его влияния, а госсекретарь США Д. Раск заявил в 1968 г., что Югославия и Австрия находятся в сфере интересов национальной безопасности США.

Таким образом, различия в атрибуциях, разное понимание «принадлежностей» как продуктов категоризации могут приводить к тому, что одна сверхдержава будет рассматривать притязания другой на влияние в спорном регионе как внутриблоковое вмешательство, а другая - как противостояние между существующими союзами государств. Следовательно, даже тогда, когда «правила игры», применяемые к той или иной ситуации, разделяются оппонентами, разногласия по поводу интерпретации самой конфликтной ситуации могут быть основаны на различиях в восприятии принадлежности государств.

Категоризация должна быть «пригодна ситуации» [80, с. 263]. Дж. Брунер указывал, что человек настроен на восприятие какого-либо объекта. Вероятность того, что предмет будет отнесен к данной категории, зависит от готовности категории [12]. Адекватность восприятия в условиях неопределенности зависит от состояния перцептивной готовности, которая учитывает вероятность наступления события. Само по себе вероятное наступление события не обязательно произойдет в данный момент, однако его «восприятие» - категоризация все же произошла. Категория для восприятия события была готова, доступна и была использована для идентификации события.

Обратная ситуация имеет место, когда событие «ускользает» из поля зрения индивида, происходит неожиданно для него. В данном случае категория для идентификации данного события не была готова и доступна. В качестве примера может служить тот факт, что ситуация с первым самолетом, протаранившим здание Всемирного торгового центра в ходе недавних событий в США, была категоризована как авиакатастрофа, но не как террористический акт, поскольку последняя категория не была готова. Действительно, в истории США не было подобных событий. В то же время в нашей стране любое происшествие, необычное по содержанию, например перевозка сильнейшего яда без соответствующих документов и охраны, рассматривается сначала с точки зрения возможности подготовки к совершению террористического акта, поскольку у россиян такая категория сформирована довольно прочно.

Дж. Брунер приводит два способа противодействия ошибкам восприятия. Во-первых, это пересмотр системы ожиданий, приведшей к неверному восприятию. Во-вторых, пристальное,

непрерывное внимание. На наш взгляд, обе обозначенные стратегии входят в поведенческий репертуар США.

Доступность категории, с точки зрения Дж. Брунера, зависит, во-первых, от ожиданий индивида в отношении вероятности наступления определенных событий. Во-вторых, определяется требованиями поиска, которые обусловлены потребностями организма. Продолжая рассматривать приведенный пример с террористическими актами в США, можно полагать, что после произошедшего похожие ситуации в любой другой стране мира сначала будут рассматриваться на предмет выявления террористического акта, а лишь затем - будут оцениваться другие альтернативы. Это связано с тем, что информация, подтверждающая «террористическую» версию, во-первых, ожидается, а во-вторых, ее пристальное отслеживание продиктовано потребностью государств в обеспечении своей безопасности. То есть можно сделать вывод, что категория «террористический акт» пригодна для идентификации данной ситуации.

П. Оукс отмечает, что **пригодность** имеет два аспекта: сравнительную пригодность и нормативную пригодность. **Нормативная пригодность** связана с соответствием между предъявляемыми индивиду примерами и стереотипами, которые имеются у индивида для категоризации социальных групп. **Сравнительная пригодность** определяется коэффициентом метаконтраста, т.е. отношением средней разницы воспринимаемых проявлений соответствующей характеристики у конкретной группы и тех же характеристик других групп (межкатегорийная разница) к средней воспринимаемой разнице этой характеристики внутри группы (внутрикатегорийная разница). Чем выше коэффициент, тем больше рельефность категории и тем легче она может быть воспринята [прив. по 80, с. 263].

Еще одно свойство категоризации состоит в том, что она осуществляется на основе выделения сходств и различий. Дихотомия - необходимое условие существования социальной системы.

Действительно, проблема «образа врага» и его изменений по окончании холодной войны является центральной во многих современных исследованиях в сфере международных отношений [см., например, 97; 137]. Интерес продиктован не просто желанием узнать, на кого теперь будет направлена «немилость»

супердержав. Следуя приведенной выше логике, вместе с изменением представления о «них» трансформируется и взгляды на «себя», международную систему в целом. Изменяется образ мира, образ настоящего, прошлого, будущего.

Однако, как мы уже показали, мир построен далеко не по принципу строгой дихотомии.

Практика показывает, что, например, категория «союзник» (достаточно подходящая, на наш взгляд, для выражения чувства «мы») может быть достаточно неоднородной по своему содержанию. В образе государства «В» государство «А» может видеть преданного, надежного партнера, в образе «С» - партнера «по необходимости», «D» - преследующего корыстные цели и способного на предательство, как только партнерство перестанет быть выгодным для него и т.д. Поэтому категорию «мы» образуют «я» и «другие», такие же, как я, но, тем не менее, другие. Категорию «они» - такие же разные другие не-я: враги, которые также бывают очень разные, не-партнеры, и многие другие. Для преодоления существующих противоречий необходимо создание **пересекающейся категоризации**.

Данное положение особенно актуально для современной международной системы. Отношения, связанные с реализацией национальных интересов в мире и выстраиваемые с помощью средств экономического, политического давления или военной угрозы, которые постулирует реализм, являются далеко не единственным способом политического поведения государств. Иначе остается непонятным, как может функционировать международная система, в которую «встроено» так много противоречий.

Конечно, конкурентное поведение также не исчезло из поведенческого репертуара. Более того, одна из функций категоризации состоит в том, чтобы способствовать сохранению группы как элемента системы [80, с. 259]. В связи с этими целями очевидно, что **дихотомическая категоризация**, построенная по принципу «или - или», предназначена для сохранения социальной группы. Внимание сосредоточено больше на сходстве других друг с другом и одновременно как можно большем отличии своей группы от других [80, с. 260]. Возможно, именно со стремлением к сохранению «своей» уникальности связана поляризация времен холодной войны. Потребность сохранения уникальности своего видения мира (идеологического, в нашем слу-

чае) не только спровоцировала десятилетия противостояния, но и биполярное разделение мира. Подобное стремление к сохранению уникальности можно увидеть и у государств, возникших после распада СССР.

Тем не менее отличительной чертой современного мира стали утверждения многих государств об отсутствии у них внешних врагов. Это, например, продекларировано в современной военной доктрине России. Данное обстоятельство, на наш взгляд, связано с возможностью реализации второй функции категоризации - обеспечения оптимального функционирования группы, направленного на развитие социальной системы [80, с. 259]. Как только группы категоризируются на более высоком уровне объемлющего их «Мы», создается пересеченная категоризация. Между группами возникает определенный обмен социально-психологическими отношениями. Внутрикатегорийное подобие становится важнее межкатегорийных различий.

Продолжая рассмотрение темы организации категории, М. Ротбарт и О. Джон [218] говорят о проблеме уровней категоризации и выделяют **вертикальную и горизонтальную организацию** системы категорий. Вертикальные уровни связаны с включением более частных категорий в более общие: европеец, россиянин, москвич. Горизонтальные - отражают качественную природу категорий: сосед, инженер, семьянин, радикал. Можно предположить, что для возникновения пересекающейся категоризации необходимо осознание членами дифференцированных по данному признаку групп существования категории более высокого порядка, объединяющей их.

Примером возникновения пересекающейся категоризации может служить образование Европейского Союза. Войны в Европе в XIX и начале XX века были вызваны стремлением наций к созданию независимых государств. Процесс деколонизации, который имел место после окончания Второй мировой войны (она также представляет собой пример возникновения пересекающейся категоризации), выявил присутствие возрожденного национального принципа, который доминировал над альтернативными способами конструирования политической идентичности [228, с. 64]. Однако теперь национальные границы современной Европы открыты, идет объединение экономик, формируется новая архитектура безопасности Европы. То есть быть

французом или немцем одновременно означает быть и европейцем. Особое значение для осознания общности имеет «...неуничтожимое, возрождающееся с каждым новым поколением единство культуры» [23, с. 13].

Государство, его роль на международной арене и ролевые теории в психологии

Важная часть представлений государства о себе (своем образе) и других связана с «когнитивной схемой» роли. Роль в психологии определяется существующими социальными стандартами поведения, ожидаемого от субъектов, категоризируемых в конкретные образы. При этом в сознании происходит стандартизация ролевых функций в социальном, политическом, международном окружении.

Роли отражают самовосприятие, свой образ и восприятие внешних обстоятельств. При этом одна из основных проблем связана с тем, как изменяется восприятие роли по мере изменения самовосприятия и представлений о других. Труднее всего должны поддаваться изменению роли, которые связаны с представлениями о себе - они защищают «Я» от противоречивой информации, и роли, связанные с сильными и ригидными образами (враг, союзник). Образ врага ассоциируется с внешней группой, а внешняя группа воспринимается как менее сложная в когнитивном плане по сравнению с ингруппами. Представления о себе изменяются гораздо медленнее, чем образы «других» в международной политике»; особенно в ситуациях, когда «своя» роль сложным образом переплетается с перцепциями власти.

Концепт роли находится в центре внимания социальной и политической психологии. Хотя он имеет множество значений и примеров конкретного применения, в основном научная литература обращает внимание на понимание политиками соответствующих форм поведения, их трактовку позиции, занимаемой государством по тем или иным вопросам международной политики. Роль обычно рассматривается в качестве паттерна поведения, которое ожидается другими индивидами в конкретной ситуации. По мере разработки концепции роли в международных отношениях были проведены различия между тем, какое поведение она «предписывает», как оно понимается, осмысливается, и какое поведение наблюдается фактически. Данный подход

имеет то преимущество, что он «помещает» политика в его политическую (социальную) среду.

Таким образом, та роль, которую государство играет на международной арене, должна быть основным параметром его я-концепции. Изменить представления о других проще, чем о себе. Повторяющийся опыт поведения, которое противоречит ожиданиям на основе сформировавшегося образа, способствует его изменению. Но изменение представлений о своем образе требует изменения представлений и о роли своей страны в международной политике. А осмысление этого неизбежно ставит под угрозу широко разделяемые в обществе и среди политиков представления об управляемости, контроле над обстоятельствами, ситуацией (значение понятия контроля для я-концепции государства, нации подробно освещалось выше).

По определению Я. Верцбергера, концепция национальной роли обычно включает «собственные определения национальных политических лидеров о приемлемых решениях, обязательствах, правилах и действиях, которые «подходят» каждому государству, а также о тех функциях (если вообще они существуют), которые государство должно выполнять в международной системе или подчиненной региональной подсистеме» [246, с. 284]. Из этого следует, что концепция роли каждого участника и ее реализация, в определенной мере, зависят от ролевой установки субъекта по поводу ролей других участников и их готовности играть приписываемые им роли. При этом совокупность основных и дополнительных ролей для группы наций определяется как **набор ролей**. Например, во времена режима президента Г.А. Насера Египет «играл» роли регионального лидера, оплота революционных преобразований, объединителя арабских земель, лидера стран третьего мира.

Осуществление ролевых функций государствами связано с рядом реальностей и условностей. Прежде всего, возникает несколько вопросов - все ли участники знают о существующем наборе ролей, осознают ли себя одной из его частей, знают ли, как играть приписываемые им роли, чтобы они совпадали с ожиданиями как того, кому отводится главная роль, так и других субъектов. Ожидания других субъектов касаются не только того, какие действия правомерны в конкретной ситуации, но также способов, механизмов их реализации. Например, роль государства -

регионального лидера ассоциируется не только с общими ожиданиям его лидирующей роли в разрешении кризисных ситуаций, но и с надеждами, что государство-лидер знает, как это лучше сделать (путем формирования консенсуса среди других государств или навязывая свое решение конкретной проблемы). Не все роли государств определяются четко или выражаются формально. Часть из них носит скрытый характер и по ним труднее всего достигнуть согласия, особенно когда сталкиваются различные культуры.

Роль может влиять на обработку поступающей информации в отношении своих и чужих образов. И перед тем как остановиться на анализе этого влияния, проиллюстрируем некоторые проблемы историческими факторами. Так, Я. Верцбергер подчеркивает влияния концепции роли на эскалацию китайско-индийского конфликта в 1959 - 1962 гг. Дело в том, что ролевая концепция, усвоенная Дж. Неру, была сформулирована с учетом следующих факторов [246, с. 285]: 1) в древней истории Индия играла ведущую роль в регионе, 2) в своей более поздней истории она была поработана империалистическим государством с другого континента, 3) мировоззренческие ценности и идеалы Ганди отвергали применение силы и насилия как между индивидами, так и между нациями, 4) особое геостратегическое и геополитическое расположение Индии. Данные обстоятельства связаны с определенным восприятием Индией своей роли. Прежде всего, они давали Индии право рассматривать себя в качестве лидера на двух уровнях: лидер Азиатского региона и в более широком плане - лидер движения неприсоединившихся и развивающихся стран. Колониальное прошлое Индии позволяло взять на себя основную роль в борьбе против угнетения и империализма. По идеологическим, а также практическим соображениям Индия видела для себя еще две дополнительные роли: роль международного посредника и роль своеобразного моста между разными культурами и идеологиями - между Востоком и Западом, между социалистическим лагерем и капиталистическим. Все эти представления заставили Индию придерживаться активного нейтралитета в международной политике. Индия также рассматривала себя в качестве экономической и политической модели для других стран третьего мира.

Таким образом, Дж. Неру полагал существование шести ролей Индии на региональном и глобальном уровне, что в практическом плане означало восприятие своего статуса на международной арене как дающего некоторые преимущества. Данная перцепция, в свою очередь, провоцировала представления о своем высоком уровне власти и влияния, на основе чего Индия сделала неверный вывод о своей неуязвимости.

Например, так же как и Индия, КНР видела себя в качестве регионального лидера в Азии и рассчитывала на роль мирового лидера в будущем. На региональном уровне ее роли были связаны с восприятием себя в качестве оплота мировой революции, стремящегося к дестабилизации «антикоммунистических» режимов, авангарда антиимпериалистических сил. Наконец, КНР также рассматривала себя в качестве социальной, экономической и политической модели для всех развивающихся стран. Таким образом, КНР предполагала для себя существование пяти ролей, которые также осмысливались как дающие право на определенные преимущества своего статуса на региональном и глобальном уровнях. Ряд конфликтов между двумя описанными наборами ролей был неизбежен. Обе страны претендовали на роль лидера в одном и том же регионе. Ситуация напоминала игру с нулевым выигрышем: делить лидерство было невозможно, особенно с учетом традиционного этноцентристского мироощущения, которое чрезвычайно иерархично. До тех пор, пока отношения между странами носили дружественный характер, пока они разделяли общие интересы друг друга, возможные последствия борьбы за лидерство были под контролем. Как только произошло ухудшение отношений между странами, борьба за лидерство стала одной из причин начавшихся пограничных конфликтов. КНР в результате анализа своих затрат-выгод пришла к выводу, что военная сила необходима для того, чтобы поставить Индию «на место». Еще один камень преткновения был связан с тем, что обе страны рассматривали себя в качестве моделей для других развивающихся стран. Вероятно, индийское руководство также не полностью осознавало различия в значении понятия конфликта в индийской и китайской культурах. Напомним, в соответствии с мироощущением индусов несколько истин могут сосуществовать одновременно, дополняя друг друга.

Таким образом, в соответствии с этой точкой зрения различные общественно-экономические модели могут мирно сосуществовать, не вызывая конфронтации. Однако, в соответствии с традиционным представлением о мире в доктрине маоизма, существовала только одна истина, которая в определенный момент, когда противостоящие силы достигнут необратимой поляризации, обязательно проявляет себя и доказывает свое превосходство (в том числе и через насилие). Как только индийское руководство с его «мирным» подходом к разрешению проблемы пограничных споров пришло к окончательному выводу о том, что конфликт не может быть разрешен мирными средствами, основное противоречие между моделями Индии и КНР выступило в качестве побудительного мотива для разрешения пограничного конфликта с применением силы. При этом для КНР использование силы совпадало с желанием добиться реализации и других ролей: передового рубежа борьбы с империализмом и ревизионизмом (Индия, считалось, принадлежит к обоим «измам») и поддержки Китаем революционных изменений политического статус-кво стран, которые считались реакционными.

Возникшая проблема представляла серьезную сложность для Дж. Неру по следующим причинам. Во-первых, он считал недопустимым признавать, что существует непримиримая борьба за лидерство на региональном уровне между КНР и Индией. Это полностью противоречило бы его взглядам на солидарность в Азии. Кроме того, даже допущение возможности конфронтации ставило под угрозу его понимание роли Индии как моста между Востоком и Западом, Севером и Югом, социализмом и капитализмом. Наряду с этими соображениями, конфронтация наносила ущерб репутации Индии как миротворца и посредника. С другой стороны, сама мысль о том, что индийская армия не в состоянии ответить на вызов КНР, потребовала бы отказа Индии от роли независимого государства, поскольку для разрешения конфликта требовалась значительная военная помощь. Возникшая проблема была разрешена через переосмысление данных противоречий и конфликта ролевых концепций Индии и КНР [244, с. 221-222].

Данный пример, приведенный по исследовательским материалам Я. Верцбергера, важен по ряду моментов для понимания концепции роли. Во-первых, субъект международных отноше-

ний может играть несколько ролей. Восприятие легитимности ролей одним государством может не совпадать с перцепциями других участников системы, которые могут рассматривать эти роли как несовместимые и принять их за нелегитимные. А поскольку тот, кто играет роль, не всегда воспринимает данное противоречие, субъекту может быть трудно понять негативное отношение со стороны других участников международных отношений. Например, в послевоенной Европе США, поддерживая своих союзников, владевших колониями в разных регионах мира, не видели противоречий между своей ролью «духовного» лидера Запада и благородными идеалами самоопределения наций, демократии, что обязывало их быть на стороне национально-освободительного движения. Страны третьего мира «замечали» это противоречие как доказательство лицемерия американцев и реагировали проявлением враждебности к США.

Во-вторых, концепция роли и ее реализация не только оформляют, проверяют реальность убеждений и установок относительно других участников или самой структуры международной системы. Они создают своего рода призму, сквозь которую пропускается вся поступающая информация о я-концепции, других субъектах взаимоотношений, затем она оценивается и интерпретируется. США, например, воспринимали свои международные обязательства и роль во Вьетнаме как проверку силы национальной воли. Таким образом, все, что было нужно для победы, - это воля. Подобное убеждение тесно связывалось с «очарованием» власти и осознанием того, что ни одна другая страна до этого не обладала такой мощью [240]. США считали, что имеют моральные обязательства по защите «некоммунистического» Вьетнама. Это была их моральная обязанность по защите и сохранению справедливого и свободного мира; предполагалось, что сочетание моральных принципов, силы и воли умножают могущество и не могут не привести к окончательной победе. Чувство всемогущества получило еще большую психологическую поддержку после Карибского кризиса, вызванного размещением советских ракет, и совпадало с представлениями США о себе в качестве арбитра в области прав человека. Данные обстоятельства и поддерживали американский этноцентризм, который выражался в убеждении, что американский путь был

единственным, а тем, кто с этим не согласен, необходимо преподнести урок.

В-третьих, еще до того как государство фактически начинает претворять предполагаемую роль «в жизнь», оно может адаптировать те взгляды и установки, которые кажутся соответствующими выполнению данной роли, чтобы убедить других участников в своей способности ее исполнять. Например, тот, кто рассчитывает на роль посредника в международных отношениях, должен быть склонен к установкам и образцам поведения, подчеркивающим нейтральность, беспристрастность, справедливость.

В-четвертых, страна может отказаться принять на себя ту роль, которая ей «предназначена» (или другие страны считают, что она ей предназначена) в силу различных обстоятельств (например, из-за субъективной оценки уровня своего могущества или в связи с выгодным геостратегическим положением). Так, Я. Верцбергер [244, с. 286] приводит в качестве характерного примера отказ Японии в течение долгого времени занять активную лидирующую позицию в Азии. Нельзя исключать, что, в конечном счете, ожидания других субъектов международных отношений данного региона могут, наконец, заставить ее принять роль более активного участника или лидера вместе с вытекающими из этого соответствующими обязательствами. В частности определенное давление со стороны других стран уже привело к более активной роли Японии в делах региона и заставило ее занять позицию более активного участия в других международных делах.

Необходимо отметить, что при отказе страны принять конкретную роль или при навязывании ей этой роли другими странами, самоосмысление субъекта может и не совпадать с представлениями о ней других стран. Тем не менее «другие» могут трактовать ее поведение в рамках той роли, которая приписывается. Например, принимая во внимание довоенную историю Японии, государства юго-восточной Азии могут не согласиться с ее отказом (или уклонением) принять роль азиатского лидера за выражение искренних мотивов и интересов. И если Япония рассматривает свои крупномасштабные инвестиции и помощь азиатским государствам как имеющие под собой чисто экономическую мотивацию, политические элиты в таких странах, как Малайзия, Филиппины, Индонезия, настороженно относятся к

японским инвестициям и экономической помощи, все еще опасаясь японского «постнеоколониализма».

«Исполнение» государством той или иной роли на международной арене связано с формированием ряда ложных образов, мисперцепций. Анализируя последние, аналитики выделяют два типа мисперцепций, связанных с ролями [246, с. 288]:

1) субъект ролевого поведения, связанного с функциями лидерства, может приходить к неверным суждениям о готовности других играть те роли, которые он им предназначает. Например, если субъект является региональным лидером, другие должны просто следовать за ним;

2) даже если другие готовы принять ролевую концепцию страны-партнера, ее ожидания относительно того, что с данной ролью связано, могут и не совпадать с представлениями других. Например, когда страна принимает на себя роль посредника с согласия сторон, вовлеченных в конфликт, тот факт, что стороны готовы принять ее в качестве посредника, создает иллюзию, что содержание, внутреннее наполнение этой роли, «согласовано» со всеми заинтересованными участниками процесса, что не всегда соответствует действительности.

Данные аспекты, связанные с ролевым поведением государств и распределением ролей в международной системе, применимы к реализации ролевых функций как в поведении, так и с точки зрения особенностей процесса восприятия. Реализация «своей» роли в сложном международном окружении заставляет «определиться» и иметь собственные суждения по отношению к следующим проблемам: какую роль «играть» и подходят ли время и обстоятельства для конкретной роли; нужно ли всем остальным государствам одновременно следовать своим ролям из общего «списка» и согласны ли они на это. Ошибки в суждениях по каждому из этих вопросов могут привести к неожиданным последствиям во взаимоотношениях с другими членами «ролевого ряда» (например, снижение доверия, ослабление взаимосвязей внутри политического союза, военного блока), с оппонентами и т.д.

Международная практика свидетельствует в пользу того, что та или иная роль не обязательно связана с единственно верной моделью поведения в конкретной ситуации. Роль скорее обозначает общее направление движения, которое может быть

преобразовано в совокупность различных действий. Так, не является чем-то необычным факт, когда при согласии одного государства играть конкретную роль, другие демонстрируют несоответствие взглядов на реализацию данной роли в конкретных ситуациях. Однако точно так же, как участники международного процесса могут прийти к неверным умозаключениям по поводу операционализации роли, они могут испытывать недовольство и когда поведение субъекта ролевого поведения не соответствует их ожиданиям по причине субъективности его собственной трактовки того, какое поведение при этом подразумевается.

В этом же исследовательском ключе при изучении ролевых концепций и их влияния на сложившуюся систему взаимоотношений и взаимодействия государств С. Уолкер [249, с. 189-190] рассматривает те ситуации, когда исполнение роли требует конфликтного поведения, а страна-партнер, вопреки ожиданиям международного сообщества, демонстрирует готовность к сотрудничеству. Подобное поведение вынуждает оппонента превратиться в партнера, приняв модель кооперативного поведения. Партнер в свою очередь может или осуществить переоценку концепции своей роли, или манипулировать информацией, чтобы поведение первого можно было трактовать как вероломство, обман. С другой стороны, первый субъект диады может воспринимать и объяснять реализацию роли другим участником как соответствующую традиционной концепции роли, даже если это и не так. В американской истории Дж. Ф. Даллес избрал первую альтернативу, когда принял решение о роли США, связанной со сдерживанием коммунизма и советской экспансии. Он интерпретировал советские инициативы по уменьшению напряженности как намерение ввести в заблуждение, как тактические шаги, в основе которых на самом деле лежит слабость СССР и которые изменятся с изменением расстановки сил в пользу последнего [158].

Отклонение фактического поведения субъекта от ролевой концепции может привести к изменению ожиданий других участников, а также к «ликвидации» этой роли вообще по причине отказа других членов международных отношений сотрудничать и играть свои роли в будущем. Ранее подобная ситуация сложилась с ролью Египта как лидера арабского мира после подписания им мирного договора с Израилем. В той степени, в которой

несоответствие между ролевыми ожиданиями и поведением происходит от ошибок в оценках, делаются неверные выводы о возможном поведении государства в будущем, а также перераспределении ролей. А это приводит к изменению характера международного взаимодействия на региональном или глобальном уровне, которое основано на существующем распределении ролей и может не иметь альтернативных, ясно структурированных вариантов. Следовательно, изменения в международном устройстве могут привести к такому периоду развития отношений, когда роли и правила общежития неопределенны и неясны: множество конкурирующих интерпретаций действительности, точек зрения, скорее всего, приведет к ложным выводам, взаимным ошибкам восприятия.

Если применить метафору компьютера к мозгу человека и рассматривать его в качестве информационного процессора, то можно сказать, что изменение в системе взаимоотношений, связанное с перераспределением ролей, требует приспособления ожиданий по поводу интерпретации поведения других участников. Это создает для него значительные сложности. С другой стороны, правильное понимание ожиданий и поведения других участников по отношению к себе зависит от осознания изменений возможного ролевого ряда. Фиксировать изменения подчас невозможно, так как они нередко трудны для непосредственного наблюдения. Часто это постепенный процесс и его осмысление отстает. Кроме того, еще более трудно зафиксировать одновременно два менее очевидных типа изменений: в самой системе и на уровне взаимодействия. Первое подразумевает изменения в самой системе или подсистеме, без структурных изменений в самой системе (изменение всей иерархии власти и престижа, замена приходящих в упадок держав на обретающих власть и могущество). Но даже такие ограниченные изменения включают переоформление роли и статуса, по крайней мере, для нескольких участников той или иной системы. Когда этому не уделяется внимание, нет и когнитивных изменений. Аналогичным образом, при изменении характера взаимодействия происходит переосмысление взятых на себя ролей.

В более широком плане системные изменения или изменения характера взаимодействия вызовут либо ролевые и статусные изменения, либо изменения в наборе ролей и их реализа-

ции, или все вместе взятые. В определенной степени ролевые и статусные концепции - составная часть когнитивной схемы обработки информации, поэтому своевременность в фиксации их изменений необходима для эффективной обработки информации.

Любой международный порядок, точно так же как и внутриполитическое устройство страны, создается вокруг того или иного распределения ролей и связанных с ними ожиданий. Со временем происходит институционализация некоторых ролей (например, постоянный член Совета безопасности ООН), другие - остаются неформальными (лидер регионального союза государств). Степень сбалансированности формальных и неформальных, институционализированных и неинституционализированных ролей и ожиданий различна в каждой проблемной сфере взаимодействия и может со временем меняться.

При анализе указанной проблематики Я. Верцбергер [246, с. 290] приходит к выводам по поводу тех вероятных обстоятельств, когда национальные роли, скорее всего, вызывают когнитивный конфликт: 1) когда субъект воспринимает себя в качестве исполнителя множества ролей; 2) когда воспринимаемая структура ситуационных характеристик требует одновременной реализации («исполнения») множества ролей; 3) когда определенные ограничения, связанные с окружением субъекта или другие обстоятельства, вызывают к жизни скрытые концепции ролей и их реализацию. При этом данные выводы связываются со следующими конкретными ситуационными контекстами, в которых наиболее вероятны когнитивные конфликты, вызванные ролевым поведением: 1) когда страна активно участвует в международной политике, 2) когда требуется одновременное реагирование на возникшие многочисленные кризисные ситуации, в которых реализуется больше, чем одна роль, 3) когда необходима реализация новой роли, которую страна никогда не исполняла или прибегала к ней в прошлом крайне редко. То есть имеется в виду, что субъект не вполне осознает, что от него требуется; 4) когда структурные изменения системы а) вызывают принятие новых ролей основными и «вспомогательными» участниками; и данные роли также новы и для самой международной системы, б) роли новы для всех участников, структура прежней системы в них не вписывается; 5) когда изменения во внутриполитическом

руководстве приводят к власти таких политиков, у которых нет навыков по разрешению ролевых конфликтов, или у них просто недостаточно опыта, или отсутствует творческий подход.

На основании этого можно полагать, что как только возникает любое из этих обстоятельств, существует вероятность того, что ролевое поведение, которое является важным компонентом совладающей стратегии, может быть выстроено неверно. А это увеличивает вероятность управленческих ошибок при разрешении международных конфликтов, кризисных ситуаций, связанных с насилием. Ложно понимаемое ролевое поведение связано с тем, что научение в международной системе часто идет путем проб и ошибок. Возникающие в подобном случае проблемы, как правило, новые или случайные; ощущается нехватка соответствующего знания, недостаточная профессиональная подготовка политиков для решения международных проблем. Отчасти это связано с бытующим мнением, что международная система не является той сферой человеческой деятельности, которая требует специальной подготовки, т.е. считается, что любитель с хорошо развитой интуицией может действовать достаточно эффективно.

Государство и его статус

Концепция статуса связана с ролевой, ведь именно статус предопределяет типы ролевого поведения государства. Вместе с тем некоторые роли больше, чем другие, предполагают высокий статус и престиж у тех, кто «примеряет» их на себя. Представления государства о своем статусе и уровень его притязаний входят в число важных источников знания о его взглядах, системе убеждений о международных отношениях [163], а также являются предметом ошибок восприятия. Как и концепция роли, статус можно рассматривать в рамках двух аспектов. Во-первых, с точки зрения «я-концепции», т.е. тот статус, который государство полагает, что заслуживает, или **достигнутый статус**. Во-вторых, в контексте «другого» статуса, который, как считают другие участники международных отношений, заслуживает данное государство, или **приписываемый статус**. Статус выступает в качестве одной из тех призм, сквозь которые фильтруется «свое и чужое» поведение, а после его оценки выносятся суждения. Статусные позиции связаны с различным отношением «ок-

ружения государств» [215], что вызывает ряд проблем, связанных с процессом восприятия.

Определенная исследовательская перспектива представлена изучением расхождения между приписываемым и достигнутым статусом. Так, если страна полагает, что ее статус ниже, чем должен быть, то в данном случае она реагирует «фрустрацией через экстернализацию конфликтного поведения» [246, с. 291]. Расхождение между достигнутым и приписываемым статусом - феномен восприятия. Действительно, если государство не «видит» между ними различий, то и нет необходимости в коррекции. С другой стороны, когда раздражение «неадекватным» поведением переходит определенный порог, ложно понимаемое рассогласование приводит к таким попыткам коррекции, когда возможные политические и другие риски весьма значительны.

Как правило, государства ранжируются по разным статусным критериям - военному, политическому, экономическому, технологическому, культурному и т.д. Если по одному параметру государство получает высокий ранг, а по другим - низкий, разночтения в статусе могут приводить к расхождению приписываемого и достигнутого статуса. Такая ситуация, например, имеет место в современной истории России относительно статуса последней в качестве сверхдержавы. Так, по мнению В. Вулворта, существуют четыре основные критерия принадлежности государства к категории сверхдержав: экономический, военный, технологический и геополитический. По данным, которые приводит исследователь, на 1997 год показатель валового внутреннего продукта составлял 5% по сравнению с аналогичным показателем для США; расходы на оборону в 1996 году - 26% [263, с. 12]. Как отмечает директор института США и Канады РАН С. Рогов в интервью газете «Московский комсомолец», современная Россия воспринимается Соединенными Штатами как слабое и непредсказуемое государство, которое не в состоянии привести свои амбиции в соответствие с экономическими реалиями [15].

Не вдаваясь в дальнейшую полемику по данному вопросу, подчеркнем, что в подобных оценках нельзя сбрасывать со счетов ядерный потенциал. Так, российские ведущие политические эксперты лишь отчасти соглашались с подобной оценкой. Например президент фонда «Политика» В.А. Никонов в интервью

рамках их значимости. Отсюда следует, что еще один критерий упорядочивания в сознании, связанный с господством и почитаемым высоким статусом субъекта в прошлом, становится менее значимым для оценок статуса в современной международной системе.

Современная международная система еще сохраняется как двухуровневая. При этом обычно имеются в виду военный и экономический уровни. В оценках и выводах различных специалистов отмечалось, что на уровне военной мощи структура власти в последнее время сохраняет гегемонию США. А на экономико-политическом уровне - многополярная, так как ядерное оружие не может эффективно использоваться для решения целого ряда проблем. Таким образом, различные ожидания, которые возникают по причине существования отличающихся оценок о применимости норм и правил системы к конкретной проблеме, могут вызвать непонимание даже между элитами.

Любой спорный вопрос, который не имеет непосредственного отношения к военной политике государств, потенциально может привести к проблеме выбора «правил игры» (какой уровень использовать для оценки). Противоречивые ответы участников международного взаимодействия могут вызвать взаимные фрустрирующие ожидания по поводу поведения как союзников, так и оппонентов. Аналогичным образом происходит и фрустрация ожиданий, так как различные концепции роли и статуса связаны с восприятием возможностей применимости той же самой однополярной, биполярной или многополярной системы координат к конкретной ситуации или проблеме.

Таким образом, рассогласование оценок в отношении статуса не способствует ответам на вопросы, какой он все-таки должен быть, как к нему должны относиться другие государства, какой критерий является решающим. Состояние «замешательства» субъектов усиливают неопределенность в прогнозировании и интерпретации поведения других государств, ожиданиях «других» по поводу «нашего» поведения (например, Россия - непредсказуемое государство). С другой стороны, противоречия в понимании статуса повышают уровень восприятия угрозы, которую испытывают другие участники системы международных отношений от нарушившего состояние равновесия субъекта [130].

То важное значение, которое государства придают своему статусу, нередко заставляет их лидеров игнорировать или подавлять ту информацию, которая свидетельствует, что приписываемый себе статус несколько выше, чем считают другие страны. Также ответная реакция может быть связана с приписыванием себе нереальных ролей. В этой связи можно сослаться на характерный пример, приводимый Я. Верцбергером [246], ссылаясь на работу А. Ясинска-Каниа в отношении Польши XVII столетия, когда ущемленная национальная гордость трансформировалась в манию величия. Таким образом, можно полагать, что исторический опыт нации, передаваемый как по наследству в фиксированном статусе, недостаточно гибко реагирует на «взлет и упадок» страны, власти во времени. По этой причине субъект международных отношений не всегда может адекватно скорректировать свой политический курс. Всемирная история не раз подтверждала, что управленческие структуры государств, связанные с выработкой и реализацией внешней политики, часто испытывают определенные трудности координации своих оценок таким образом, чтобы представить целостную картину реального положения страны. Вместо этого их оценки нередко фрагментированы, носят разрозненный характер. Наблюдается и чрезмерное доверие к простым, легко извлекаемым из памяти цифровым показателям позитивного роста потенциала государства. Наряду с этим, реальные оценки места и роли страны, переживающей переходный период, в мировом сообществе на длительную перспективу осложняет то обстоятельство, что относительный рост и упадок военной и экономической мощи нации не происходят одновременно [142]. Все это делает маловероятными оценки по множеству показателей, так как требует, прежде всего, выводов и суждений, основанных на глубоком абстрактном понимании процессов упадка и возвышения государств и наций, а не только наблюдения за динамикой количественных показателей в конкретное время.

Так или иначе, существующая практика позволяет считать, что, когда приписываемый статус выше, чем заслуживаемый, государство склонно принять приписываемый статус и постараться адаптировать к нему свои ожидания и притязания таким образом, как если бы данный статус отражал реальную мощь и потенциал государства. В целом государства редко страдают от

«избытка скромности». Например, так называемая «шестидневная война» в 1967 г. обеспечила для Израиля такой статус, который превышал его потенциальные возможности в долгосрочной перспективе. После войны он принял его как отражение реальной власти и могущества. Вызванное этим обстоятельством преувеличенное ощущение своей защищенности, а также самоуверенность имели серьезные последствия в 1973 г. [199, с. 51-52].

Даже когда определяемый для себя статус соответствует сложившейся ситуации, государства и нации могут воспринимать и относиться к распределению других статусов по-разному, так как разные культуры выдвигают различные ценности в качестве показателей статуса. Рассматриваемое явление давно нашло свое выражение в многовековой борьбе за статус: между одними субъектами, которые считают, что он связан с реально ощущаемыми ресурсами власти и могущества, и другими - кто считает, что статус, по крайней мере, отчасти связан с моральной и духовной властью.

Таким образом, национальные я-концепции, основывающиеся на социетальных атрибутах, выражаются в понятиях принадлежности, статуса и роли в международной системе. Набор ролей, которые страна считает, что должна и заслуживает играть на международной арене, не всегда «созвучен» с теми, которые принимаются другими участниками системы взаимоотношений. Даже когда базовое понимание по «своим и чужим» ролям достигнуто, то конкретная трактовка страной своей роли, осмысления своей групповой принадлежности и статуса имеет тенденцию не совпадать с точками зрения других стран. Подобные несовпадения создают предпосылки для тенденциозной обработки информации, точно так же как и взаимодействие, взаимовлияние понятий групповой принадлежности, статуса и роли. То, что возникает в результате подобного взаимодействия, - инструментальная взаимосвязь рассматривавшихся выше концепций с информацией как подтверждение выполнения страной предназначенных ролей на региональном и международном уровнях. Наряду с этим обозначается тенденция к ригидности и избирательности внимания при переработке информации, подчеркивающей невозможность реализации желаемой роли. Важность концепций роли, групповой принадлежности и статуса для национальной самоидентификации и, следовательно, той или иной степени

1.4. Основные этапы эмпирических исследований образа государства в психологии

В прошлые десятилетия концепт образа в международной коммуникации разрабатывался, прежде всего, через ассоциации с врагом, противником. Так, он использовался в социально-психологическом анализе целого ряда международных конфликтов в трудах У. Бронфенбреннера [108].

В начале 60-х годов в процессе исследования советско-американских отношений У. Бронфенбреннером сформировалось понятие **зеркального образа**. Данный термин отражал аналогичные процессы искажения восприятия как у СССР, так и США. Каждая из сторон реагировала «зеркально» на действия другой, в результате чего обе стороны рассматривали друг друга в качестве агрессора, осуществляли патрулирование с помощью подводных лодок вдали от своих территориальных вод, состязались в распространении влияния на развивающиеся государства. Таким образом, каждая из сторон считала, что другой нельзя доверять. Подобное взаимное искажение восприятия выглядело особенно удручающим, поскольку наглядно демонстрировало силу мисперцепции в формировании и поддержании отличающихся от реальности образов государств. Взаимоотношение государств осложнялось тем обстоятельством, что на формирование взаимоотношений имел сильное влияние феномен «самосбывающихся предсказаний или пророчеств» [30].

В числе работ, опубликованных в 60-70-х годах, рассматриваются те процессы восприятия и искажения реальности, которые «работают» на эскалацию международной напряженности. При этом Р. Уайт [257-260] выделил основные формы **ложных образов**, три из которых обычно формируются в сознании политического руководства и непосредственно связаны с образами «я» и «других». В их числе «дьявольский» образ врага, мужественный и высоко моральный образ своей страны. Основные процессы формирования ложного образа связываются с «избирательным вниманием», отсутствием эмпатии, чрезмерной уверенностью в «своей» военной мощи. На основе выделенных форм подобной мисперцепции Р. Уайт анализировал динамику вооруженного противостояния в годы Первой мировой войны, Второй мировой войны, а также войны во Вьетнаме. Аналогич-

ный анализ был сделан и в отношении ошибок восприятия в ходе арабо-израильского конфликта в 60-70-е годы, а также роста напряженности между СССР и США в 60-е годы. При этом отмечается, что негативные зеркальные образы СССР и США формируются путем «избирательного внимания», параноидальной подозрительности, предвзятости в интерпретации событий, других форм перцепций и когнитивного искажения.

Особого внимания заслуживает последняя работа психолога. Анализируя ситуацию 80-х годов, ученый видит ее парадоксальность в том, что ни одна из сторон не желает войны друг с другом, стремится к миру и благополучию, но, тем не менее, готовится к войне. Трудно объяснить, почему страх перед возможной трагедией, связанной с применением ядерного оружия, не является более сильной мотивирующей силой. Вместе с тем, принимая решения, которые ведут к эскалации вооруженного конфликта, национальные лидеры не рассматривают данное обстоятельство как стремление к конфронтации, а исходят из совсем других психологических оснований. Таким образом, была предпринята попытка воссоздать «объективную» картину тех процессов, посредством которых индивид, желающий мира, поддерживает политические решения, которые приводят к войне вопреки его желаниям и намерениям. Анализируя конфликт между сверхдержавами, Р. Уайт призывает американцев выработать «реалистическую эмпатию» к мироощущениям оппонента.

В этом же плане Д. Майерс [48, с. 647] подчеркивает, что анализ образов американского и русского восприятия, проведенный рядом психологов и политологов, выявил сохранение «зеркального восприятия» вплоть до 80-х годов. Зеркальность восприятия породила гонку вооружений. При этом политические заявления руководства СССР и США отмечали готовность стран и народов к разоружению, но каждая из сторон подчеркивала, что не идет на это, так как оппонент вооружается и стремится к военному превосходству. Складывалась ситуация, наиболее точно сформулированная в моделях «дилеммы безопасности», «игр с нулевым выигрышем»: объявляя о своем желании разоружаться, каждое государство чувствовало себя вынужденным вооружаться. Кроме того, в периоды возникающих международных кризисов рациональное мышление становилось за-

приятия, связанные с мотивацией; когнитивные ошибки, не связанные с восприятием [165].

Среди мотивов, поддерживающих вооруженную конфронтацию в качестве движущей силы агрессии, выделяется преувеличенное чувство страха и гордость величия власти [прив. по 138, с. 153], т.е. наделение только своей группы могуществом, властью, высоким статусом, которые гипертрофированы в сознании. Р. Уайт утверждает, что большинство конфликтов государств, включая обе мировые войны, последующее соперничество сверхдержав, связано с ситуациями, когда преувеличенное чувство страха привело к росту общей агрессивности, мотивированной соображениями обороны. В годы открытого соперничества сверхдержав преувеличенный страх «подпитывал» гонку вооружений, достигшую черты иррационального сверхвозмездия с обеих сторон (того, что впоследствии воплотилось в концепции взаимного и гарантированного уничтожения).

Гордость величия власти и преувеличенное чувство страха не противостоят, а сопутствуют и внутренне усиливают друг друга. В конфликте сверхдержав гордость величия была представлена решимостью США оставаться ведущей сверхдержавой в мире, в то время как Советский Союз продолжал настаивать, что ход истории на его стороне и именно данное социально-политическое устройство, образ жизни будут преобладать в будущем мире.

Эмоции гнева, ненависти, агрессивности также рассматриваются в психологии в качестве важных факторов, искажающих функционирование перцептивных и когнитивных механизмов. Однако они не выступают в качестве мотивационного фактора, как преувеличенное чувство страха и гордость величия.

Ошибки восприятия, связанные с мотивацией, рассматривались в другой, более ранней, работе Р. Уайта на примере советско-американских отношений. Чтобы вызвать то или иное поведение, мотивы работают вместе с перцепцией. При этом психолог рассматривает перцепцию более важной причиной конфликтного поведения, чем мотивы. Это связано с тем, что перцепции по сравнению с мотивами более подвижны и изменчивы (например, типологии политиков как «ястребов» и «голубей» в США). Мотивы же, как правило, все апеллируют к поддержа-

нию мира. Таким образом, изменчивость перцепций более значима для определения изменчивости установок и поведения.

Исследуя труды Р. Уайта, Р. Фишер выделяет пять типов мисперцепций, или **ложных образов**, в основе которых лежат мотивационные процессы, действующие в основном на подсознательном уровне (включая тревожность и потребность в самооценке). **Дьявольский образ врага** подразумевает восприятие противника в дегуманизированном образе воплощения зла. В конфликте возбуждение достигает кульминации: чем более злобен и могущественен враг, тем больше мужественен и храбр, справедлив и добродетелен «свой» герой.

Высокая моральность и гуманность собственного образа поддерживается почти универсальной тенденцией думать хорошо о своей группе по сравнению с «чужой», внешней. На бытовом уровне как граждане Советского Союза, так и американцы считали себя невиновными в соперничестве сверхдержав. Американцы идентифицировали себя с преимуществами демократии и свободы, а советская система подчеркивала принципы социалистического равенства, движения за освобождение угнетенных в странах третьего мира. Иллюзия «они в пользу нас» связана с восприятием других стран как более дружелюбных, чем это есть на самом деле. Например, США стремились удержать в границах свободного мира Вьетнам, но недооценили стойкость, твердость воли и упорство северовьетнамцев. Аналогичным образом Советский Союз не предполагал встретить активное сопротивление в Афганистане. В обоих случаях сверхдержавы считали, что большинство населения одобряет их намерения.

Чрезмерная уверенность в военной мощи и силе также искажает восприятие реальности.

Пересекающиеся и накладывающиеся друг на друга региональные, территориальные **я-образы** помогают объяснить, почему целый ряд географических регионов мира был источником многочисленных конфликтов. Идентичность каждой группы связана с обладанием определенной территорией, права собственности на которую оспариваются несколькими группами. Территория рассматривается в качестве части национальной я-концепции, граница - «кожа» государства, поддерживающая целостность группового «я». С нарушением границ целостность также разрушается. Существует и сильная взаимосвязь с чувст-

вом гордости, величия. В период острого американо-советского противостояния территориальные, региональные образы «я» были не просто национальными, но подразумевали категоризацию более высокого порядка: происходило разделение на так называемый свободный мир и социалистическое сообщество.

Наконец, выделяют **избирательность внимания** как главный процесс, посредством которого поддерживаются все ошибки, связанные с мотивацией. Через «избирательность внимания» мотивы на уровне подсознания влияют на мышление человека и формируемую у него картину мира. Одновременно включается целый ряд защитных механизмов. Например, проекция в международных отношениях становится правилом, а самообвинение - довольно редким исключением. Сопротивление идеям, которые не вписываются в характерный образ мыслей, также имеет место. Иначе говоря, через механизмы сопротивления, подавления, рационализации и компенсации «избирательное внимание» выступает в качестве мощного механизма подсознательного регулирования мотивационных процессов.

«Немотивированные» когнитивные ошибки - формы ложных образов, мисперцепций, которые не могут быть отнесены к мотивационному влиянию на подсознательном уровне. Р. Фишер [138, с. 154] идентифицирует шесть их форм:

1) влияние предшествовавших убеждений, представлений на существующие перцепции - это влияние уже сформировавшихся образов, особенно черно-белого видения картины политического мира, которое характерно для антагонистов. Учитывая то обстоятельство, что большинство событий двусмысленны и открыты для различных интерпретаций, ожидания, созданные уже существующими убеждениями, предопределяют, как будет восприниматься и интерпретироваться новая информация;

2) вероятно, одна из конкретных проблем соперничества сверхдержав связана с тем, что каждая из сторон продолжала сохранять убеждения «доядерного» века и вела себя так, как будто живет в неядерном мире. Эти убеждения включали устаревшие представления по поводу важности национального суверенитета и стратегии сдерживания как основного средства предотвращения войны;

3) неясные, расплывчатые различия и распространение атрибуции. Когда политический мир делят на плохих и хороших,

различие в группе «плохих» (внешняя группа) неясны, и атрибуция зла распространяется на всю оставшуюся часть мира, которая принадлежит «не нам». Так, например, возникла проблема двойных стандартов в оценке одних и тех же негативных явлений (например, терроризм, сепаратизм);

4) механизм «оскорбленной невинности» запускается всякий раз, как только то или иное государство полагает, что «они» вынашивают агрессивные намерения, и, следовательно, делается вывод, что военное строительство в государстве-оппоненте имеет агрессивные цели. Данная ошибка восприятия связывается с процессом универсализации, когда индивиды считают свои субъективные перцепции в качестве объективной реальности, предполагая, что другие должны разделять ее;

5) доверчивое принятие пропаганды, в результате которой «злые и могущественные» силы внешней группы намеренно манипулируют массами и обманывают их, вынуждая принять искаженную точку зрения на события в мире, что и составляет основу мотивации подготовки к войне. Так, СССР и США в годы холодной войны обвиняли в подогревании враждебности друг к другу именно пропаганду со стороны оппонента;

б) экстраполяция тенденции - частая практика переноса обозначившихся тенденций в будущее. Так, США при получении подтверждений о достижении СССР паритета в ядерных вооружениях выражали опасения и прогнозировали, что обозначившаяся динамика сохранится и далее. Следовательно, необходимо наращивание военного потенциала с американской стороны [138, с. 155-156].

Только краткое перечисление данных форм ложных образов восприятия может поставить под сомнение тот факт, что по сравнению с ними идеологические и экономические факторы могут иметь такое же влияние на соперничество сверхдержав. При этом идеологии могут рассматриваться как рационализация лежащих в их основе мотивов, а экономические факторы - как не имеющие отношения к самой проблеме, так как сверхдержавы обладали, по крайней мере, мощными и разнообразными природными и другими ресурсами. Путем подобных рассуждений Р. Уайт приходит к выводу, что источником советско-американского противостояния, а также целого ряда войн было сочетание сильно преувеличенного ощущения страха и пережи-

ваемое чувство гордости величия. Современные события - не исключение из правил. Поведение США после событий 11 сентября 2001 г. действительно во многом мотивировано именно страхом и поставленным под сомнение чувством величия и могущества своего государства. Как отмечает С. Рогов, «...до последнего времени Америка, несмотря на полвека активного участия в мировых процессах, сохранила образ «крепости «Америка», которая отгорожена от мира не высоким забором, а ракетными перехватчиками и живет по своим законам... может делать все, что ей вздумается, а при необходимости спокойно применяет силу. ...Теперь всем уже стало ясно, что никакой американской исключительности и суперзащищенности не существует» [15].

Таким образом, первопричина связывается с процессами перцепции и когнитивными факторами не просто как с факторами развития и эскалации конфликтных взаимоотношений, но как с процессами, лежащими в их основе. Работы Р. Уайта, на которых мы остановились так подробно, насколько позволяли рамки данной публикации, считаются чрезвычайно ценным вкладом в социально-психологическое понимание межгруппового и международного конфликта, а также процесса формирования образа государств-антагонистов до середины 80-х годов.

В 80-х годах концепт образа государства чаще определялся как форма стереотипизирования реальности, своеобразный экран, через который фильтруется и часто искажается информация. При этом аналитические преимущества концепции образа были несколько расширены после того, как были предприняты попытки рассмотреть всеобщность образов стран в когнитивных представлениях о мире субъектов принятия внешнеполитических решений. Образы в политических взглядах на мир подразумевают нечто большее, чем просто представления о врагах и союзниках. Так, в психологических исследованиях М. Коттам [117, с. 3] отмечается, что представления о социальном, политическом окружении имеют тенденцию к организации в рамках семи (плюс-минус два-три) образов, например, таких как союзник, государство-сателлит, зависимое государство.

Изучение связи между образами, их производными и предпочтениями в политике было продолжено как в теоретическом, так и в эмпирическом аспекте [116], [152]. В результате этого

были предложены некоторые объяснения по поводу связи образов в представлениях индивидов с приоритетами в политике. Так, образ врага, например, вызывает в сознании серьезную угрозу. Учитывая характерные особенности образа врага и связанное с этим восприятие угрозы, с точки зрения логики можно понять склонность политиков прибегать, по крайней мере, в прошлом к доктрине сдерживания (коммунизма или капитализма). Но чтобы концепт образа и впредь представлял аналитическую ценность, необходима его дальнейшая разработка. Дело в том, что многие решения в международной политике принимаются в ситуациях, связанных с конфликтом интересов ряда стран. И если восприятие этих стран оформляется в сознании через различные образы, возникает вопрос, когда и как эти образы складываются в общую картину, как они влияют в эмоциональном плане на предпочтения в политике.

Подход к восприятию той или иной страны с точки зрения возможного наличия нескольких образов начал формироваться в академической науке совсем недавно. Одни авторы [например, 154] доказывают, что теоретические выкладки относительно приоритетов США на Ближнем Востоке более рельефно обнаруживают себя при исследовании образов (когнитивных схем) других участников международных отношений в данном регионе. Аналогичный аргумент, связанный с политическими приоритетами США в странах Латинской Америки, выдвигают М. Коттам и Т. Роу [прив. по 117, с. 4]. Американские политики на международной арене чаще всего прибегали к принуждению, если страны рассматривались в качестве зависимых от США, но используемый при этом инструментарий и задействованная тактика чаще обычно носили «умеренный» характер: действия по принуждению (например, к миру) были вялотекущими. Однако, когда возникали опасения, что в конфликтной ситуации «присутствует» противник, который способен оказывать влияние на «зависимое государство», вмешательство было более быстрым по времени, использовались и более весомые средства принуждения. Причина лежит в особенностях взаимодействия двух образов. Образ зависимой стороны воспринимается как раздражающий, но лишенный оттенка угрозы, она слишком слаба и некомпетентна для организации эффективного противодействия. Но враг может обмануть ее, а это трансформирует ситуа-

цию в угрозу (безопасности национальным интересам и т.д.). В связи с этим возникает вопрос, какие концептуальные схемы «работают» с образом после окончания холодной войны с учетом современного состояния знания. Возможные подходы к ответу на данный вопрос рассматриваются в следующей главе.

Глава 2. Образ «я» государства

Понятие образа рассматривается психологами весьма перспективным для научного анализа поведения государства, поскольку оно охватывает основные характеристики национального самосознания, представлений о «нас» и «других». До сих пор мы в основном рассматривали образ как наши представления о других участниках международного взаимодействия. Однако не меньшую значимость имеет исследование того, как субъект воспринимает себя, свое место в сообществе государств. То есть речь идет об идентичности государства

Интерес к проблеме формирования идентичности особенно возрос в теории международных отношений в течение последних десяти лет. По мнению И. Ньюмана, это связано с тем, что, ответив на вопросы формирования коллективной идентичности, теория международных отношений могла бы не только подойти к пониманию международной системы государств, но также придать онтологический статус участникам мировой политики [204, с. 140].

2.1. Образ «я» государства: проблема операционализации

Вопрос о том, какие элементы национального образа «я» важны для изучения поведения государства на международной арене, и более конкретно, почему позитивный образ «я» так важен, представляется крайне сложным. По определению А. Реншона, идентичность представляет собой совокупность потребностей и мотивов человека, его навыков и опыта, ценностей. Сочетание мотивационных, эмоциональных и когнитивных структур отражает особую историю развития человека [214, с. 190]. Поэтому, прежде всего, возникает вопрос, можно ли переносить исследование рассматриваемой проблемы на индивидуальном уровне на всю страну, нацию, международную систему.

У психологов до сих пор продолжаются споры о том, как происходит операционализация образа «я». Национально-государственный уровень еще более сложен для научного понимания. Вместе с тем, есть основания полагать, что «национальный уровень» все-таки существует. Например, П.А. Цыганков [52, с. 37] подчеркивает то обстоятельство, что «сравнительно низкий уровень организации системы международных отношений оправдывает применение терминов «группы», «малые группы». При этом малые группы и международные системы могут рассматриваться как изоморфные, с явными соответствиями (индивид - нация, межличностное взаимодействие - межнациональное взаимодействие). Кроме того, рассматриваемая перспектива вносит вклад в разработку психологии межгрупповых отношений, взгляд на происходящие социальные процессы через групповую парадигму, «делающую ясным многое из того, что было неясным сквозь призму индивидуальности», по выражению И.Р. Сушкова [80, с. 50].

Представители разных психологических школ по-разному обозначали связь индивидуального и группового образа «я». Как отмечает Р. Мозес, представитель психодинамического подхода, хотя развитие группы отличается от процессов, происходящих на индивидуальном уровне, все-таки существуют некоторые сходства. Группа также имеет свое «я». Оно представляет собой связный конгломерат субъективных образов восприятия и само-

восприятия, свойственных большинству членов группы [199]. Группы, точно так же как и индивиды, нуждаются и зависят от **нарциссических вознаграждений**, получаемых от других. Мы постоянно «сканируем» наше окружение на предмет получения нарциссических вознаграждений (когда нас любят и ценят) или **нарциссических травм** (когда нас не любят или обижают). Р. Мозес также говорит о патологическом и нормальном развитии группы. Патологическое развитие группы имеет место в том случае, когда она не может решить задачу сохранения своей целостности и, следовательно, не обеспечивает индивидам устойчивого представления о себе и других. Ранние нарушения особенно влияют на формирование личности.

Теория социальной идентичности постулирует, что представления о себе - продукт личностной и социальной идентичностей. В результате исследований ученые пришли к выводу, что коллективная самооценка эмпирически отличается от личностной, но функционирует аналогичным образом: «В то время как личностная самооценка смягчает реакцию на личностные неудачи, коллективная - может смягчить неудачи группы. Когда люди сталкиваются с угрозой коллективной идентичности, высокая коллективная самооценка людей может быть связана с интрагрупповыми смещениями, предвзятостью или искажениями; низкая коллективная самооценка субъектов - может свидетельствовать об отсутствии усиливающих интрагрупповых смещений. Таким образом, постулаты теории социальной идентичности применимы по отношению к высокой коллективной самооценке индивидов, но не к низкой самооценке» [122, с. 61]. Экспериментальные работы подтверждают сделанные выводы.

Для раскрытия логической связи между идентичностью конкретного государства, нации и природой международного сообщества в психологии используется **метафора я-концепции государства** [см. например 105, с. 212].

Использование данной метафоры продуктивно в научном плане из-за существования ряда аналогий между «я» и обществом, суверенным национальным государством и международной системой, которые ранее были отмечены психологами. Так, например, Д. Блэни раскрывает сущность понятия я-концепции государства, используя три основных суждения, которые мы пред-

лагаем в качестве своего рода схемы для последующего изложения:

1) прежде всего государства через представляющее его на международной арене политическое руководство принимают определенные я-концепции, например, жертв агрессии, сверхдержав, зависимых стран и т.д;

2) вместе с тем я-концепция государства несводима к психологическим характеристикам национального политического лидера. Скорее всего, любые попытки обсуждения концепции роли, образа «я» государства должны свидетельствовать о том, что они уже сложились, с одной стороны, как характеристики участника международного взаимодействия, с другой - в качестве имплицитно подразумеваемых принципов структурирования международной системы. Как отмечает ученый, в данном случае «я» государства необходимо рассматривать в контексте как всей системы международных отношений, так и самой страны [105, с. 212]. Таким образом, рассмотрение образа «я» государства требует осмысления различных уровней анализа - международного (или системного) уровня и национального (или уровня государства), которые соотносятся как целое и его часть;

3) наконец, реализация я-концепции государства в международном сообществе связана с согласованностью его идентичности с общепринятыми принципами и практикой международных норм и разделения существующих прав и обязанностей.

Таким образом, так же как каждый индивид имеет представление о себе, он имеет определенный образ других субъектов, социальных групп, общностей, к которым принадлежит. Понятие группового «я» включает и представления о том, что является правильным устройством в рамках функционирования группы, на что могут рассчитывать члены группы, каким поведенческим нормам они должны следовать. Понятие «я» группы также важно, как и индивидуальная я-концепция, так как воспринимается как часть самой группы [223, с. 42].

Рассматриваемая перспектива обращена к таким основным характеристикам международной политической жизни, как а) становление суверенных государств и формирование социального пространства для их жизнедеятельности в рамках сообщества, б) связь развития самой международной системы с принципами упорядочивания жизни всего сообщества государств, включая

дальнейшую трансформацию, развитие сообщества. Поэтому рассмотрение международного сообщества государств в рамках взаимоотношений «я» и общества вносит вклад в психологические аспекты теории социальных групп, потребность в которой отмечается в трудах ведущих отечественных специалистов в области международных отношений.

2.2. Проблема самоосмысления и государство

Итак, первое положение Д. Блэни, которое нам предстоит раскрыть, состоит в том, что государства через своих лидеров реализуют на международной арене определенную я-концепцию.

Что собой представляет я-концепция государства? Данному понятию пока уделяется недостаточно внимания в политической психологии. В числе разрабатывавшейся проблематики можно назвать изучение влияния представлений государств о себе на предпочтения в политике, а также - на ролевые ожидания в международных отношениях [222]. В центре внимания ученых-психологов остаются вопросы о том, какие характеристики, свойства образуют я-концепцию государства, какие элементы национальной я-концепции политиков важны для понимания политического поведения; какое влияние оказывают позитивные и негативные образы «я».

Дальнейшее изучение подобных научных вопросов необходимо по целому ряду причин. Так, М. Коттам считает, что при изучении представлений государства, нации о себе [117, с. 7-9] целесообразно остановиться на двух важных вопросах: а) что такое образ «я» (или я-концепция) применительно к государству, нации, и какие функции он выполняет; б) как происходит процесс оценивания своего образа и образов других.

Образ «я» выполняет точно такую же функцию, как и образ других: способствует обработке информации, ориентировке в окружающей действительности. Чаще всего представления о себе имеют позитивную направленность. Каузальные атрибуции «работают» аналогичным образом: никто не хочет брать личную ответственность за негативные оценки.

Существует множество поведенческих различий между субъектами с негативными и позитивными образами «я». Негатив-

тивное самоосмысление ассоциируется с беспомощностью, отрицательными чувствами, плохим выполнением своих функциональных обязанностей, неадекватным отбором целей и задач. Позитивный образ «я» связывается с когнитивными усилиями по разрешению проблемных ситуаций, положительными эмоциями, самоконтролем, максимальным использованием внутренних ресурсов для выполнения задачи, активным научением. Люди с позитивным представлением о себе «видят» больше альтернатив, более эффективны в реализации поставленных задач. Напротив, те, у кого сформировалась негативная самооценка, менее склонны к риску, научению, у них преобладает потребность продемонстрировать свою компетентность.

В свою очередь, различия в целях влияют на трактовку информации и событий [135], а также на процесс переработки информации: субъекты с позитивным представлением о себе интерпретируют события в положительном свете. Скорее всего, данное обстоятельство не связано с отрицанием или подавлением, поскольку факты не искажены, а просто трактуются в позитивном ключе. В своей основе это адаптивное поведение. Поскольку двусмысленная информация интерпретируется благоприятно, акторы верят, что смогут разрешить сложные задачи.

Вполне вероятно, что полученные закономерности применимы и к анализу взаимоотношений государств на международной арене. Позитивные и негативные образы «я» должны влиять на постановку целей, подходы по выработке стратегии, использование в политике системы сдержек и противовесов. Нельзя исключать, что они также влияют и на формирование приоритетов в политике. Логическим выводом может также быть и то, что различия у политиков в представлениях о других приведут к различиям в восприятии своей нации: одни политики могут считать свою страну сильной, другие - слабой.

Образ «я» включает в себя множество концептов, соответствующих различным ролям и ситуациям. Однако представления о себе в целом более сложны. Свой образ легче оценить, поскольку мы лучше знаем себя. Интересно наблюдение ученых по поводу различий представлений о себе и других относительно влияния когнитивной сложности. В частности, П. Линвилл доказывает, что «реагируя на негативный или позитивный опыт, лю-

ди с высокой сложностью я-концепции менее склонны менять самооценку» [98, с. 100].

В работах С. Фиск и Ш. Тейлор [140] зафиксировано, что образ «я» более эмоционально нагружен. По этой причине образ «я» государства должен быть основан на оценках тех же самых характеристик, которые использовались для формирования представлений о других странах, а именно, власти и политического управления, культуры, общественной жизни. Поэтому важный компонент образа «я» связан с постоянной и продолжающейся оценкой «себя» по отношению к «другим».

Восприятие власти и могущества государства относится к числу важных элементов принятия решений. Изучение власти всегда находилось в центре внимания политической психологии. Например, М. Херманн [217] рассматривает ее как мотивацию, потребность. Последние психологические исследования восприятия власти и контроля создают существенную основу для расширения когнитивных трактовок данного элемента в политических представлениях о мире. В зарубежной политической психологии целый ряд исследователей связывают особенности самовосприятия государства с понятиями контроля и управляемости. Остановимся на них подробнее.

Действительно, мы часто слышим: ситуация находится под контролем; это означает, что мы предвидим ее дальнейшее развитие и с большой вероятностью уверены в ее исходе. Примерно в этом же ключе понятие контроля определяют и психологи. Например, А. Джордж отводит ему важное место в концепции операционного кода [144]. Так, один из вопросов, призванных диагностировать систему философских убеждений политика, звучит: Насколько контролируемо историческое развитие? Какова его (политика) роль в движении и формировании истории в желаемом направлении (вопрос Р 4; буквенно-цифровой код вопроса приведен в соответствии с предложенной С. Уолкером системой кодирования текста в соответствии с методикой контент-анализа «Глагол в контексте» (VICS)) [220].

Понятие контроля долгое время считалось важнейшим конструктом в науке о социуме и исследованиях коммуникации. Контроль можно концептуально дифференцировать от власти. В данном случае контроль означает актуализацию власти и результат попытки влияния, тогда как власть обычно относится к

потенциальной возможности индивида или социальной группы влиять, контролировать и принуждать. Человек контролирует другого в той степени, в которой он способен ограничивать следующий поступок партнера при условии, что он действует уместно, логично, последовательно и разумно [60, с. 246]. К. Шерер [114] определяют контроль как вероятность того, что событие можно предотвратить или вызвать, что его последствия могут быть изменены естественным ходом тех событий, о которых известно субъекту. При этом власть рассматривается как вероятность того, что «индивид фактически способен (используя свои собственные средства или с помощью других) повлиять на потенциально контролируемое событие» [114, с. 103].

Осуществление контроля может происходить по-разному в зависимости от особенностей взаимоотношений между партнерами. Например, можно ожидать, что партнеры уделят больше внимания вопросам контроля, когда они в своих отношениях продвигаются от «случайного к датированному соглашению» [82, с. 349]. Так, например, официально заключенные, но не ратифицированные договоры не позволяют государствам контролировать развитие обсуждаемой ситуации (например, США не ратифицировали договор о всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия). Значит, мировое сообщество вряд ли сможет эффективно контролировать данную ситуацию.

Вместе с тем, необходимо учитывать и определенные различия между ощущением или иллюзией контроля, а также реальной властью над ситуацией. Иллюзии связаны с образом «я» субъекта. Хотя большинство людей являются оптимистами, демонстрируемые ими иллюзии в тех или иных образцах мышления имеют отношение к их собственным характеристикам, вере в личное мастерство и, скорее, отражают беспокойство по поводу будущего, чем просто позитивный взгляд на мир в целом. Иллюзия контроля как составная часть представлений людей о своих качествах - это утверждение субъекта о том, что позитивный результат будет достигнут не сам по себе, а исходя из собственных способностей. Психологи утверждают, что иллюзии контроля - это часть нашей повседневной жизни, любой ситуации, в которой человек, по выражению Ш. Тейлор [236, с. 30], сталкивается с выбором, разрабатывает стратегию действий,

размышляет о решении проблемы, которая неопределенна с точки зрения ее прогнозируемости в будущем.

Чтобы поверить в свою власть, необходимо идентифицировать ее инструменты. В этой связи понятия контроля, позитивных иллюзий важны для понимания психологической природы обсуждаемого явления. Дело в том, что люди, обладающие позитивной я-концепцией по описанию Ш. Тейлор, верят в свои способности разрешить проблему, которая еще не идентифицирована. В международных отношениях данная тенденция проявляет себя в том, что восприятие обычно идет дальше простого видения своей страны как более могущественной по сравнению с другими: восприятие направлено на идентификацию тех субъектов, кто способен использовать власть и систему сдержек и противовесов. Когда наблюдается тенденция оценивать двусмысленную информацию позитивно, процесс «научения» при получении негативной информации не прекращается. И иллюзия контроля часто приводит людей к непосредственному разрешению ситуации или предотвращению неблагоприятных последствий. В результате на стресс скорее возникает конфронтационная, а не подавляющая реакция.

Взаимосвязь между понятием контроля и я-концепцией довольно сложная. Она крайне важна для самооценки: наше сознание выработало ряд стратегий для поддержания или компенсации утраты контроля над окружением, событиями. В частности, рассматривая исследования в области контроля или его утраты, С. Фиск и Ш. Тейлор [140, с. 107] пришли к выводу, что у людей существует тенденция к поддержанию или восстановлению контроля над событиями, особенно когда они попадают в ситуацию угрозы. Реактивное сопротивление - еще один способ «ответа» на утрату контроля. При этом люди гневаются, демонстрируют враждебность или пытаются изменить свое восприятие ситуации, переоформляя ее в сознании таким образом, что утрата контроля над ситуацией становится более привлекательной. Это наиболее распространенная реакция. И наоборот, люди могут становиться беспомощными; вместо попыток обрести вновь контроль над ситуацией, они подчас не предпринимают даже минимальных усилий, чтобы изменить сложившиеся обстоятельства.

Вместе с тем мы не стремимся контролировать «все и вся». Более того, контроль нежелателен, если перспективы неудачи весьма велики или в том случае, когда усиление контроля способно негативно изменить наш образ в глазах окружающих. Усиление контроля в подобных ситуациях, скорее, сопровождается негативными эмоциями, особенно тревожностью. Так или иначе, отношение к контролю в значительной степени зависит и от индивидуальных различий.

Восприятие контролируемости, управляемости ситуации со стороны других также важно для изменения образа. Мы формируем представления о возможных действиях других путем оценивания их намерений, и данная оценка связана с представлениями о том, насколько «другие» обладают возможностью контролировать ситуацию, какие у них для этого существуют ресурсы. По мере того, как изменяются образы своего и другого государства, восприятие степени управляемости ситуацией «другими» будет выступать в качестве важного элемента, влияющего на наши негативные суждения в данный период времени и при данных обстоятельствах.

М. Коттам выделяет еще одну научную сферу, связанную с важностью контроля над ситуацией, ее «управляемостью»: эти различия обусловлены культурными особенностями [117, с. 12]. Потребность в контроле и влияние недостаточного уровня контроля или властных полномочий на поведение меняются в зависимости от индивидуальных различий, некоторых эффектов контекста, а также простых ограничений, связанных с ожидаемыми позитивными последствиями «владения» ситуацией. А как меняется потребность в контроле внутри различных культур? Ряд аргументов подчеркивают, что она - продукт западных культурных ценностей; но данный термин не следует обобщать слишком широко - больше, чем в потребности контроля люди нуждаются в предсказуемости развития ситуаций, предсказуемости действий, поступков. В частности психологом Г. Хофстедом наряду с другими психологическими измерениями культуры было выделено измерение **избегания неопределенности**. Культуры с высоким уровнем избегания неопределенности (страны Латинской Америки, Африки, Ближнего Востока, Греция, Бельгия, Франция, Испания, Япония, Корея и др.) имеют очень низкий уровень толерантности к неопределенности, что

выражается в высоком уровне тревожности и тенденции к агрессивному поведению. Культуры с низким уровнем избегания неопределенности (Дания, Великобритания, Гонконг, Ямайка, Сингапур, Ирландия и др.) имеют более низкий уровень стрессов, принимают разногласия в своей среде и характеризуются большей склонностью к риску [44, с. 58-59].

В разных исследованиях потребностям в контроле и определенности отводится то первое, то второе место [112]. При этом концептуальное различие между терминами остается не вполне ясным. То же самое можно сказать о соотношении понятий «контроль» и «предсказуемость». Так, Э. Мартин и С. Миллер доказывают, что концепция предсказуемости не является заменой контролю [112, с. 355, 359], подчеркивая, что в некоторых обществах в определенных ситуациях (голод, нищета, перенаселение) потребность в контроле над ситуацией как бы устраняется самими обстоятельствами и заменяется следующей из подобного ряда потребностей - борьбой против случайности, предсказуемостью.

Подобная модель, вероятно, также может присутствовать в международной политике. Так, рассматривая в исторической перспективе так называемый «конфликт между Севером и Югом» [52], можно увидеть, что те годы, когда Юг критиковал Север за поддержку империалистической системы, которая губительна для экономики и системы власти Юга, были как раз тем периодом, когда Юг ощущал себя «сильным»: рост национальных движений, усиление контроля за национальными ресурсами, рост власти и влияния стран ОПЕК. Впоследствии спор между Югом и Севером гораздо реже присутствовал в международном дискурсе отчасти потому, что как информационный повод он отошел на второй план. Международное поведение государств Юга соответствовало паттерну проигравшей стороны: они «пошли на поклон» промышленно развитым государствам Севера в связи с растущими финансовыми задолженностями. Вероятно, практическая значимость данной модели находится в тех пределах, в каких Юг находил возможные альтернативы решения своих проблем, реализовывал механизмы достижения своих целей и «творческий подход» к ресурсам власти, когда его потребности контроля были достаточно высоки (60-е-70-е годы). 80-е годы больше соответствовали обсуждавшейся ранее модели

беспомощности, растерянности при ощущении утраты контроля за развитием ситуации. Вполне возможно, что в настоящий период после окончания холодной войны прежние образы «я» и «других» возникнут вновь независимо от культурных различий, разочарований в прошлом, особенно если восприятие степени подконтрольности Северу будет уменьшаться. С другой стороны, после трагических событий в США в сентябре 2001 г. мы видим, что данный конфликт скорее переоформляется в рамках борьбы с международным терроризмом, источник которого, прежде всего, находится в странах мусульманского мира.

В связи с тем, что на формирование образа влияет множество факторов, которые включают характеристики самой личности, процессы социализации, взаимодействие участников международных отношений, многочисленные явления окружающего мира, вероятно, можно описать множество образов, существующих во взаимоотношениях государств. По меньшей мере, должно существовать столько государств, сколько и образов. Более того, одно государство может быть категоризовано по нескольким основаниям. Явление множества идентичностей в научном мире уже давно считается «в порядке вещей». С. Страйкер и Р. Серп [прив. по 250, с. 29-30] определяют идентичности личности как более или менее дискретные части усвоенных символов, которые отражают участие личности в структурированных ролевых отношениях, подразумевая, что человек имеет столько идентичностей, сколько ролевых отношений. Однако государства вряд ли используют всю имеющуюся информацию: включается процесс категоризации, в результате которого многие государства будут отнесены к одной категории.

Попытки разработки типологии национальных образов немногочисленны, но весьма емкие по своему охвату. Например, К. Холсти [157] выделил семнадцать национальных ролевых концепций, М. Коттам [115] предложила семь. Различие в подходах связано с тем, что типология К. Холсти выведена индуктивным путем, а у М. Коттам - на основе дедукции. Типология на основе индуктивной логики - чрезвычайно сложный процесс, поскольку трудно осмыслить и понять все многообразие и богатство человеческой культуры. Тем не менее, на основе данных опроса из 71 страны типология К. Холсти действительно учитывает многие нюансы. Среди предложенных им концепций на-

циональных ролей можно назвать следующие: оплот революционного освобождения; региональный лидер; защитник; сторонник независимости; оплот антиимпериализма; защитник веры; посредник-объединитель; преданный союзник; защитник мира, антиревизионист; сионист; пособник распространения коммунизма.

В свою очередь, типологии, основанной на дедуктивной логике, свойственна произвольность, у нее нет эмпирической поддержки со стороны кросс-культурных исследований. Логическая грань, проводимая М. Коттам между союзниками, врагами и нейтралами, зависимыми и независимыми государствами может и не иметь смысл для определенных обществ. Тем не менее, ее аргументация, связанная с тем, что для выработки той или иной политики государственным деятелям психологически необходимо отнесение государств к определенным категориям (процессы категоризации), представляется весьма важной.

Подход К. Холсти позволяет нам в деталях изучить степень согласованности между любыми двумя ролевыми концепциями: нам потребуется более сотни «микросравнений», если выбрана дедуктивная (универсальная) модель и подход ученого верен. Типология М. Коттам гораздо проще, но ей недостает контекста, в котором конкретный концепт (врага, союзника) может быть осмыслен в культурном, историческом (кроме когнитивного) контексте. Ее типология ближе изучению международной организации в том смысле, что в ней присутствуют концепты образов «я» и «других». Оба исследования можно назвать инновационными; а предпочтение какого-то подхода - право выбора самого исследователя.

Как осуществляется выбор «нужного» образа? Интересное объяснение поведения в международных отношениях приводят Дж. Марч и Дж. Олсен [191]. Они предложили модель политического поведения, которую резюмировали как «логика пригодности, уместности». Участники международных отношений, следуя логике уместности, не исследуют свои цели и предпочтения, подсчитывая, какой курс действий обеспечит большую полезность. Они придерживаются следующей последовательности действий:

- 1) определяют, к какому типу относится данная ситуация;

2) пытаются ответить на вопрос «кто я?», а именно, какова моя роль в обществе или какая из множества моих ролей наиболее уместна в сложившейся ситуации;

3) насколько уместен тот или иной образ действий в сложившейся ситуации.

Интерпретация поведения в качестве направляемого правилами, существующими в данной системе, согласуется с возможностью того, что в сложившейся ситуации актер должен делать выбор между разными правилами. «Сильные» когнитивисты подчеркивают зависимость государственных идентичностей и знаний от международных институтов и связывают формирование и поддержание данного международного режима с установленными идентичностями [151, с. 156-157].

2.3. Государства на международной арене: «я» и «другие»

Второе утверждение Д. Блэни связано с тем, что образ «я» государства нельзя рассматривать вне контекста, образуемого присутствием других государств, их взаимодействием, а также внутривнутриполитическим дискурсом.

Сильные когнитивисты при оценке «власти легитимности» в международных отношениях рассматривали солидарность государств как тот факт реальности, который «работает на самоосмысление, формирует чувство «мы» [111, с. 335]. Поэтому заинтересованность государств в существовании международной системы не сводится к реализации только своих интересов, так как преследование индивидуальных интересов (как это определяют сторонники теорий рационального выбора) предполагает государственность, а государственность зависит от членства в сообществе государств. В этой связи, на наш взгляд, представляется перспективным в научном плане рассмотреть взаимодействие государств как функционирование социальной организации.

Организация может рассматриваться как ряд процедур, посредством которых ее члены преследуют достижение согласованных целей путем контроля над состоянием неопределенности. Ученые, занимающиеся исследованием когнитивных процессов, наоборот, рассматривают организацию как процесс, который должен постоянно совершенствоваться, иначе он прекра-

тится. Таким образом, организация существует скорее во времени, чем в пространстве. В ней возникают свои причинные зависимости: через организацию как процесс люди придают смысл окружающему миру. Вероятно, данное обстоятельство приводит к мысли о том, что организация по своей природе - это такая система, которая является результатом обсуждений. К ней приходят в результате переговоров, достигнутых договоренностей. В организации существуют различные виды деятельности, связанные с созданием, принятием и **рутинизацией** определенных ролей.

Следовательно, в центре исследования должен находиться процесс взаимодействия индивидов. Индивиды выступают в качестве потребителей, распространителей и перцепиентов информации, связанной с ролевыми ожиданиями, мысленными образами, которые выражаются в понятных им терминах, обусловленных культурными основаниями и взглядами о мире. Организационные системы, состоящие из интерактивных процессов между подсистемами когнитивных структур, возникают в той мере, в которой неконгруэнтные ролевые ожидания получают обратную связь и вызывают необходимые корректировки и «подгонки» в когнитивных структурах. Соответственно, взаимодействие между когнитивными структурами индивидов является предварительным условием организации.

Чтобы взаимодействовать друг с другом, индивиды должны иметь мотивацию. Интуитивно источником мотивации можно считать «свой интерес» (или национальный интерес для международной организации). Вместе с тем успех деятельности организации будет весьма скромным, если участники процесса взаимодействия просто соглашаются по поводу необходимости действий, а логическое обоснование вступает в противоречие с этим. Таким образом, подход к организации как к процессу поиска общих для всех участников причинных взаимосвязей выходит за рамки внешней координации поведения и изучает степень согласованности различных представлений о мире. Можно предполагать, что когда осуществляется процесс организации, участники не только защищают свои интересы, но и удовлетворяют те мотивационные побуждения, которые придают смысл концепциям интереса, а также преследованию самих этих инте-

ресов. Эти потребности необходимо рассмотреть более детально.

Рассматривая психологические процессы международной организации, Чи-ю Ши подчеркивает, что [223, с. 41] индивиды должны «понять» мир до того, как узнают, как в нем нужно вести себя. Придание смысла тому, что происходит в мире, предполагает существование взглядов, представлений о порядке, «нормальных» взаимоотношениях между людьми и вещами, своей роли в нем. Высшая мотивация поведения человека - найти для себя защищенную нишу в том, что он считает правильным устройством мира, то есть достичь состояния самоактуализации, которая связана со значимостью собственной личности, самооценкой, я-концепцией, идентичностью или самоэффективностью [143]. Хотя перечисленные понятия и имеют несколько отличающиеся значения, все они группируются вокруг установления устойчивых взаимоотношений между личностью и окружением. Люди ведут себя в соответствии с тем, во что они верят. Чи-ю Ши отмечает, что взгляды людей на мир управляют их предчувствиями, ожиданиями и, следовательно, их восприятием [223, с. 42]. Люди ведут себя так, как будто их образы верно отображают мир в их сознании и как будто другие люди, их окружающие, понимают и принимают такой взгляд на мир. Таким образом, организационные процессы связывают людей путем формирования воображаемого целого.

Индивид ведет себя так, чтобы утвердиться в своем мировосприятии. Последнее определяет отбор информации, ее запоминание и использование. Субъект ожидает, что другие будут вести себя в соответствии со своими представлениями и избранными ролями. Как следствие, в процессе функционирования организации «другие» рассчитывают на понимание и принятие своих взглядов и, таким образом, самоутверждаются. Следовательно, процесс организации создает чувство значимости «я» через взаимодействие с представляемым окружением. Рассматривая организацию как процесс самоактуализации, мы можем прийти к пониманию того, что одни государства вступают в процесс «общения», взаимодействия с другими ради самого взаимодействия. Присоединение государств к тем или иным организационным процессам может не быть связано с достижением значимых целей. Они могут пойти на это потому, что поли-

тические лидеры не могут преодолеть искушение быть принятыми, признанными, известными. Психологически важно поддерживать впечатление своей включенности в процесс международной организации. Подключаясь к деятельности организации, лидеры государств ведут себя так, как будто значительно улучшили ее работу (даже если в действительности этого не происходит). Отсюда и чувство своей миссии, значимости. Вследствие этого, усилия по организации международных отношений могут привести к противоположному результату. Последнее связано с тем обстоятельством, что факт активного участия в международной организации и взаимодействия государств не гарантирует обеспечение процесса взаимопонимания, взаимной адаптации, «приспособления». Напротив, организационные усилия могут помочь понять, насколько бесперспективны подчас трактовки реальности. Традиционный подход признает, что организационные усилия могут потерпеть неудачу, но не рассматривает возможность «дезорганизирующего эффекта» самих организационных усилий. В особенности это касается тех ситуаций, когда субъект верит, что у организации существуют свои конкретные цели, а участие в ней множества государств неизбежно приведет к ошибочным представлениям, что международные отношения налажены достаточно хорошо. Психология по-своему исправляет данную ошибку, подчеркивая, что организация - это следствие, а не начало.

Мир действительно становится более упорядоченным, организованным, когда участники процесса приходят к согласию по поводу того, какие причины вызывают те или иные события, что было не правильно и как восстановить правильный порядок. Общая интерпретация событий усиливает изначальные представления субъекта о себе. То есть деятельность организации определяют не ее административная структура, а разделяемые значения, смыслы. И это составляет психологическую функцию организации [223, с. 42].

Поведение коллективных участников организационного процесса также можно рассмотреть с точки зрения когнитивной перспективы. В данном случае объектами изучения становятся лидеры коллективного участника международных отношений: от имени группы они ищут информацию, подтверждающую значимость группы и создающую для ее членов чувство значимости

в целом и для себя в частности. Данная цель может быть достигнута путем создания позитивного чувства коллективной идентичности или уклонения от ситуаций, связанных с негативными эмоциями. В рамках каждой группы как подсистемы организации существуют конкурирующие ролевые представления и взгляды на окружающий мир. Поэтому лидеры по-разному видят один и тот же организационный процесс, и научный интерес может быть связан с поиском доминирующих позиций по тем или иным вопросам.

Возможность создать эффективно действующую наднациональную организацию зависит от различий в силе образов, по-разному реализуемых в жизни в качестве самовыражения национальных лидеров. Если указанные различия корректируются путем получения обратной связи от окружения, то происходит их изменение, и в ходе дальнейших переговоров возникает более высокий уровень развития организации. В данном смысле изучение международной организации - это исследование тех процессов, в ходе которых ведущие национальные лидеры разных стран стремятся установить общее понимание причин и следствий, а также стратегий реагирования на те или иные события в мире. Вполне возможно, что к общему пониманию причин прийти очень трудно, и многие организационные усилия в международных отношениях отражают, в лучшем случае, параллельное существование многих несовпадающих точек зрения.

Если рассматривать организацию как процесс, в котором ее участники приходят к общей трактовке событий и явлений, ученые выделяют ее четыре основные характеристики [223, с. 43].

Во-первых, среди участников и не-участников организационного процесса нет дифференциации по правовым основаниям. Скорее, дифференциация между ними проходит на основании ролей, исполняемых субъектами в процессе взаимодействия, в результате которого они приходят к общей интерпретации происходящего. В структуре информационного потока ее участники дифференцируются относительно ролевых характеристик, таких как потребители, распространители, перцепиенты информации. В противоположность тому, что отмечали сильные когнитивисты, сторонники концепции о «власти легитимности», правовые основания членства в организации не гарантируют развитие самого организационного процесса. То есть формаль-

рассмотрены в разделе данной главы, посвященной изменению образов.

Организация - процесс взаимного приспособления. Данный процесс подразумевает приспособление не только когнитивных структур, но и последующего поведения. Иначе говоря, различия во взглядах (или понимании причин) подлежат пересмотру для приспособления друг к другу. Взаимное приспособление - необходимый элемент организации, без него организационный процесс по определению недостижим. Выработка общих моделей поведения - естественный результат формирования разделяемых «другими» взглядов на мир.

Наконец, весьма важно и то, что организация, как подчеркивалось ранее, - это процесс самоактуализации. Поскольку организация определяется как процесс, посредством которого лидеры различных государств обретают разделяемое понимание причин, успех организационных процессов делает мир более понятным, и психологически более устойчивым. При этом национальные лидеры находят подтверждение не только собственной я-концепции, но одновременно формируют чувство своей значимости, поскольку смысл взаимодействия государства с другими участниками международной системы может быть инкорпорирован в новые представления о мире. В дополнение к тому, что в ходе подобных процессов мир делается более «прочувствованным», ощущаемым, политики от имени государства вносят свой вклад в разработку общих подходов, трактовок, установление общего понимания происходящих событий. Только включившись в организационный процесс, нация «принимается» другими участниками взаимодействия. Признавая право на существование альтернативных точек зрения у других стран и народов, государственные лидеры и рядовые граждане подтверждают значимость своей нации для других государств. Таким образом, включенность в формирование наднациональной организации дает свои психологические вознаграждения.

Трагедии в Нью-Йорке и Вашингтоне в сентябре 2001 года дают эмпирическое подтверждение и данному постулату. Борьба с терроризмом долгое время не признавалась как значимая для международной организации, оставалась внутренним делом самих государств, трактовалась в контексте другой парадигмы. Так, как правило, действия России в Чечне оформлялись в рам-

ках нарушения прав человека. Россия фактически была исключена из формирования общего смыслового пространства по данному вопросу, не имела возможности участвовать в организационном процессе. Теперь такая возможность появилась. Как отмечает директор института США и Канады РАН С. Рогов, «если Россия и США приходят к выводам, что у нас есть общий противник, - значит уже возникает возможность и даже необходимость налаживать механизмы сотрудничества» [15]. Обращают на себя внимание и заявления посла США в России А. Вершбоу относительно чеченской проблемы: «... понимая, что эта проблема чрезвычайно сложна, мы с сочувствием относимся к россиянам и руководству России» [63]. Фактически сложившаяся ситуация создала условия для того, чтобы голос России был услышан. Последнее, несомненно, позитивно сказалось на самооценке государства, стремлении повысить свой статус, по меньшей мере, достигнутый.

Таким образом, психологическая перспектива понимания сущности организации не предполагает наличия изначально заданных целей, которые должны достичь ее участники [223, с. 45]. Скорее, она исходит из существования несовпадающих целей в самом начале организационного процесса. Поэтому функция организации состоит в обеспечении возможности примирения разногласий, в возможности найти приемлемую трактовку, сформировать рамочное видение вопроса, а не направить поведение конкретного государства в русло заранее оговоренных принципов.

Во-вторых, центр исследований смещается с вопросов взаимодействия между организацией и ее членами на взаимодействие между государствами как участниками конкретного организационного процесса. Задача международной организации состоит в том, чтобы создать своеобразную информационную карту реально существующих причинных связей, а не предполагать, что они уже существуют.

В-третьих, с точки зрения психологической перспективы больший интерес представляет то, как организация, рассматриваемая в качестве процесса, влияет на поведение стран-участниц. Обычно политологи больше заинтересованы в исследовании влияния политического поведения стран-участниц на функционирование организации. Например, эффективность дея-

тельности ООН в зависимости от деятельности других государств; европейская интеграция как функция внутренней и внешней политики государств. По мнению Чи-ю Ши [223, с. 45], психологическая перспектива не связана с потребностью изучения функционирования организации, так как не существует заранее определенных для достижения целей. Прежде всего психологов интересует переговорный процесс, в ходе которого возникают общие причинные связи между государствами, центр внимания – на преемственность и изменения поведения государства, а не на преемственность и изменения в поведении самой организации.

В-четвертых, по указанным выше причинам с точки зрения психологов международная организация скорее рассматривается как следствие взаимодействия, а не отправная точка для следования сформированным нормам поведения. Другими словами, организация не рассматривается как фактор ограничения поведения государства и как исходная точка исследования. Например, психологическая перспектива не связана с вопросами, как та или иная сверхдержава вырабатывает международные нормы поведения для других государств, как экономическая взаимозависимость государств европейского сообщества накладывает определенные ограничения на взаимодействие европейских стран. Психологический интерес связан с тем, как различным государствам удается или не удается примирить, согласовать различные взгляды в ООН, Совете Европы, как и в чем государства видят свою взаимозависимость, как приспособляются к интересам друг друга.

Однако научное изучение организации подчас не включает исследование того, как представления о мире, причинные зависимости, ожидания и перцепции отдельных государств изменяются в ходе конкретного процесса организационного взаимодействия. На интуитивном уровне мы можем полагать, что если организационные усилия не удалось, то, может быть, не было оказано никакого влияния на представления о мире самих стран-участниц. Постоянство политического курса тех или иных государств действительно позволяет объяснить издержки и неудачи организационных усилий. Вместе с тем организационный процесс как процесс научения стран-участниц получает недостаточно внимания со стороны исследователей. А психологический

подход, рассматривающий организацию как обмен информацией и как собственно организационный процесс, может изменить взгляд на проблему интерпретации причин странами-участницами независимо от того, насколько были успешны сами организационные усилия.

Организационная перспектива позволяет по-своему определить я-концепцию государства с точки зрения взаимодействия данного государства с другими участниками международных отношений.

Существующие представления о роли своего государства в мире крайне важны для изучения международной организации. Учитывая анархическую природу международной политики (т.е. тенденции рассчитывать только на свои силы), государства не могут функционировать без выдвижения в качестве своих национальных интересов тех или иных приоритетов. Понятие национальных интересов не является вполне ясной научной концепцией. Различные государственные деятели подчас по-разному представляют национальные интересы. По этой причине государственная идентичность является важной отправной точкой, которая направляет формулировку национальных интересов государственными деятелями. Действительно, мир становится осмысленным, когда мы интерпретируем явления действительности, и поведение «других» на основе совпадения ролевых ожиданий и восприятия поведения, а также через реализацию той или иной политики, которая предполагает существование ожиданий. Так выстраиваются причинные зависимости, связи.

Влияние концепций и представлений о национальной роли на международные отношения давно признано политическими психологами [249]. Последние научные публикации рассматривают представления о государственной я-концепции как один из возможных источников мотивации в международной политике [183], [232]. Исследования реальных ситуаций демонстрируют, как ролевые концепции влияют на формирование политического курса.

По мнению Чи-ю Ши, ролевая я-концепция должна включать три элемента:

- 1) описание понимания миссии своего государства, нации в мире;

2) конкретные представления о межгосударственных отношениях;

3) представления о достижении стабильности в мире.

Данную схему предлагается дополнить анализом вертикальной и горизонтальной составляющих роли [223, с. 48].

Роль государства может иметь два измерения. Так, в своем **вертикальном измерении** она приобретает содержание путем апелляции к славе и доблести в прошлом или многообещающим перспективам в будущем. В **горизонтальном измерении** происходит ее актуализация через взаимодействие с другими ролями участников международных отношений. Если государственная идентичность не подтверждается в одном измерении, тогда, чтобы обеспечить чувство значимости существования, затрачивается больше энергии на другое. Полная концепция роли включает в себя оба этих измерения, но при реализации роли в специфическом контексте одно из них всегда становится более важным, чем другое.

Вертикальное измерение предполагает локализацию я-концепции во времени: прошлом, настоящем или будущем.

Политический деятель может видеть роль своего государства в прославлении прошлого. Он также может прийти к выводу, что определенные исторические события подлежат пересмотру и просто отвергнуть их трактовку. Прошлое государства обычно включает разнообразный опыт. Важно конкретизировать, что из прошлого принимается как определенный успех, а что связано с двусмысленными интерпретациями. Редко кто из государственных деятелей полностью отказывается от прошлого страны (даже революционеры). Вместе с тем, данный вопрос связан с многочисленными эмоциональными проявлениями: взаимными обидами, враждебностью.

Выбор связей государства с прошлым может принимать крайние проявления. Обращение государственного деятеля к прошлому в поисках идентичности, с точки зрения вертикальной составляющей, означает, что дипломатические усилия не удовлетворяют ролевую я-концепцию в горизонтальном измерении. Государственный деятель вынужден проецировать прошлое в будущее. Он также стремится трансформировать настоящее в рамках традиций «славного прошлого».

Настоящее часто концептуализируется в качестве переходного периода. Для решения возможных проблем в будущем приходится чаще подчеркивать связь государства с настоящим. Государству, которое обретает чувство своей значимости на основе текущего исторического периода, приходится достигать самореализации в рамках горизонтального измерения ролевой идентичности, т.е. в процессе взаимодействия с другими государствами. Очевидно, что это дипломатия тех государств, которые удовлетворены своим международным статусом и, следовательно, стремятся его поддерживать. Политическое руководство может акцентировать и постоянно обращаться к настоящему для развития страны, так как государство может и не иметь «привлекательного прошлого» или иметь весьма смутные представления о том, как должен быть устроен мир в настоящем. В подобных случаях политический истеблишмент бережно относится к своему настоящему и пытается интегрироваться в актуальную международную ситуацию, чтобы по возможности избежать перемен. Таким образом, как сверхдержавы, так и малые страны стремятся поддерживать статус-кво; для одних важны привилегии, для других - стабильность.

Роль государства в **будущем** связана с определенными надеждами для новых поколений. С учетом отдаленной перспективы государственные деятели нередко стремятся к пересмотру или изменению международного устройства. Когда они высказывают сомнения по поводу легитимности мирового порядка, то недостаточную легитимность связывают с самим историческим развитием. Значимость государства для международного процесса определяется, в том числе, и его приверженностью общим стремлениям изменить мир ради справедливого будущего. В этом случае конфигурация будущего рассматривается в зависимости от относительных возможностей государств в настоящем. Как бы там ни было, без мыслей о будущем жить нельзя и возможное будущее мироустройство должно присутствовать в «настоящих» представлениях стран и народов.

Горизонтальное измерение ролевой я-концепции государства предполагает взаимодействие с другими участниками международных отношений, а точнее, с их ролевыми концепциями.

Национальные политические лидеры утверждают ролевою я-концепцию своего государства через **взаимодействие с дру-**

гими странами. Взаимодействие осуществляется не только с соседними государствами. При этом взаимоотношения с сильными державами, влияние которых простирается далеко за их границы, имеют особый характер. Концепции национальных ролей предполагают идентификацию «хороших и плохих» государств, т.е. дают представление о том, с какими государствами можно бороться за свои приоритеты, а с кем - лучше воздержаться от противодействия. Если государство бросает вызов другой стране, тогда это может свидетельствовать в пользу серьезности его намерений по реализации провозглашаемых целей и задач. Развитие мирного сотрудничества с сильными государствами подразумевает принятие существующего статус-кво, если миролюбивую дипломатию не омрачают какие-то скрыто вынашиваемые намерения о переустройстве мира.

Географическая близость предопределила несколько моделей **взаимодействия государств-соседей.** При этом концепции роли государства обычно менее абстрактны. Зародившаяся враждебность может продолжаться в течение многих поколений даже без каких-то значимых политических или идеологических разногласий. В качестве примера могут быть приведены отношения России с некоторыми республиками бывшего СССР, например, прибалтийскими государствами. Вместе с тем, дружественные отношения между государствами-соседями могут сохраняться и при наличии таких разногласий, которые бы могли привести к осложнению отношений с другими государствами. Подтверждение данного положения можно также найти во взаимоотношениях России с бывшими советскими республиками, например, с Грузией. Соседние страны являются самыми «удобными» для дипломатического влияния и утверждения своей концепции. Последнее особенно справедливо в свете концепции «симбиоза с соперником». Данное явление работает на осознаваемом уровне в направлении усиления предубеждений. Мы не такие, как «они» - наши соперники, но чем больше мы их стереотипизируем, тем больше бессознательно ощущаем свое сходство, так как «они» как бы концентрируют у себя те качества, которые мы не хотим иметь у себя. Таким образом, возникает замкнутый круг, который, дистанцируя нас от соперника, в то же самое время связывает нас неразрывной цепью, мы не можем существовать без него. А кто как не наши соседи одновременно

похожи и отличаются от нас? Взаимодействуя с ними, мы тем самым интегрируем наши положительные и отрицательные характеристики, а значит, подтверждаем свою я-концепцию. Изменение исторически сложившейся практики взаимоотношений с соседями «сигнализирует» об изменениях представлений о мире и концепции национальной роли.

Практическое значение вертикального / горизонтального измерения национальной роли государства связано с тем, что поиск государствами своей идентичности в прошлом или будущем связан с их неспособностью к самоактуализации в горизонтальном измерении, то есть в реальных взаимоотношениях с существующими государствами. Таким образом, государства, которые «ищут» обретение идентичности в прошлом и будущем, не могут быть активными субъектами организационных усилий. Более того, они могут противодействовать этим усилиям. Усилия международной организации направлены на поиск «своей» аудитории из числа государств, которые принимают сложившийся статус-кво.

С другой стороны, подобная дихотомия помогает упростить анализ степени конгруэнтности различных концепций национальной роли. Государства, стремящиеся обрести новую идентичность через прошлое или будущее, недоступны для организационных усилий тех «других», которые принимают существующий статус-кво. В процессе общения с другими государствами они вряд ли будут апеллировать и к «одному и тому же» прошлому и будущему.

До настоящего момента мы обсуждали роль международного сообщества и включенности в него или изоляции от него анализируемого концепта государства. Однако, обращаясь к работам Д. Блэни, мы обнаружим, что я-концепция государства - это функция как внешней, так и внутренней политики.

Например, идентификация государства в качестве ядерной державы, как отмечает С. Сэйган [219], во многом является результатом деятельности внутриполитических акторов. «Внутриполитическая модель» приобретения ядерного оружия, а значит, и статуса ядерной державы со всеми вытекающими последствиями, представляет ядерное оружие в качестве политического инструмента, используемого для достижения узких внутриполитических и бюрократических интересов [219, с. 55]. С. Сэйган

тронной станции раннего обнаружения; 3) политика контроля в области экспорта ядерных технологий ФРГ, которая в течение нескольких лет была несовместима с режимом нераспространения. В каждом из приведенных случаев правительства, влиятельные круги административного аппарата или военные стремились принять меры, или уже шла практическая реализация политического курса, который нарушил бы (или уже нарушал) базовые нормы международного режима. Г. Мюллер обнаружил, что в каждом случае установленный международный режим «мешал» тем силам внутри стран, которые стремились обеспечить себе преимущества за счет нарушения договоренностей. Ученый приходит к общему выводу, что «режимы оказывают давление на правительства (даже когда они оставляют за собой право на их нарушение). Они не только направляют поведение государств (выработка других альтернатив - весьма дорогостоящее мероприятие); сам факт существования режима выступает дополнительным «бременем доказательства» его оппонентам».

Три результата исследований Г. Мюллера заслуживают особого внимания. Во-первых, он сформулировал доказательства того, что режимы международного взаимодействия через их связь с международным правом и национальными правовыми системами представляют собой серьезные барьеры для потенциальных нарушителей соглашений. Эти барьеры необходимо использовать национальным лидерам для защиты и сохранения существующих договоренностей. Во-вторых, не только сторонники сохранения существующих режимов, но и сторонники смены того или иного политического курса не отказываются от обязательств по выполнению достигнутых соглашений. Существует общее понимание «обязывающего характера» договоров и соглашений. В-третьих, нарушения существующих договоренностей считаются приемлемыми сообществом государств, если они оправданы с точки зрения получивших широкое признание принципов более высокого порядка, но которые будут нарушены при принятии конкретных соглашений. Когда в 1985 г. западно-германское правительство, наконец, признало, что его политика в области экспорта ядерных технологий не соответствует режиму нераспространения, было принято решение о приостановлении соответствующего торгового соглашения. Хотя это решение нарушало уже достигнутые договоренности о поставках, между-

народное сообщество положительно отреагировало на действия ФРГ [151]. Таким образом, изменение политики было одобрено в соответствии с принципами и нормами режима нераспространения ядерного оружия, что рассматривалось чрезвычайно важным для международной безопасности.

Все сказанное выше позволяет понять, что я-концепция не может быть чем-то совершенно произвольным. Установившиеся международные режимы кооперации и взаимодействия создают общий контекст, позволяющий государствам понимать друг друга, говорить на одном языке, приходить к соглашениям, осуществлять совместные действия. По терминологии Х. Абельса, в данном случае проявляет себя **рефлексивное «я»** субъекта [1, с. 38]. Однако существующая практика, полная противоречий, конфликтов и непонимания, заставляет думать о более индивидуализированных проявлениях субъекта, трансформирующих режим в нечто уникально воспринимаемое и интерпретируемое - **импульсивное «я»**. Идентичность государства - сложное взаимодействие, борьба этих «я».

Глава 3. Изменение образов

В теоретических моделях сильных когнитивистов показано, что идентичность государства, определяя его поведение на международной арене, тем не менее, является «зависимой переменной». Мы уже показали, как установившийся режим формирует представления государств о себе и других участниках международных отношений. Однако международная ситуация не остается неизменной. Происходят события, которые оказывают значительное воздействие на национальное самосознание целых государств, а иногда и приводящие к полному переустройству мира. На рубеже столетий такими событиями в XX веке стало окончание холодной войны, а в первые годы XXI века - события 11 сентября 2001 г. в США.

Окончание холодной войны для американцев означало не только трансформацию международной системы. Это был крах всех существовавших взаимосвязей, или, говоря научным язы-

тельно «убеждает». В рамках данной традиции «установка» рассматривалась как аффективная реакция на конкретный объект или символ. На установки влияет изменение точек зрения людей по конкретному вопросу. В соответствии с данным подходом мы предполагаем, что мнения, как и другие привычки, имеют тенденцию к сохранению, если субъект не имеет нового опыта научения.

«Убеждающая коммуникация» дает новую информацию, которая может изменить существующие мнения и эмоциональное отношение к объекту установки. Примут или нет смысл сообщения, зависит от побуждающих мотивов в коммуникации. В качестве побудительных мотивов могут выступать аргументы или причины, основания, поддерживающие вывод, а также предвосхищение вознаграждений за счет изменения точки зрения [181, с. 26-27].

Изменение убеждений может вызывать изменения в поведении того или иного субъекта. Если изменяется поведение, то в этом случае обычно говорят о процессе научения [206]. Остановимся подробнее на роли научения с точки зрения динамики того или иного международного режима, характера взаимодействия.

Научение может принимать две формы: новое понимание политиками социального и политического окружения приводит либо 1) к изменению стратегии достижения оставшихся прежними целей, либо 2) к переосмыслению самого содержания национального интереса, что включает в себя выбор новых целей и поиск соответствующих стратегий их достижения. В ряде случаев ученые рассматривают в качестве примерных эквивалентов терминов «адаптация» и «научение» [146, с. 23, 34] понятия «простое научение» и «сложное научение», принадлежащие Дж. Наю [206, с. 380].

Простое научение использует новую информацию, чтобы адаптировать имеющиеся средства без глубокого изменения задач международной политики государства в системе цели-средства. Участник взаимодействия просто использует другие инструменты для достижения той же самой цели. Сложное научение, наоборот, включает пересмотр и реорганизацию конфликта между средствами и задачами в ситуациях со сложными

причинными связями и приводит к новым приоритетам и компромиссам.

Введение в научный оборот ученым термина «сложное научение» особенно важно для становления парадигмы когнитивизма, так как даже с точки зрения традиционных теорий ничего нет необычного в том, что государства иногда меняют свой стратегический курс для реализации своих интересов. И этот факт достаточно хорошо осмыслен в рамках рациональных подходов к международной политике: государства «учатся», как реагировать на структурные изменения окружения.

При получении новой информации ее нужно «отреагировать» через поведение. Но получаемая информация касается «материального окружения» и не ставит под вопрос цели государств. Следовательно, проблема объяснения, «как сами интересы могут быть переформулированы» [206, с. 373], а в конечном счете, как должен измениться образ «я» и «других» в сознании «субъекта», все еще остается неясной и должна быть разрешена.

В рамках рациональных подходов из-за ряда методологических причин для этого не хватает академического потенциала. Таким образом, очевидная ситуация, когда государства пересматривают свои интересы и меняют приоритеты без изменения в распределении власти и богатства, бросает серьезный вызов рационализму, представляя значительную сложность для объяснения поставленного вопроса с их точки зрения [149, с. 21].

Дж. Най [206] приводит примеры сложного научения в двусторонних отношениях сверхдержав послевоенного периода. В соответствии с его интерпретацией, сотрудничество между СССР и США, особенно «чувствительное» к вопросам контроля за стратегическим вооружением, нераспространения ядерного оружия, стало возможным только после того, как США и СССР изменили первоначальные представления о «пользе» нового вида оружия и механизмах ядерного сдерживания. Обе стороны увидели необходимость в управлении кризисными ситуациями, минимизации опасности эскалации и совершенствовании систем управления и контроля, что могло помочь национальным политикам принимать соответствующие решения. Новая информация о последствиях применения ядерного оружия способствовала выработке новой концепции национальной безопасности, в основе которой лежал парадокс доктрины «взаимного гарантиро-

ванного уничтожения». Совместно обретенное и разделяемое знание позволило признать существование серьезного риска, который мог быть уменьшен за счет новых стратегий сотрудничества в области безопасности.

Другими словами, новая информация хотя и не повлияла на распределение материальных возможностей в проблемных областях, трансформировала так называемую игру с нулевым выигрышем (выигрыш одной стороны обеспечивается только за счет проигрыша другой) в игру со смешанными мотивами, когда обе стороны могут обрести защищенность, безопасность только через сотрудничество. Последующие совместные действия по созданию условий для реализации договоров в области сокращения ядерных вооружений, созданию режима нераспространения ядерного оружия были призваны разрешить ситуацию, связанную с проблемами коллективного поведения сверхдержав. Таким образом, новый режим сотрудничества был ответом на изменения в сознании, мир стал выглядеть другим, чем прежде, но не потому, что это была реакция на изменение материальной среды, которая привела к «новому мышлению».

Стабилизация взаимных ожиданий по проблемам формирования режима взаимодействия может привести к переосмыслению восприятия «своих интересов». В более точной формулировке Дж. Ная [206, с. 400], институционализация международных режимов может 1) изменить действующие процедуры национальных управленческих структур, 2) сформировать представления о возможных новых объединениях основных субъектов для реализации открывающихся возможностей и включения в данные коалиции третьих стран, 3) изменить установки участников через контакты в рамках новых институтов, 4) позволить прийти в процессе регулярных встреч и консультаций к договоренностям по поводу тех средств, которые помогут отделить необходимость решения конкретной проблемы от изменений всей системы политических связей. Таким образом, как только поведение государств «подтверждает» следование выработанным «правилам игры», страны-участники того или иного режима взаимодействия могут перераспределить имеющиеся ресурсы в соответствии с изменившимися ожиданиями. В этом смысле режимы составляют часть политической среды стран-участниц международного взаимодействия; посредством этого они и

вливают на то, как государства формулируют и реализуют свои интересы. Таким образом, научение приводит к отказу от одностороннего политического курса в пользу выработки политических соглашений на многосторонней основе.

Примерно по этой же схеме могут «работать» новые взгляды и убеждения по изменению существующих моделей сотрудничества. В соответствии с новым знанием происходит трансформация соответствующих норм и процедур, и процессы научения разрушают хрупкую ткань налаженного сотрудничества. А поскольку высокая степень институционализации международной системы широко рассматривается как благо в связи с отсутствием центрального руководящего и координирующего наднационального органа во всей системе социальных связей, необходимы дальнейшие исследования возможностей эволюционных изменений режимов сотрудничества. В полной мере это может относиться и к процессам формирования того или иного режима взаимодействия государств.

Как подчеркивает Дж. Най [206, с. 379], «новая информация влияет на сложившиеся ранее убеждения, а они в свою очередь влияют на ее восприятие и интерпретацию. Размеры и точность научения зависят от силы этих убеждений, а также количества и качества новой информации». Но ученый не рассматривает, как оценить устойчивость существующих когнитивных структур и при каких условиях новое знание будет влиять на принятие решений в международной политике. Таким образом, дальнейшее развитие данной проблематики может быть связано с исследованием влияния отмеченных аспектов прежних убеждений и новой информации на процессы научения политического истеблишмента. При этом необходимо учитывать, что на «восприимчивость» новой информации влияют не только прежние убеждения, но и различные структуры власти, которые, по выражению К. Дойча [128, с. 111], в определенном смысле связаны с реализацией возможности «позволить себе не учиться». Вероятно, данный фактор может также рассматриваться в качестве переменной при изучении формирования международных режимов и сотрудничества государств.

Для того чтобы знание имело влияние на формирование режима взаимодействия, политики должны его разделять, должно существовать общее понимание природы необходимых для ре-

шения проблем и возможных средств достижения целей. Взяв это предположение в качестве рабочей гипотезы, П. Хаас [147] и его коллеги исследовали процесс, посредством которого экспертное знание специалистов влияет на принимаемые политиками решения. Так или иначе, исследование роли экспертов в какой-то области знания или проблематики выступает в качестве важного канала, обеспечивающего циркуляцию новых идей от общества к правительству и от одного государства к другому [145], [149, с. 27].

Подобные профессиональные группы обычно имеют общее понимание конкретных проблем и способов их решения. В настоящее время в условиях развития средств массовых коммуникаций, свободного обмена информацией данные группы являются транснациональными. В той мере, в какой знание по той или иной проблеме разделяется сообществом экспертов, оно может выступать в качестве независимого источника научного знания и авторитетного мнения по проблеме. Таким образом, сообщества экспертов выступают в качестве носителей политически ориентированного знания в ситуациях неопределенности и возрастающей сложности понимания мировых процессов.

Стремясь обнаружить логику координации взаимодействия между экспертным знанием и политиками, П. Хаас [149, с. 3, 14, 23] останавливается на трех критериях ситуации, когда знание экспертов может влиять на процесс международного сотрудничества. В частности, он отмечает:

1) высокую степень неопределенности ситуации выбора решения среди политиков. Сложные глобальные проблемы вынуждают обращаться к научно обоснованной информации. Политики обычно осознают, что их знание ограничено, и испытывают потребность в научно выверенных советах. Вместе с тем, когда они этого не понимают, проблемы «застают их врасплох». Необходим кризис, чтобы заставить их искать помощь у носителей экспертного знания;

2) высокую степень консенсуса по решению той или иной проблемы среди ученых. Не может быть выработан сбалансированный подход, если среди ученых нет общего понимания возможности решения проблемы. Когда точки зрения у экспертов различны, проблемы решаются больше политическими средствами;

3) высокую степень институционализации научных рекомендаций. У ученых должен быть доступ к политической власти: чтобы влиять на процесс формирования международных отношений, политики, становления механизмов взаимодействия, они должны стать частью управленческого аппарата.

На основании изучения нескольких конкретных случаев изменения характера взаимодействия государств П. Хаас и Э. Адлер [96, с. 372-385] доказывают, что влияние транснациональных сообществ экспертов на формирование и укрепление режима взаимодействия может быть осуществлено в ходе четырех стадий политического процесса, на каждой из которых экспертное знание самым решающим образом может формировать перцепции политиков, побуждая их принимать те или иные нормы поведения и «правила игры»:

1) инновационная фаза связана с обновлением политического курса. Эксперты влияют на рамочное видение, оформление в сознании спорных проблем. Последующий переговорный процесс обусловлен характером информации, исходящей от экспертных групп. Функция формирования рамочного видения под влиянием экспертных групп изучалась на примере торговых операций в сфере услуг [134], сокращения ядерных вооружений, политики в области китового промысла, защиты озонового слоя Земли [147], защиты природы Средиземноморья [148]. Более того, в ситуациях значительной неопределенности эксперты могут не только успешно влиять на ход обсуждения проблемы, но и помочь государствам идентифицировать свои интересы в конкретной ситуации;

2) диффузия политики. Имея транснациональные связи, эксперты распространяют новые идеи, новые политические инициативы среди коллег в других странах, а они, в свою очередь, влияют на правительства. Процесс диффузии политики был рассмотрен Э. Адлером [95] на примере контроля над процессом ядерного разоружения. По его мнению, американские ученые и специалисты сыграли ключевую роль в международном признании необходимости подобного контроля. Они смогли не только повлиять на свое правительство, но и через советских коллег - на советское. В конечном итоге идеи советского правительства были оформлены в различных соглашениях по контролю ядерных вооружений (известные ОСВ 1, и ОСВ 2). Анало-

гичным образом, Т. Рис-Кэппен [216, с. 186] подчеркивает «транснациональную» связь между сообществом западных экспертов, обозначивших в качестве проблемы вопрос об общей безопасности и «ненаступательных» концепциях обороны, с одной стороны, и ученых Института США и Канады в России, с другой. Ученый подчеркивает, что ряд идей, способствовавших переосмыслению национальных интересов СССР в области безопасности в конце 80-х годов, возникли именно в западном либеральном научном сообществе;

3) **выбор политики.** Выбор политики - самая «политизированная» стадия в данном процессе. В ходе ее весьма трудно оценить последствия влияния транснациональных сообществ экспертов. Тем не менее, все-таки существуют определенные эмпирические доказательства, что они также оказывают влияние и на этой стадии, особенно когда они могут предоставить комплексное решение проблемы в ходе сложных переговоров [95, с. 383];

4) наконец, транснациональные сообщества могут эффективно **поддерживать установившиеся международные режимы** как наиболее оптимальные средства устранения или смягчения проблем, которые и выступили в качестве первоосновы их создания. Таким образом, речь идет о постоянстве политического курса. Влияние транснациональных сообществ экспертов на постоянство политических приоритетов зависит от степени консенсуса среди членов самого сообщества и силы убежденности тех или иных групп в правильности своего выбора. Когда между группами экспертов нет согласия по поводу общего понимания и решения проблемных задач, «их авторитет падает, и субъекты принятия решений меньше обращают внимание на советы» [96, с. 385]. Таким образом, утрата репутации группами экспертов среди политического истеблишмента может привести к негативным последствиям для существования установившегося характера взаимодействия государств.

3.2. Изменение образов: что происходит при разрушении взглядов на мир?

Исследования в области психологии политического познания показывают, что процесс изменения знания включает в себя отказ от устойчивых, фиксированных образов, когда они перестают «работать», и задействование мыслительных процессов постепенного, поэтапного усвоения новой информации до тех пор, пока новые представления не сменят прежние [231]. Холодная война ассоциировалась с ясными мировоззренческими ориентациями, сформировавшимися образами, когнитивными скриптами, схемами и тактиками реагирования на действия оппонента, исходя из принципов взаимного сдерживания [119]. С точки зрения организации процессов мышления, без них когнитивное видение мира не так «результативно», как прежде, при структурировании и организации международной среды.

Действительно, по мнению исследователей, СССР и США превратились в комплементарную пару взаимодополняющих образов задолго до начала холодной войны, так как самоопределение одного государства невозможно без существования другого.

С 1917 года США опасались экспорта революции и коммунистической идеологии. Существование субъективной угрозы было важно для эмоционального компонента национальной безопасности. В основе национальных идеологий США и СССР были заложены революционные действия против монархии, поэтому каждая из сторон боялась контрреволюции. СССР и США рассматривали друг друга в качестве авторитарной угрозы свободам, ради которых и осуществлялась революция. Каждая из революций завершилась формированием сильной централизованной власти. Произошел симбиоз американского антикоммунизма с советским антикапитализмом.

В подсознании каждой нации, по терминологии психоанализа, сформировался опасный образ женщины-совратительницы, которая угрожала переоформить завоевания революционной мускулинности. Боязнь утратить контроль над ходом этой «феминизации» проецировалась каждой из сторон на другую ужасную совратительницу (Сцилла и Харибда).

Рассогласование в образе своей и чужой нации состояло в том, что одна представлялась как идеализированная добрая мать, другая - воплощала «плохую» искусительницу. Психологическая нагрузка этих представлений как для американцев, так и для советских людей была одинаковой.

Можно говорить и о других аспектах комплементарности. Так, Н. Тамаркина [прив. по 229] фиксирует страх дезорганизации и беспорядка у СССР, что находит своего двойника в страхе перед тоталитаризмом у американцев.

СССР, который предпочитал внешний локус контроля, опасался заслужить слишком незначительный внешний авторитет по сравнению с США. Американцы, предпочитавшие внутренний локус контроля, боялись присутствия слишком сильного внешнего авторитета - СССР.

Еще один аспект взаимозависимости был связан с тем, что СССР воспринимал себя в качестве непослушного малолетнего ребенка по отношению к США, которые оказались плохими (злыми) родителями. А США довольно охотно исполняли делегированную им роль «грозных» родителей и одновременно испытывали страх перед родительской властью над СССР, который угрожал их свободе взрослых людей. В сказанном нет противоречия. На уровне бессознательного объект может символизировать очевидные противоположности (как родитель-ребенок в нашем случае). Как писал Г. Стайн [229], не существует полностью согласующихся друг с другом и последовательных культурных ценностей. Россия признавала авторитет царя и новой власти, стремилась к обеспечению своей безопасности и стабильности, с «пониманием относилась» к самоуправлению и свободам казачества. Американцы ценили индивидуализм, опору на собственные силы, равенство возможностей, но испытывали особую приязнь к автократическому стилю руководства в политике и бизнесе. Сходство между СССР и США заключалось в том, что широко разделяемые ценности у одного находили свою противоположность у другого и проецировались вовне как презируемое качество противника.

Еще одна дихотомия между СССР и США была заложена в возрасте. Американцы рассматривали себя как молодую в историческом плане нацию, а СССР - нет. Данное сравнение было применимо и к лидерам государств.

Из сказанного следует, что создание и последующее поддержание образа врага - периодически повторяющийся феномен внутренней саморегуляции большой социальной группы. Из-за подобной взаимосвязи конфликт между группами не разрешается до тех пор, пока внутригрупповая стабильность приобретает-ся за счет межгрупповой враждебности, а знание одной группы о другой формируется и направляется процессом проекции. Подобная динамика между группами - взаимна. Поэтому с точки зрения психодинамического подхода, как, впрочем, и многих других, сложившиеся образы достаточно стабильны во времени и, более того, сопротивляются изменениям, поскольку призваны обеспечивать психологическую целостность их обладателей.

Ученые разных специализаций подчеркивают, что без СССР у США нет «подходящей» стратегической кандидатуры для идентификации врага. Если прошлый образ СССР или то, что от него осталось, еще и присутствует в сознании американских и других западных политиков, то у него, скорее всего, нет точного адреса: СССР не существует на карте, а международные отношения с Россией лишь только начали оформляться в начале 90-х годов.

Вместе с тем, не все образы периода холодной войны являются неэффективными средствами организации сознания просто по причине деклараций о ее окончании. Например, М. Коттам подчеркивает, что ее окончание не обязательно означает наличие веских причин для изменения отношения американских политиков к целому ряду стран третьего мира. А многочисленные «проблемные» ситуации, определявшиеся ранее в рамках терминологии холодной войны (подрывная деятельность, нестабильность, революции) могут рассматриваться по-разному. Но те, что касаются тех или иных аспектов холодной войны (например, конфликт интересов в международной торговле), скорее всего, будут рассматриваться так же, как и ранее. И это подводит к важной научной проблеме - как и почему изменяются представления.

Как отмечалось ранее, образы стран меняются, как только они перестают структурировать мир для субъектов. Через реагирование на меняющееся окружение происходит достижение желаемых целей и предупреждение нежелательного развития событий.

Исследователи, изучающие изменение образа, предложили ряд важных моделей. Реалистическая традиция предполагает, что вовсе не мотивы и идеологические предпочтения направляют внешнюю политику нации, а признание объективных национальных интересов в существующей ситуации. В центре внимания когнитивных теорий также находилось изучение реакций индивидов на крупные события современности (конфликты, военные действия) как источника более поздних убеждений [159], особенностей восприятия зарубежных оппонентов в качестве ключевой переменной, структурирующей точки зрения других [154].

Й. Крюгер [178] и его коллеги доказывают, что когда субъекты получают информацию, которая подтверждает или конфликтует с ожидаемой категорией, то подтверждающая информация усиливает восприятие различий между данной и сравниваемой категорией. Хотя конфликтующая информация может и не игнорироваться, подтверждающая информация аргументирует воспринятые стереотипы по-разному. В частности, исследователи доказывают, что существующие категории «сопротивляются» изменениям, если только существующие различия входящей информации и уже сформированной категории не принимают угрожающий характер.

К. Брювин подчеркивает, что образы не меняются, даже когда их невозможно не изменить. Однако вместо изменения образов меняется интерпретация входящих стимулов. Это могло происходить и с образом врага в лице СССР. Интерпретация информации по СССР, а затем и России менялась, но глубоко травмирующий исторический опыт, который формировал образ врага, не был забыт. Могут создаваться новые категории, в результате которых возникают более утонченные различия между образом врага и другими образами. Однако чувство угрозы, которое ассоциировалось с тем или иным государством, остается. Поэтому в категорию врага с необходимостью будет помещено другое государство. Существующие тенденции обозначают, что происходит эволюция образа.

Таким образом, возникает ряд вопросов, связанных с процессом изменения образа врага в лице СССР/России. На практике американцы наблюдали поведение, которое не согласовыва-

лось с образом врага. В подобном случае изменение образа должно пройти три стадии:

1) сначала воспринимается не согласующаяся с существующим образом информация, которая приспособливается к существующему образу, например, врага и согласующемуся с ним поведению;

2) в данной ситуации припоминание согласующегося поведения должно уменьшаться по отношению к припоминанию несогласующейся информации. Подобная тенденция ожидается потому, что образ врага с необходимостью должен быть связан с агрессивным поведением оппонента. В реальности СССР-Россия достаточно редко демонстрировали агрессивное поведение в форме военного вмешательства. В основном агрессивность связывалась с гонкой вооружений, однако подобные действия нередко рассматривались как носившие оборонительный характер. Таким образом, истинная согласованность такого политического поведения с образом врага достаточно проблематична и легко может быть поставлена под сомнение. Поэтому, как только масса несогласующихся фактов накапливается, наступает следующая стадия изменения образа;

3) стадия формирования нового образа [115].

Таким образом, общим выводом может служить утверждение о том, что отнесение страны через категоризацию к тому или иному образу изменяется, когда субъект восприятия получает неопровержимую информацию, перестающую поддерживать сложившиеся представления. При этом можно выделить и частные закономерности.

Одна из них состоит в том, что чем сильнее образ и чем более значим он для субъекта с точки зрения ассоциирующихся с ним ценностей, тем более он устойчив к изменению. При этом ценностно окрашенный и важный образ становится ключевым фактором в представлениях о себе, самовосприятии и самоосмыслении, люди стремятся утвердиться в представлениях о себе, обрести позитивную идентичность. Данный образ становится крайне устойчивым к размывающим его фактам.

При этом психологические механизмы формирования образов, зависимых и независимых от субъекта других стран, различаются. Зависимый образ других стран подразумевает социальные сравнения, в которых страна перцепиента (или ингруппа)

представляется в терминах превосходства. Таким образом, для изменения представлений о другой стране, обществе субъекту необходимо не только усомниться в превосходстве своей ин- группы (страны, общества), но и признать, что определенные действия в прошлом по отношению к другой стране были опро- метчивы и наносили ей ущерб. И то и другое связано со значи- тельной психологической угрозой для самовосприятия. Не уди- вительно, что многочисленные исследования психологов отме- чают сопротивление индивидов любым посягательствам на представления о собственной идентичности. Например, иссле- дования М. Хиршберга [155] в области политического познания подчеркивают то обстоятельство, что позитивный образ «я» американцев тесно связан с реализуемой США внешней полити- кой. Ученый доказывает, что [155, с. 79] осмысление США в ка- честве единой нации (ингруппы) является центральным для пат- риотического самовосприятия американцев. А те или иные фор- мы вмешательства США в различных регионах мира редко ин- терпретируются или оформляются в сознании большинства аме- риканцев как нарушающие их представления о свободе и демо- кратии.

Возникает вопрос, достаточен ли объем получаемой инфор- мации у зарубежных политиков для отказа от негативных обра- зов периода холодной войны. Расширение вооруженного при- сутствия США в странах третьего мира и Европе свидетельству- ет в пользу того, что их представления о зависимом образе ряда стран остаются и не исчезли автоматически после окончания хо- лодной войны.

Вместе с тем, исследования М. Коттам показывают, что да- леко не все американские политики сохранили зависимый образ стран третьего мира таким же сильным и устойчивым, как преж- де. С одной стороны, она отмечает его трансформацию в более умеренный вариант [118]. С другой стороны - слабые образы за- висимых стран третьего мира ассоциируются с ростом в них на- ционалистических проявлений, которые представляют мощную политическую силу. Политики, которые сформировали такое видение ситуации, полагают, что если следовать традиционно применявшейся тактике, представленной консервативными об- разами о сильной зависимости от США стран данной категории, развитие в них националистических настроений приведет к не-

желательным последствиям. Данная особенность восприятия сохраняется и после окончания холодной войны. Таким образом, в целом политики с более слабыми образами зависимых странах более восприимчивы к изменениям в сознании.

Рассмотренные проблемы подводят к важным вопросам о взаимосвязи образа, тактических предпочтений (какие инструменты должны использоваться и как) и репрезентации проблемных задач в сознании политиков. В период холодной войны взаимосвязь была довольно стереотипная: найти потенциально «вызывающую» революцию, обозначить проблему как подрывную деятельность противника, использовать для ее разрешения военную помощь и политических советников. В этом случае психологическая репрезентация политической проблемы, включая ее идентификацию и формулировку, исходит из образа, представления о стране, которая и является источником беспокойства. В период холодной войны конфликты в странах третьего мира обычно трактовались в рамках реализации доктрины «сдерживания коммунизма» и требовали соответствующей тактики. Последняя обычно включала принятие решения по возникшему кризису как результату восприятия того, что зависимое государство ведет себя «как малый ребенок» [119, с. 119], некомпетентно с точки зрения оптимального варианта решения проблемы. Поиск взаимно приемлемого решения не рассматривался в качестве возможного исхода, и такая сверхдержава, как США, обычно без колебаний прибегала к насилию в той степени, в какой оно казалось адекватным воспринятой угрозе.

Было бы логично ожидать, что за изменением самих образов прошлых оппонентов последуют изменения тактики и репрезентации самих проблем. Однако влияние изменения образа СССР не ограничено двусторонними отношениями. Так, комбинация образа врага в лице СССР и образа зависимых стран третьего мира была переменчива и опасна. Обычно если США полагали, что «злой гений» СССР оказывает влияние на поведение стран третьего мира, это приводило к вмешательству в дела «спорных регионов». Когда СССР перестал быть врагом, мотивации, связанные с насильственной интервенцией, исчезли, но не совсем. Интервенции могут принимать разнообразные формы, но вариант военного присутствия через ту или иную форму интервенции как раз ассоциируется с образом врага и зависимых стран

третьего мира. Характерно, что использование американской мощи в форме экономического давления и военной интервенции применялось против стран третьего мира и в условиях отсутствия воспринятой советской угрозы. Это можно связать с тем, что образ зависимых стран третьего мира до сих пор не претерпел существенных изменений. А в условиях взаимоотношений по типу «родитель - ребенок» давление и наказание является подходящим средством после ограниченных попыток убедить объект в том, что политика, в поддержку которой выступали США, - самая лучшая [115].

Если образ страны меняется внезапно, тактические приоритеты и репрезентации проблем также должны измениться сравнительно быстро. Но как часто это происходит в реальной политике? Скорее всего, исключением из правил можно считать трансформацию представлений о КНР в начале 70-х годов, о странах бывшего социалистического лагеря, в которых буквально все изменилось за считанные дни. Как мы показали ранее, обычно трансформация представлений об образе страны проходит на примере конкретных «уроков», когда информация, противоречащая сформировавшейся точке зрения, сначала игнорируется, а затем тот или иной политический курс терпит поражение. В подобных случаях другая страна все чаще и чаще рассматривается как не вписывающаяся в сложившиеся представления, и только затем устаревший образ стирается полностью. В ходе этого процесса меняются и тактические приоритеты, поскольку применяемая тактика взаимодействия не работает. С точки зрения анализа ситуации именно провал тактики может «сигнализировать» о неадекватности сложившихся представлений. Но совсем не обязательно, что изменения в чем-то одном повлекут перемены в другом.

Скорее всего, изменение политической тактики происходит по мере постепенного изменения представлений об образе другого государства, то есть имеет место **постепенное оценивание**.

Подтверждение справедливости подобного предположения можно найти в результатах исследования Ш. Мюррей [202]. Было показано, что политические изменения на международной арене имеют только ограниченные последствия для изменения убеждений в международной политике. Респонденты (600 лидеров общественного мнения: чиновники госдепартамента, веду-

щие представители СМИ, политики, духовенство и т.д.) признавали, что советская военная угроза и влияние коммунистической идеологии рассеялось, то есть многие из них приспособили свои установки к данным изменениям. Но в то же самое время базовые ориентации некоторых респондентов в международных делах, например их установки об использовании военной силы, остаются устойчивыми [202].

Психологи Т. Срулл и Р. Вайер [227] отмечают, что трудно сформировать согласованное оценочное впечатление о другом человеке, если у него есть черты характера, которые вызывают расположение, симпатию. Таким образом, в той степени, в которой американцы фиксируют привлекающие внимание характеристики новой России, их способности по формированию согласующегося нового и полного образа России будут уменьшаться.

Кроме этого, еще один фактор, который может быть важен для изменения представлений о стране, связан с восприятием конкретной ситуации. Как подчеркивают американские политические психологи Т. Срулл и Р. Вайер, когда оценки поведения субъекта в одной ситуации (или роли) отличаются от оценок поведения в другой ситуации или роли, люди могут не пытаться привести их в соответствие и даже замечать возникшее рассогласование. Как правило, они формируют многочисленные ориентированные на конкретную ситуацию концепты личности, которые направляют их ожидания [227, с. 80].

В международной политике данное обстоятельство имеет особое значение. Например, страны Европейского сообщества в большинстве своем называют себя союзниками США. В то же самое время европейцы все чаще демонстрируют больший экономический контроль на международном рынке и нередко обвиняют США в неспособности контролировать свой дефицит платежного баланса, решать экономические проблемы, указывают на недостаточное внимание к проблемам защиты окружающей среды. Такого рода когнитивное несоответствие известно как **разделение ценностей**. Несоответствие между ценностями не будет замечено, если требование реальности не настолько сильно, т.е. если индивиды не мотивированы каким-либо событием или высоко структурированной внешней ситуацией. В соответствии с Дж. Стейнбрунером, если принуждение реальностью слабое, то разделение ценностей имеет место в условиях интен-

сивной неопределенности (как в случае с принятием решений в международной политике) [прив по 194].

Еще одно следствие может быть связано с тем, что политики будут испытывать трудности выработки новой стратегии взаимодействия с прежним оппонентом, ставшим союзником, или бывшим союзником, превратившимся в непримиримого врага, пока не будет сформирован новый образ.

Существуют и другие причины, позволяющие ожидать, что изменения образов, тактики, репрезентации проблемных задач будут происходить неравномерно, не синхронно. Не подтверждающая представления о стране фактическая информация не обязательно приводит к кардинальному изменению представлений о других странах. Обычно модель постепенной обработки информации включает переоценку важных с точки зрения политики характеристик ставших ненужными образов (например, оценка намерений, потенциала государства), но без полной картины субъект не может их окончательно осмыслить. По этой причине постепенная, поэтапная оценка информации предназначена для ближайшей перспективы, носит тактический характер по сравнению с долгосрочным прогнозированием, ориентированным на реализацию задач, предполагающих учет многих параметров.

Если представления о стране не ставятся под сомнение одновременно, скорее всего, будут сформированы «их усеченные» варианты, чтобы произошла аккомодация образов тех стран, которые не вполне вписываются в прежние представления. Короче говоря, сознание неохотно расстается с образами стран, которые ранее были «полезны». Даже если те или иные образы стран уже утратили свою практическую ценность, для изменения самой тактики и репрезентации проблемы необходимо время. Весьма показательным в этом плане изучение стереотипов. Поведение, в основе которого лежит предвзятость, не исчезает само по себе при изменении стереотипов, прежние поведенческие типы можно подавлять путем замены их на новые образцы [197]. Другими словами, люди должны не только изменить свои представления, но и научиться «вести себя по-новому».

Если образ страны больше не считается соответствующим действительности, возникает непродолжительный эффект неспособности сформировать сложный и интегрированный долго-

срочный политический курс в отношении другой страны. При этом субъекты прибегают к модели постепенной, поэтапной обработки информации, которая узко фокусируется на непосредственных и конкретных обстоятельствах. Учитывая внутреннюю потребность воспринимать мир, формируя различные образы, и повышенное внимание к информации о специфике ситуации, связанной с моделью постепенной обработки информации, в конце концов, репрезентация проблемы и тактические предпочтения должны все-таки появиться, поскольку людям необходимо быть более внимательными и восприимчивыми к получению доказательств, опровергающих их использование. В ситуации отсутствия общего формирующего представления образа кажется, что изменения в тактике должны быть результатом пересмотра рассматриваемой проблемы.

Суммируя вышесказанное, можно ожидать, что после окончания холодной войны образы будут меняться медленно, по принципу «от случая к случаю». Нельзя исключать то обстоятельство, что тактика холодной войны будет по-прежнему применяться по крайней мере к странам третьего мира. Трудности начинаются с изменения образов: если тактика не «срабатывает», то образ ослабевает. По мере ослабления образа тактика должна меняться. Однако остается не вполне ясным, когда начинается изменение репрезентации проблемы в сознании. Вполне возможно, что переосмысление природы рассматриваемой проблемы является центральным элементом при формировании нового представления о стране (либо помещение ее в уже существующий образ, либо формирование нового образа, который будет «добавлен» к представлениям о существующем миропорядке).

Напрашивается и еще один вывод, прямо следующий из дихотомической природы самого образа. В образе «других» значительную часть его «содержания» определяют представления о «себе». Если не изменились американцы, у них вряд ли сформируется «новый» образ изменившейся России. Как можно объяснить эту удивительную преемственность убеждений политиков по поводу внешней политики, связанную с устойчивостью прежних образов? Возможное объяснение может быть связано с тем, что если базовые убеждения о взаимодействии с другими странами имеют тот же самый источник, что и предпочтения во

Раздел 5.

Формирование идентичности: пути и результаты (заключение)

Известный ученый и публицист Л. Аннинский говорит: «Может быть, эпоху спустя, мы не будем «думать» нациями» [8]. Современная Европа представляет хорошее подтверждение такого мнения: национальные границы были открыты во имя экономического процветания и безопасности.

Между тем, как отмечает И. Призел, в настоящее время национальная идентичность остается основной чертой политической идентичности [212, с. 404]. Более того, для стран Восточной Европы, государств, возникших после распада СССР, обретение национальной идентичности является наиболее важной задачей: «Россия в поисках идентичности» [53], «Историческое наследие и национальные самосознания в Белоруссии и Украине» [58], «Национальная идентичность в Словакии, славянофилы и Европа» [225], «Национальная идентичность и внешняя политика: национализм и лидерство в Польше, России и Украине» [212] - вот лишь небольшой перечень работ, свидетельствующий об актуальности данной проблематики. Еще более примечательным стал факт доминирования этнического национализма, исключаящего и разделяющего народы. Как отмечает И. Призел, распад СССР, Югославии и Чехословакии был осуществлен не только по идеологическому, но и по этническому принципу [212, с. 6].

Вероятно, история запомнит XX век как век национализма. Ушедшее столетие было не только свидетелем двух мировых войн, которые направлялись националистическими амбициями недавно возникших государств и теряющих свою власть поли-

тических субъектов, не желающих принимать их. Оно также стало свидетелем распада социалистического лагеря, который прекратил свое существование под действием националистических сил. По мнению И. Призела, коллапс представлял собой не только победу либеральной демократии над строительством коммунизма в социалистических странах, но скорее низложение «универсалистской политики», когда она вступила в конфликт с националистической идеей [212, с. 5]. Большинство лидеров государств, возникших после распада социалистического лагеря, в разной степени превратили национализм в источник обеспечения своей легитимности. При этом есть все основания полагать, что национализм, скорее всего, останется наиболее эффективной политической силой в обозримом будущем.

Глава 1. Национальная идентичность: попытки классификации

Формирование идентичности осуществляется с помощью разных средств и с переменным успехом. Однако данное обстоятельство не означает, что не предпринимались попытки как-то упорядочить это многообразие и создать типологии национальной идентичности. В предыдущих разделах мы уже говорили о попытках такой классификации, когда выделяли разные типы национализма, сравнивали типологии образцов государств, предложенных М. Коттам [116, с. 61-109] и К. Холсти [157, с. 286]. Здесь мы хотели бы остановиться еще на двух типологиях, предложенных У. Блумом [106] и И. Призелом [212].

У. Блум строит свою классификацию, положив в основу взаимосвязи национальной идентичности и внешнеполитических решений. Он выделяет три типа отношений между указанными феноменами [106, с. 89].

Национальная идентичность как ресурс внешней политики. Правительство вызывает мобилизацию для реализации стратегических внешнеполитических целей. Примером такого рода взаимосвязей идентичности и внешней политики может служить так называемый **мессианский национализм**. Он свой-

уходу от агрессивной империалистической внешней политики и построению курса, ориентированного на интересы среднего класса, который хотя и имел некоторые глобалистские ориентации, но не разделял империалистические устремления элиты. Позже С.М. Липсет подчеркивал, что одно из последствий экономической модернизации и последующей демократизации было связано с деидеологизацией политики развитых стран Запада [185].

Внешняя политика как инструмент создания нации. Правительство использует внешнюю политику, чтобы мобилизовать своих граждан с целью создания или укрепления национальной идентичности. В данном случае правительство либо управляет данным процессом, либо нация, однажды мобилизованная, влияет на решения правительства. Возможно, самым общим элементом, влияющим на национальную идентичность государства, являются особенности отношений со значимыми «другими». Вместе с тем, изменение идентичности также вызвано преобразованием или полным исчезновением «других». По словам У. Блума, «... с 1947 года для американских президентов и их противников проявление терпимости к СССР или к коммунистической идеологии означало политическое самоубийство. Советский Союз стал настолько неотделимой частью внутренней политики США, что его образ превратился в полуавтоматический спусковой крючок, приводящий в действие национальную идентичность» [106, с. 90].

Национальная идентичность может измениться в результате поражения в войне. Например, после Суэцкого кризиса 1956 года Великобритания «поняла», что больше не является сверхдержавой, поэтому охотно согласилась на роль «младшего партнера» США на условиях «особых отношений» [212, с. 34-35].

Внешняя политика приобретает особое значение для государств, переживающих период нациестроительства (например, государства, возникшие на руинах СССР). В частности, идентичность Грузии во многом зависит от того, кто будет избран в качестве ориентира развития и покровителя - Россия или Запад.

На протяжении веков суть грузинской идентичности, по словам Г. Нодиа, «определялась представлением «наше место не здесь» [57, с. 151]. Вместе с тем, эта парадигма идентичности была привязана к другой, более практической: поиску надежно-

го покровителя. Образ покровителя также должен был соответствовать идентичности Грузии. Она определяла себя в качестве христианской страны, а ее миссия концептуализировалась как «форпост христианства», выбранный провидением защитить истинную веру на Кавказе в борьбе с мусульманизацией данного региона [57, с. 152]. Покровитель пришел в лице России. Она принесла мир и гарантировала сохранение христианской идентичности Грузии. Наряду с этим, Россия лишила Грузию политической самостоятельности и создала угрозу ее культурной самобытности. В результате у грузинской элиты развилось глубоко амбивалентное отношение к России, сохраняющееся и до сих пор [57, с. 153].

Начиная с XIX века, в глазах грузинской элиты центр самости был представлен в образе Запада или Европы. Таким образом, подразумевалось, что основная задача Грузии состояла в наведении мостов на Запад и в ее вестернизации, что одновременно означало возвращение к истинной самости [57, с. 151]. Вместе с распадом СССР Грузия и еще одно христианское государство Закавказья - Армения рассчитывали через большие национальные диаспоры в странах Запада стать малой Европой в Закавказье [53, с. 381]. В фигуре Э.А. Шеварднадзе, нынешнем лидере Грузии, мечта о покровительстве Запада приблизилась к воплощению [57, с. 166]. Однако период независимости ознаменовался разочарованием в прозападной идее, поскольку президент не так эффективно выполнял роль покровителя. Множество острых моментов можно обнаружить и в отношениях с Россией: пожалуй, они являются наиболее сложными, по сравнению с другими государствами СНГ. Таким образом, где по настоящему взойдет солнце для Грузии - на Севере или на Западе, - вот вопрос, ответ на который позволит сформировать идентичность государства.

Национальная идентичность, мобилизованная негосударственными акторами, определяет внешнюю политику. Например, в конце 80-х годов в период, предшествовавший распаду СССР, некоторые идеи о независимости, интеграции с цивилизованным миром, которые звучали в выступлениях многочисленных ораторов народных фронтов, в начале 90-х обрели «государственное звучание».

Типология национальной идентичности И. Призела построена на иных принципах. Различие в подходах связано с тем, что типология У. Блума выведена на основе дедукции, а И. Призела - индуктивным путем.

Он выделяет пять типов отношений между национальной идентичностью и внешней политикой государства [212, с. 21-33].

Первый тип представлен национальными идентичностями, имеющими в своей основе политические институты, а не религию, язык или мифы об общих предках. Такого рода идентичности свойственны США и Великобритании, политические институты которых сложились еще в XVIII веке и остаются основным источником легитимности. В силу своего возникновения в эпоху просвещения, данные государства уверены, что их политические системы рациональны, а политические ценности - универсальны. В результате их внешняя политика имеет тенденцию быть одновременно правовой и наделенной чертами мессианства [212, с. 21].

Второй тип идентичностей свойственен государствам, освободившимся от империалистического или колониального господства. Это, главным образом, государства, расположенные в Центральной и Восточной Европе, Центральной и Южной Америке. Не удивительно, что представители названных наций испытывают сильное чувство культурной и политической «обиды», по отношению к «завоевателям». В этих случаях обида порождает чувство политической и социальной несправедливости, нанесенной коренному населению, стремление защищать свою культуру, а также восхищение прошлым. Страны Восточной Европы прославляют XVIII век, откуда они и ведут свое начало, мексиканцы и перуанцы - эпоху, предшествовавшую открытию Нового Света. Всем им свойственно резко негативное отношение к своему положению в качестве периферии европейской цивилизации и маргинального статуса - в международной системе.

Национализм в Центральной и Восточной Европе берет свое начало в период революций 1848 года и часто принимает форму этнического национализма, берущую свое начало в мифологии об общих предках, языке и связи со своими корнями. Х. Кон в труде «Идея национализма» отмечал, что национализм в Восточной Европе был, прежде всего, культурным процессом, часто

возникающим как протест против внешней политической и культурной экспансии [прив. по 212, с. 25]. Таким образом, восточно-европейские националисты усвоили идею идеализированного общества, которое стало жертвой давления извне.

В противоположность британской и американской идентичности, которая является самодостаточной, замкнутой и никогда не строилась на основе противопоставления «другим», идентичность стран Центральной и Восточной Европы - определялась противопоставлением «другим», их отвержением. Учитывая полиэтнический состав Восточной Европы, определение «других» могло быть как внутренним, так и внешним, а также осмысливаться на основе культурного, политического или экономического критериев. Такого рода первородный национализм часто подкреплялся введением новых политических и экономических привилегий (Польша, Чехия, Словакия) либо при помощи сохранения традиционных ценностей. Например: «Польша - бастион католицизма в море ереси»; Россия - Москва - «Третий (и последний) Рим»; Венгрия - «остров истинной цивилизации в славянском море».

Учитывая смешанный политический и культурный состав Восточной Европы, почти непрерывную культурную мобилизацию и сопротивление реальному и воображаемому давлению извне, внешняя политика этих стран почти всегда отражала цели, лежащие за пределами только национальных интересов, то есть государства Восточной Европы часто выступали носителем какой-либо миссии. Вместе с тем для внешней политики почти каждой страны данного региона характерна и другая черта: чтобы сохранить доверие внутри страны, правительства должны ревностно защищать национальную идентичность.

Другим важным фактором является определенная точка отсчета, от которой нация может начать формирование современной идентичности. Считается, что насаждение в странах Восточной Европы норм и порядков, царивших в то время в СССР, начиная с 1948 года, лишило регион возможности создать новую идентичность, новые отношения так, как это произошло в Западной Европе после окончания Второй мировой войны [233, с. 19].

По мнению М. Тодоровой, пока существовал СССР, он представлял собой коллективного «другого», против которого в

Восточной Европе возник инвертированный национализм. Его основу составляла идея о том, что отсталые метрополии выполняют функцию катарсиса - освобождения от комплекса неполноценности, хотя бы на время. Так, она полагает, что в XX веке развитие национализма в Восточной Европе прошло три стадии:

1) до Второй мировой войны, с сильным комплексом неполноценности перед Западом;

2) после Второй мировой войны, с чувством превосходства над СССР и над Россией;

3) период после окончания холодной войны связан с возвращением к комплексу неполноценности перед Западом [прив. по 212, с. 28].

Исчезновение «коммунистического» врага сделало необходимым не только переопределение идентичности, но и создание нового «другого», от которого будет исходить угроза и давление. Им стал Запад. Данный образ подогревается чувством отвергнутости: восточно-европейские государства обвиняли Запад в «предательстве» их интересов в ходе Ялтинской конференции.

Более того, по словам О. Харриса, Запад также утратил свою целостность после распада советского лагеря [прив. по 212, с. 28]. Данное обстоятельство лишило Восточную Европу той точки отсчета, от которой можно было бы начинать поиск новой национальной идентичности.

Третий тип национальной идентичности может быть рассмотрен на примере Франции. С одной стороны, Франция - государство с освященными веками политическими традициями, которые дают стабильный ориентир для ее национальной идентичности. С другой стороны, бурная история оставила ей некоторые постоянные политические институты англосаксонского образца.

Характерной чертой французской идентичности является ее универсальная культура. В связи с этим внешняя политика Франции представляет комбинацию действий, направленных на защиту культурной целостности, и утверждение статуса Франции как уникальной культуры и великой державы.

Четвертый тип национальной идентичности возник в XX веке и представлен бывшими европейскими колониями в Африке и в Азии. Национальная идентичность данных государств складывалась в период борьбы против колониальных властей

так называемых «посредничающих» групп, выступающих от имени местного населения. В целом «посредники» представляли собой местное население, но более образованное и имевшее опыт жизни за границей. Примером может служить арабский национализм XIX века арабов-христиан, которые исторически выступали посредниками между колониальными властями и местным населением [212, с. 31].

Данный способ нациестроительства порождает особую внешнюю политику. Как только государства получают независимость, их лидеры довольно часто оказываются перед сложным выбором стратегии развития страны. Это особенно справедливо в отношении постколониальных стран, поскольку в них очень часто отсутствуют институциональная поддержка и этническая однородность - традиционные инструменты легитимации действий государственных лидеров. В результате апелляция к колониальному прошлому продолжает служить в качестве единственного объединяющего элемента. Правящая элита старается поддержать очень хрупкую идентичность, используя обиды колониального периода, несправедливое положение в международной системе, общие проблемы культурного и экономического империализма. Другая особенность внешней политики этих стран состоит в том, что они пытаются создать более широкий контекст существования нации за счет регионального сотрудничества. Таким образом, членство в Лиге Арабских Государств, Организации Африканского Единства, участие в Движении неприсоединения не только обеспечивают постколониальным государствам присутствие в международной системе, но также легитимизируют и укрепляют чувство «анти-...», на основе которого построена их национальная идентичность.

Пятый тип национальной идентичности - это теократический национализм, который обычно возникает в странах, религия которых не вписывается в господствующие религиозные доминиации (например, царская Россия и Иран). Россия - крупное православное государство, использовала свою религиозную уникальность, чтобы определить оставшуюся часть христианского мира в качестве «других». Будучи единственной «истинной» христианской страной, Россия претендовала на право транслировать свое влияние за пределы территориальных границ. Сходным образом современный Иран, единственная шиит-

ская мусульманская страна, выстраивая национальную идентичность на базе уникальной религии, одновременно претендует на роль «защитника веры» исламского мира. И Россия, и Иран использовали свой статус меньшинства как средство легитимации права называть себя «последним бастионом» на пути деградации, охватившей западный христианский мир и исламские страны, исповедующие суннизм. Между тем, хотя как Россия, так и Иран претендовали на мессианские роли, базирующиеся на теократических идеологиях, обе страны использовали свои государственные религии для укрепления определенной национальной идентичности и придания правомочности внутривнутриполитическим режимам [212, с. 33].

Рассмотрев обе классификации, мы не станем обсуждать их достоинства и недостатки. Тем более что плюсы одной оборачиваются минусами другой, как это неизбежно происходит, когда обобщения делаются с использованием противоположных методов. В данном случае было бы уместнее говорить о возможностях и границах применимости каждой.

Классификация У. Блума универсальна, удобна и прогностична по своей направленности. Однако особенность национальной идентичности как раз и состоит в том, что *не существует* единого универсального источника национальной идентификации или некоего единообразия в ее воздействии на внешнюю политику. Более того, национализм и национальная идентичность являются предметом постоянного переопределения. Хотя переоформление национальной идентичности - обычно постепенный процесс, в ситуациях продолжительного стресса даже твердо установившиеся идентичности могут заметным образом изменяться, также как и коллективная память людей [212, с. 8]. Более того, истоки национальной идентичности уникальны для каждой нации и так же являются предметом постоянного воссоздания. Поэтому процесс формирования идентичности каждой нации требует особого рассмотрения.

Данному условию удовлетворяет типология И. Призела: она построена на обширном кросс-культурном материале, учитывает временной и средовой аспект формирования идентичности. Как справедливо подчеркивает Г.М. Андреева, образ мира не может быть построен без учета взаимоотношений человека с окружающей средой [6]. Степень зависимости человека от среды

весьма различна как в физическом, так и в психологическом смысле. Поэтому от того, каким сформирован образ окружающей среды в сознании человека, во многом зависит тип его поведения. Р. Баркер, рассматривая процесс взаимодействия людей со средой, вводит понятие «место поведения», определяя его как объективную, ограниченную во времени и пространстве ситуацию, которой свойственен определенный набор типов поведения. «Место поведения» рассматривается в контексте ориентации человека в мире, для чего введено понятие «образ социального» [прив. по 6, с. 249].

С точки зрения Г.М. Андреевой, механизмы формирования представлений об окружающей среде обусловлены тем, какое значение ей придает человек. Окружающая среда может быть репрезентирована двояким образом. Прежде всего, она отвечает на вопрос «где?»: где, в какой ситуации происходит то или иное событие, где я-сам, и т.д. Второй аспект значения среды, в котором и выяснится ее значимость для индивида, - «а что это такое?», «что это значит для меня?». Отвечая на эти два вопроса, человек как бы помещает себя в некоторое пространство, привязывает себя к нему, использует своего рода когнитивную карту с обозначением места своего пребывания [6, с. 251].

Образ среды во многом обусловлен тем, насколько она представляется источником разного рода рисков. В экспериментальных исследованиях представлены различные факторы «воспринимаемого риска». Из них чрезвычайно важным является, например, степень удаленности от непосредственного очага угрозы, а также мера информированности о конкретных рискованных ситуациях [6, с. 256].

Временная идентичность подразумевает отождествление себя не только с определенной группой, но и временным промежутком истории, с которым совпал период существования человека. Из всего сказанного следует, что национальная идентичность должна быть рассмотрена «в данное время в данном месте». Вместе с тем, отмеченное преимущество оборачивается и существенным недостатком, поскольку чрезмерная акцентуация настоящего часто осуществляется в ущерб прогнозам на будущее. В классификации И. Призела отсутствует ясно очерченное «основание», направляющее классификацию, или, что более соответствует действительности, в ней одновременно можно вы-

делить несколько оснований. Однако определение принципа идентификации вряд ли серьезно поможет. По сути можно выделить главный и единственный принцип - противопоставление «мы» и «они». В классификации И. Призела он присутствует во всех пяти категориях. Только лишь особенности его протекания в данном конкретном регионе, отрезке времени, при данных обстоятельствах детерминируют появление многообразия идентификационных вариантов. Вероятно, наиболее удобными были бы типологии какого-то промежуточного уровня обобщения.

Несмотря на существующие ограничения, оба подхода обнаруживают все свои преимущества, если соответствуют целям исследования. В нашем случае полезными оказались обе типологии, поскольку в полной мере позволили продемонстрировать многообразие средств и результатов процесса поиска национальной идентичности.

Глава 2. Формирование идентичности в посткоммунистических странах

В данном, заключительном разделе мы постараемся рассмотреть основные тенденции в осуществлении поиска Мы-идентичности государствами посткоммунистического пространства. Категория «посткоммунистические государства», уже одним своим названием указывающая на некоторые особенности процесса идентификации, тем не менее не является определяющей. Это, пожалуй, то единственное общее, что объединяло почти два десятка новых государств, появившихся на карте мира после дезинтеграции СССР, Чехословакии, Югославии, объединения Германии - государств очень разных и обладающих своей уникальной историей «очередного рождения».

Мы не берем на себя смелость раскрыть все хитросплетения этого удивительно интересного исторического отрезка, а лишь сделаем некоторые наброски, сравнения, обобщения. Сначала будет рассмотрен процесс формирования идентичности в Российской Федерации, а затем - в некоторых государствах ближнего зарубежья.

2.1. Российская Федерация

«Я ощущаю себя русским, когда читаю А. Пушкина»; «смотрю старые советские фильмы»; «посещая Московский Кремль, Троице-Сергиеву Лавру»; «слушаю информацию о войне в Чечне»; «горжусь, что мой народ победил в Великой Отечественной войне»; «когда пою русские народные песни»; «смотрю на Волгу»; «когда оскорбляют, даже если и защищаешь себя»; «испытываю гордость за достижения в космонавтике»; «когда получаю зарплату»; когда...

Еще долго можно перечислять все эти ситуации, полученные нами в результате исследования национальной идентичности в российской провинции на примере Ярославской области в 2000 году. Их приводили россияне, стремясь охарактеризовать себя как русских. Всего мы получили 319 ситуаций, связывающих россиян с их этнической группой [37]. Ситуации - разнообразные, направляющие нас то в далекое прошлое, то в настоящее; отсылающие то к классической русской, то к советской культуре; вызывающие то гордость, то стыд. Есть и ответы, говорящие об отказе от идентичности. Что же значит - быть русским в современной России?

Например, для многих западных исследователей стало большой неожиданностью то обстоятельство, что некоторые русские люди с трудом идентифицируют себя со своей этнической группой. Русские веками жили в империи (сначала царской, затем советской) и поэтому привыкли отождествлять себя с более глобальными сообществами. Именно по этим причинам, полагает политолог Л. Холмс, в России довольно долго оставались популярными как регионализм, так и призывы восстановить российскую/советскую империю в ее прежних границах [156, с. 290-291].

В современной России трансформации коснулись не только государственных границ, но и вызвали более глубокую перестройку мироощущения, миропонимания, переосмысления социального устройства. По мнению Л. Холмса, переход «коммунистических государств» к демократии часто сопровождается возросшими ожиданиями к лидеру и циничным отношением, недоверием к государственным институтам [156, с. 16-17]. В период, предшествовавший перестройке, даже понимая незначи-

тельность своего влияния на некомпетентные и коррумпированные институты государственной власти и управления, многие граждане имели довольно выраженное восприятие «их» и «нас» и нередко прибегали к частным отношениям как к способу изменения существующего положения дел. Поэтому вместе со становлением новых политических институтов демократического общества граждане новой России должны обрести веру в эффективность и законность создаваемых властных институтов, силу закона, конституцию. Другими словами, для преодоления кризиса идентичности необходимо, прежде всего, преодолеть кризис легитимности властных отношений.

Рассматривая психологические основы социальной власти, А.Л. Свенцицкий подчеркивает, что при этом психологи имеют в виду потенциальное социальное влияние, способность и возможность одного человека или группы влиять на других. Одним из процессов влияния является идентификация, под которой в социальной психологии обычно понимают «отождествление индивидом себя с каким-то другим человеком, группой лиц» [71, с. 25]. Действительно, нередко политические и общественные лидеры оказывают воздействие на других людей как раз потому, что те идентифицируют себя с ними. И в каждом конкретном случае «можно найти такую основу, своеобразный источник, который дает начало влиянию» [71, с. 27]. Одним из оснований правомерности (легитимности) власти выступает авторитет. Власть авторитета, его кредит доверия весьма прочны и устойчивы: нужны очень веские причины, чтобы заставить себя или других усомниться в том, что советует авторитетный общественный или политический лидер.

Выделив в структуре власти авторитета рационально-легальный тип, на который ссылался еще немецкий социолог М. Вебера, А.Л. Свенцицкий подчеркивает его главную особенность, а именно: власть в силу закона, признаваемых всеми правовых норм, установленных законодательным органом. Мы сознательно делаем акцент именно на этом типе власти по ряду следующих причин:

1) он наиболее близок идее построения правового государства, гражданского общества;

2) в той или иной мере присутствует в многочисленных теориях, пытающихся объяснить причины распада СССР, «бегства в идентичность» ее наций и народностей;

3) внешне минимизируя различные эмоциональные компоненты, связанные с реализацией власти и человеческим измерением политики и апеллируя к жесткой логике права и закона, разуму и осмотрительности, тем не менее, он содержит в себе психологический компонент социального «я», связанный с осмыслением личностью своего места, роли в этом мире. Так или иначе, есть все основания считать, что одной из возможных причин распада СССР был кризис легитимности самости авторитета, власть теряла лицо декларированной идентичности.

Таким образом, кризис идентичности связывается с тем обстоятельством, что перестройка и проводимые с конца 80-х годов прошлого века реформы вынесли на поверхность все худшие черты как капитализма, так и существовавшей в СССР до этого политической системы; говорить о значительном числе позитивных изменений, вероятно, пока трудно. Политическое руководство не смогло предложить поверившему ему и доверившему свою судьбу народу достойной модели политического и общественного развития. В психологическом плане процесс легитимации авторитета через рационально-легальный тип оказался возможным и контролируемым только до определенного момента, после которого он уже не «вписывался» в сложившуюся систему власти: она персонализировала своих носителей.

Рационально-легальный тип авторитета по своей сущности весьма обезличен. Надежды на то, что эффективное функционирование системы легитимизирует власть, не оправдались. Массы ждали больше, чем политики могли им предложить. Взяв курс на открытость и гласность, политическое руководство фактически открыло ящик Пандоры, а недовольство населения уже не позволило его закрыть. Самым серьезным проявлением чувств неудовлетворенности и фрустрации и явились этнонациональные конфликты, которые представляют серьезную угрозу для построения гражданского общества. Как отмечает исследователь внутриполитических процессов на территории бывшего СССР Б. Браун, образование новых государств, особенно в бывших центрально-азиатских республиках СССР, явилось для многих их жителей той неожиданностью, к которой они

«не были подготовлены психологически, политически или экономически» [цит. по 156, с. 291].

Таким образом, необходимость изучения процессов формирования социальной идентичности россиян, а именно этнической и гражданской, связано с повседневной политической практикой. Напомним: территорию СССР населяли более чем 150 этнических групп, которые составляли чуть больше половины населения СССР. Большинство нерусских этносов воспринимали советскую территорию в качестве своей родины. Согласно переписи населения 1989 г., почти 60 миллионов граждан бывшего СССР (20% населения) проживали вне своих этнических административных единиц или были членами группы, которая вообще не имела такого статуса. Многие из них (примерно 25 миллионов) - были и остаются русскими, которые составляют самую многочисленную группу национальных меньшинств в республиках бывшего СССР.

Постсоветская Россия, как и СССР, остается весьма неоднородной по этническому составу. Кроме русских, в России проживают примерно 100 других национальностей, которые составляют 20% населения страны. Среди 89 субъектов Российской Федерации можно выделить 32 этнические единицы и 21 республику в составе РФ [99].

Такой полиэтнический состав современной России остро ставит вопрос об этническом самоопределении россиян. Распад СССР связан с повышением коллективной этнической тревожности, изменением этнических стереотипов. Эти факторы привели к значительному личностному стрессу. Во многих национальных этнических республиках внутри России русские испытывают драматические изменения в самовосприятии и самооценке в силу переоценки своего группового статуса, а также стереотипов, истории и своей роли в отношениях с титульными этносами.

Вопрос о гражданской идентичности не менее актуален и обостряется проблемой взаимоотношения с субъектами Федерации. Как подчеркивал президент РФ В.В. Путин в интервью, посвященном итогам первого года его президентства, еще год назад «во многих конституциях, уставах субъектов Федерации мы могли найти все, что угодно: и то, что они субъекты международного права, и чуть ли не могут иметь собственные вооружен-

В целом можно предположить, что в ходе исторического развития этнические русские не имели возможности сформировать устойчивую и неизменную идентичность [101, с. 101.]. Первое российское государство образовалось вокруг Киева, ныне - столицы Украины. В период царской империи народы, входившие в нее, провозглашали преданность царю, который был наместником Бога на земле, поэтому они присоединились к империи независимо от того, были ли они русскими по языку и религии.

Во время советского правления национальная идентичность русских была встроена в развитие советской идентичности. Советский Союз унаследовал, с небольшими изменениями, территорию Российской империи. В период создания советского государства большевики пытались предотвратить попытки представителей других национальностей установить собственные государственные единицы: другие народы рассматривали крушение Российской империи как возможность реализовать право своей нации на самоопределение. Для того чтобы сохранить контроль над национальными единицами, которые вошли в состав СССР, право на самоуправление было продекларировано. Несмотря на федеративную структуру, Коммунистическая партия превратила СССР в «унифицированное» государство, управляемое из Москвы.

Коммунистическая идеология провозгласила, что этническая и национальная принадлежность, в конечном итоге, растворилась в солидарности рабочего класса. Также она концентрировала усилия на создании новой нации, базирующейся на советской общности. «Новый советский человек» должен был появиться из множества существующих на данной территории этнических групп, объединенных в единую советскую нацию - советский народ.

Из всех народов, населявших СССР, русские наиболее проникновенно приняли идею советской идентичности. В период существования СССР русские широко расселились по всей Евразии, устанавливая сильные связи с теми территориями, которые они заселяли. Только в период правления М.С. Горбачева они стали задумываться о своей роли в советской системе с точки зрения принадлежности к самостоятельной этнической - русской - группе.

В отличие от остальных союзных республик РСФСР практически не имела самостоятельных институциональных структур, которые не ассоциировались бы с Советским Союзом в целом. Например, мы не имели собственной столицы. Прежде всего Москва была столицей СССР. Осознание России как союзной республики, отличной от СССР, пришло очень поздно. Лишь в конце мая 1990 года Россия обрела свои государственные структуры, телевизионный канал и прессу, а позднее активизировалось ранее осуществлявшее лишь чисто символические функции ведомство - Министерство иностранных дел РСФСР [101, с. 104-107].

Коллапс СССР существенно не изменил ситуацию. Постсоветская ностальгия и подобные ей явления - знакомый синдром политической культуры во многих странах с имперскими амбициями. В частности, по мнению самих зарубежных исследователей, Британия еще только должна найти способ избавиться от подобных симптомов. США дважды избирали Р. Рейгана на пост президента по большей части потому, что он был радикальным сторонником глобального превосходства США и «мог помочь стране избавиться от унижения, причиненного военными провалами в Индонезии, Афганистане и Иране» [132, с. 54-57]. Поэтому, как справедливо подчеркивает И. Призел, специалист по странам Восточно-европейского региона, «постимпериалистические государства вынуждены проходить более длительный период политической аномии, сопровождающийся глубокой нравственной дезориентацией как элиты, так и масс. Данное замечание особенно справедливо для России, у которой ее империалистическая и национальная идентичности тесно переплетены» [212, с. 427].

Дезинтеграция СССР была отмечена двумя противоположными тенденциями. С одной стороны, развал советской империи прошел довольно спокойно, внешне не причинив сильной боли большинству россиян: однажды они проснулись уже в другом государстве, ничего особенно в их жизни, где экономическая неустроенность представлялась более серьезной проблемой, не изменилось. По мнению Е.Б. Светлицкой, в России обретение независимости для многих граждан не несло психологической нагрузки [72]. Однако с другой стороны, всякий раз, как только «изобретается» национальная идентичность и происходит ее

оформление в сознании, становится чрезвычайно трудно, подчас невозможно, искоренить её. Это в полной мере относится к советской идентичности. Россия продолжает контролировать ситуацию в бывших республиках СССР, сохраняя прежнюю концепцию государственной идентичности. Союз России и Белоруссии в некоторой степени также способствует поддержанию советской идентичности, в первую очередь у представителей старшего поколения.

Решение вопроса о том, будет ли, в конечном счете, ближайшее зарубежье внутренним или внешним делом России, зависит от исхода формирования идентичности [186]. Примечательным является тот факт, что, как отмечает американский политолог Д. Лэйтин, работы, посвященные русским в бывших союзных республиках, часто пытаются ответить на вопрос, вернутся ли они в Россию или станут лояльными гражданами в новых республиках. Однако практически не рассматривается альтернатива, предполагающая ассимиляцию или создание новой идентичности, иной, нежели «русские» [180, с. 10]. Р. Кайзер отмечает, что экспансивное восприятие родины, очевидное среди русских, увеличивает вероятность того, что международные конфликты, скорее всего, будут возникать в пограничных республиках, таких как Казахстан, Украина, Беларусь, и в Прибалтике, поскольку русские компактно проживают на этих территориях и у них со временем развилось чувство родины к указанным «чужим» территориям [168, с. 372]. Таким образом, по мнению И. Призел, в России отказ от мессианской идеи осуществляется крайне медленно. Учитывая, что российская мессианская идентичность не потерпела крах, и что даже постимпериалистическая Россия сохранила атрибуты супердержавы, многие черты российского государства соответствуют постимпериалистической идентичности [212, с. 416].

Причиной прочного укоренения имперского мессианского мифа, на наш взгляд, является тот факт, что этническая и государственная идентичности расщеплены в сознании россиян.

Провозглашение независимости России, по словам первого российского президента Б.Н. Ельцина, было в большей степени средством сохранить Россию от забвения и упадка, нежели усилием заново воссоздать Россию как носительницу грандиозной универсальной идеи [прив. по 212, с. 417]. Однако России так и

принадлежность к социально-политическим сообществам, таким как этнос, национальность, государство, не обеспечивает реализации такого рода потребностей, поэтому предпочитается стратегия отказа от идентификации с ними.

Мы уже не раз подчеркивали, что преемственность между этносом и нацией очевидна и играет огромную роль. Нация и ее государство могут возникнуть только на базе определенной этнической культуры, так как государство требует наличия слоя людей, способных управлять, развивать письменность, науки. По-видимому, в современной России такая преемственность отсутствует. Дело в том, что самоназвание «русский» часто несет совсем «не русское» содержание: понятия «русский» и «советский» часто пересекаются в сознании россиян.

Данная ситуация еще более осложняется тем обстоятельством, что у русских, проживающих в относительно однородных по этническому составу регионах, каким является Центральная Россия, практически отсутствует возможность реализовать механизм идентификации - сравнение «нас» с «не-нами».

Продемонстрировать это положение нам поможет сравнение, например, с Оренбургской и Иркутской областями. Историк Г. Косач, рассматривая ситуацию в Оренбургской области и признавая, что гражданское полиэтничное общество здесь еще только складывается, указывает на то влияние, которое оказывают на него самые разные факторы, подчеркивая значимость географического положения Оренбуржья, граничащего с Казахстаном [41].

Оренбургская область - регион, в котором так же, как и в Центральной России, преобладают русские, составляющие 72,3% населения. Немалая доля украинцев (4,7%) превращает это преобладание в неоспоримое доминирование славянских национальных групп, определяющее и конфессиональный характер области, христианской и главным образом православной. Это доминирование, разумеется, отнюдь не означает, что в области нет неславянских (в первую очередь тюркомусульманских) национальных сообществ. Но на фоне русско-славянского доминирования они кажутся незначительными (7,3% татар, 5,1% казахов и 2,4% башкир) и маргинальными. Тем не менее, их присутствие становилось серьезным фактором внутрирегионального политического процесса. Начало 90-х го-

дов было временем действительно серьезных изменений в геополитическом положении Оренбургской области. Речь идет, прежде всего, о возникновении новой государственной границы между Россией и Казахстаном - треть всей пограничной линии между двумя государствами (1876 км) проходит по территории области. В этот же период внутри страны некоторые субъекты Федерации добились беспрецедентного статуса (на Южном Урале и в Поволжье это относится в первую очередь к Башкирии и Татарстану). По представлению региональной элиты географическое положение области приобрело политическое значение. Смысл такого рода претензий состоял в том, что между западными и восточными регионами России тянется сплошной массив национально-территориальных образований. И только на территории Оренбургской области юрисдикция верховной власти России не опосредована суверенитетом республик в составе Федерации. Таким образом сложившаяся ситуация воспринималась так, как будто область стала едва ли не единственным в регионе элементом сохранения российской государственности и упрочения ее безопасности, отрицая такую возможность для Татарстана и Башкирии.

Резюмируя последствия распада Советского Союза, оренбургский исследователь отмечает, что изменение геополитического положения и социальная и экономическая нестабильность вызвали к жизни рост национального самосознания, становящегося реальностью под воздействием, в том числе, и националистических проявлений, транслируемых из республик Казахстан, Башкортостан и Татарстан [41].

Другой пример - город Иркутск. Более 90% его жителей - русские. Однако это центр традиционно переселенческого края, причем переселения как добровольного, так и насильственного ("край каторги и ссылки" при всех режимах). Кроме того, это регион длительного и повседневного контакта переселенческого населения с коренным, бурятским. Здесь, как в плавильной печи, перемешивались представители разных национальностей, рас и культур. Многие из них сумели сохранить элементы этнокультурной идентичности - не случайно в Иркутске действует более 20 национальных обществ и землячеств. Исторически иркутяне накопили большой опыт межнационального общения и контактов, и в этом смысле они более подготовлены к восприятию эт-

нического многообразия, чем провинциальные жители европейской России [22].

Таким образом, реализуя, прежде всего, претензии на исторический приоритет некоторых культурных (письменность) или политических (государственность) достижений своих предков по сравнению с предками соседних народов или миф о культуртрегерстве (Оренбург) и находясь в соседстве с иноэтническими субъектами федерации (Иркутск и Оренбург), население этих регионов актуализировало этническое самосознание естественным образом, без значительного воздействия со стороны. Взяв в качестве примера центральную Россию, скорее можно говорить о том, что такие объективные причины усиления этнонационального компонента идентификации пока практически отсутствовали.

Сравнение «нас» с «не нами», которое играет основную роль в приведенных примерах, в случае нашей области в основном осуществляется с «западными» государствами и происходит не в пользу своей группы. Исходя из теории социальной идентичности и теории социального господства, члены групп с низким социальным статусом, чья социальная идентичность находится под угрозой неблагоприятных межгрупповых сравнений, обычно демонстрируют уменьшение ингруппового фаворитизма или сравнение происходит непосредственно в пользу группы с высоким социальным статусом [184, с. 374]. Вывод: налицо явление негативной ингрупповой идентичности и определенного аутгруппового фаворитизма.

С другой стороны, сравнение СССР с западными державами позволило бы восстановить позитивную идентификацию. Поэтому Россия воспринимается теперь как отличающееся от СССР территориально-политическое образование, но сохранившее статус и достижения СССР. Многочисленные примеры отмеченной тенденции мы можем найти в современной России. Например, на РТР время от времени появляется социальная реклама «Прошлое каждого человека достойно уважения...». ОРТ и РТР включили в свои программы передачи об истории советского оружия - важной характеристики могущества СССР. Как свидетельствуют данные опросов, значительное число россиян продолжают считать, что для обеспечения спокойствия и безопасности необходимо сохранить ядерное оружие [207]. Некоторые

эксперты также указывают на то, что сохранение статуса ведущей ядерной державы для России является необходимым не только в целях обеспечения ее безопасности, но и с точки зрения сохранения роли и места в иерархии международных отношений [см., например, 40], что, по мнению других экспертов, невозможно по объективным причинам [см., например, 263].

Используя терминологию Э. Эриксона, россияне переживают период спутанной идентичности [91]. Действия руководства не способствуют преодолению этой неопределенности. Так, например, символами государства стали герб *царской империи*, гимн на *советскую* музыку, но на *российские слова*, а красное знамя, *советский* символ, используется российской армией. Во внешней политике ориентация на развитые демократические страны сменилась усилением сотрудничества с прежними партнерами.

В этой связи нельзя еще раз не остановиться в общих чертах на роли внешней политики в процессе становления идентификации России. Характеристики больших групп, каковой являются и национальные группы, проявляются двояким образом:

- 1) как характеристики типичной личности представителя определенной общности;
- 2) как характеристики психического склада общности (нации в данном случае) [74, с. 552].

Международные отношения репрезентируют характеристики нации именно как качества всей общности. После распада СССР Россия объективно оказалась перед необходимостью «отыскать» новое место в мире. Неотложной задачей стало переосмысление внешней политики страны и переформулирование ее национально-государственных интересов. Важность данной задачи связана с тем, что сама идея «национальных интересов» основывается на том допущении, что идентификация с нацией преобладает над всеми остальными параметрами политической и социальной идентификации.

Однако государство столкнулось со значительными трудностями при реализации этой задачи. По мнению П. Канделя [28], сложности внешнеполитического самоопределения России были вызваны не только самим фактом рождения нового государства, никогда ранее не существовавшего в таких границах. Радикально изменившимся внешним и внутренним условиям существо-

вания Российской Федерации объективно противостояла инерция преемственности внешней политики СССР и более давняя историческая наследственность Российской империи. Красноречивый пример тому - внешнеполитические инициативы России на Балканах. П. Кандель выделяет две существенные черты политики России в этом регионе: национально-государственные интересы Российской Федерации невольно подменялись интересами Российской империи или Советского Союза, государств совсем иного экономического, политического и военного веса, существовавших в совершенно иных геополитических и геоэкономических измерениях. Определялись же эти интересы лишь контекстом неизменного противостояния России с Западом и мусульманским миром и нуждами православно-славянских союзников [28].

Неудивительно, что сформулированные таким образом интересы страны утрачивали главные качества, их характеризующие: неразрывную связь с собственными внутренними потребностями и реальными внешними возможностями государства, а прежде всего - способность выражать и поддерживать национальную идентификацию. Благодаря памяти о прошлом, этноисторической преемственности воспроизводится ядро национального характера. Этноисторический аспект национального самосознания - это его динамическая характеристика, увязывающая воедино настоящее и будущее. Так, государство, которое живет только настоящим, чувствует себя удовлетворенным тем положением дел, которое существует в мире, статусом своего государства. В этом случае государственные деятели будут стараться избегать любых изменений, а значит, и развития. Однако когда политики постоянно апеллируют к прошлому, они могут решить, что должны искоренить все, что не принадлежит «старому доброму времени» [223, с. 49]. Подобная жизнь прошлым не способствует, а напротив, мешает разрешению кризиса идентичности россиян.

Коллапс Российской империи вызвал появление нескольких разных концепций ее дальнейшего развития. Некоторые полагают, что Россия не сможет сохранить свою усеченную целостность без хотя бы частичного восстановления империи. Другие считают, что гибель империи оказала «освобождающее» влияние на Россию, что позволило ей стать обычной нацией, пресле-

дующей свои интересы, а не имперские амбиции. Сторонники концепции полагают, что данное обстоятельство предоставляет России возможность вернуться в международную систему. Третья группа аналитиков, чью точку зрения часто представляет писательница Т. Толстая, доказывает, что существует несколько российских идентичностей и что исторический императив России состоит в том, чтобы развиваться дальше. Каждая новая Россия будет формулировать свою внешнюю политику, отражающую свои особые потребности и идентичность. Наконец, четвертая точка зрения состоит в том, распад империи предоставляет России возможность вернуться к своим корням и совсем уйти из международной системы [212, с. 10-11].

Общей чертой, объединяющей данные концепции, является использование внешней политики в качестве инструмента, помогающего развить России свою идентичность. В этой связи необходимо подчеркнуть особенности формирования идентичности России с точки зрения взаимоотношений «мы» и «они». «Имперский» народ (пусть этот статус для русских уже и в прошлом) трудно убедить в том, что источником его бед и несчастий могут быть относительно немногочисленные народы [68]. Данное обстоятельство, позитивное с точки зрения поддержания социально-политической стабильности и межнационального мира, серьезно мешает этнической консолидации русских. Как ни цинично это звучит, но наличие «образа врага» в принципе не только не препятствует, но, скорее, способствует строительству национального государства. Россия пытается строить свою идентичность вообще без участия «они», что невозможно при отсутствии прочной этнонациональной основы. Может возникнуть справедливый вопрос: а как же раньше удавалось сохранять мы-идентичность? В царской России и в СССР идентичность базировалась на идее. Идея, конечно же, была разной, но по существу процесс идентификации осуществлялся по одной схеме, в которой существенную роль как раз и играло противопоставление «мы» - «они». Любое выражение агрессии против «них» вызывает чувство вины, которое, в свою очередь, продуцирует потребность в агрессии со стороны других (необходимо оправдать свои вспышки агрессии). Таким образом, чувство вины проецируется во внешний мир. Мир становится врагом. Чтобы спра-

виться с ним, его необходимо поглотить. Чем не стратегия внешней политики СССР?

В конечном счете диалектика национальной идентичности и внешней политики будет формировать российское видение мира. Однако пока это сделать довольно сложно, поскольку, на наш взгляд, в России существует проблема выбора ориентира, точки отсчета, от которой следует начать писать новую историю России. Подтверждение тому - только что приведенные четыре очень разные концепции дальнейшего развития России. Факт, что существует так мало объективных источников значения в современном обществе, ведет к перманентному кризису идентичности. Безусловно, кризис идентичности принимает особенно острую форму в период социальных трансформаций, когда даже такие устойчивые социальные структуры, как этнос, нация, государство, теряют свою стабильность.

Следуя далее терминологии Э. Эриксона, для того, чтобы преодолеть кризис идентичности, россиянам необходима идеология - неосознанный набор ценностей и посылок, отражающий религиозное, научное и политическое мышление культуры. А для того, чтобы создать новую систему ценностей, необходимо «отреагировать» свое прошлое. Пользуясь терминологией В. Волкана, его необходимо «оплакать». **Оплакивание**, реакция на реальную или предполагаемую, но неизбежную потерю, является ключевым концептом, посредством которого анализируются взаимоотношения больших групп [247, с. 43]. Данный концепт заслуживает отдельного рассмотрения.

Политическая психология имеет определенную перспективу для изучения травмирующих событий. Термин **травматические события** обычно используется для обозначения любого опыта как внутри, так и вне рамок обычного опыта, который оказывается для многих людей стрессобразующим и имеет продолжительный характер. Некоторые определения травмирующих событий подчеркивают сильные специфические эмоции, такие как ужас или чувство беспомощности, которые сопровождают данные события [176, с. 831]. Так, существуют формы травмирующих психику событий, в основе которых лежат политические причины и которые непосредственно влияют на население. Это такие события, как пытки, террористические акты, смерть крупных политических и общественных лидеров, независимо от того,

рассматриваются ли ее причины в политическом контексте или нет, она все равно имеет политический оттенок.

Я. Верцбергер [245] рассматривает влияние коллективной политической травмы и ее последствий на ценности, убеждения, установки масс по отношению к вопросам, которые ассоциируются с этим травматическим событием. Он предлагает шесть гипотез, выведенных дедуктивным путем, которые описывают, объясняют и связывают аффективные, когнитивные и поведенческие аспекты коллективной травмы:

1) люди перестают контролировать ключевые, изначальные ценности и убеждения. В подобной ситуации они не в состоянии мобилизовать собственные ресурсы, ждут руководства от внешнего авторитета, к которому они обращались в прошлом как источнику надежного знания;

2) временное переключение внимания;

3) огруппление мышления;

4) ложная оценка прошлого опыта и будущей перспективы;

5) дифференцированное влияние на когниции: наиболее подвержены влиянию те люди, которые не имели соответствующего опыта, подтверждающего изначальные ценности, взгляды, убеждения или не приобрели сформировавшиеся когниции по проблеме;

6) уход в себя (данное состояние преодолевается по мере ослабления яркости события в памяти) [245, с. 866].

П. Зюдфелд, отмечая воздействие сильных стрессообразующих событий на группы и сообщества людей, подчеркивает уязвимость находящегося под их влиянием населения и потребность в помощи. Однако, не отрицая важности подобной помощи, исследователь доказывает, что сообщества, как и индивиды, в целом достаточно жизнеспособны. Обычно они способны справиться с распространившимися чувствами опасности и катастрофы, усвоить адаптивное поведение [234, с. 849].

Одним из таких механизмов является оплакивание. Оплакивание представляет собой психологический процесс, который начинается в данное время и, судя по намерениям и целям, заканчивается, когда оплакивающим больше не владеют образы того, кого он потерял. Но иногда этот процесс усложняется, и тогда неспособность народа оплакать свою потерю превращается в политическую силу.

Репрезентация потери может оформиться в «воспоминание». Оно представляет собой образ потерянного человека (или объекта), который весьма реалистичен, но у которого нет будущего, поскольку оплакивающий больше не испытывает сознательного или неосознанного желания воскресить его. В случае потери территории, утраты престижа страны группа испытывает сложности в образовании такого «воспоминания», она может бесконечно пытаться возместить утрату.

В условиях политического, военного или экономического давления оплакивание может быть осложнено, если от «потери» нельзя отказаться, потому что она слишком идеализирована или необходима для самооценки. Нормальная доля озлобленности всегда присутствует при оплакивании, так как любая потеря причиняет боль. Но если потеря сопровождается гневом, то это излишне сгущает краски и влияет на процесс оплакивания. Когда человек или группа преисполнены ненависти, существует риск того, что они так и не смогут адаптироваться и принять реальность, измененную потерями.

Неспособность оплакивать имеет далеко идущие последствия для этнической и национальной идентичности, возобновляясь в следующих поколениях. Следующие поколения захотят воссоздать то, что было утеряно, для того чтобы восстановить свою самооценку, стимулируя в связи с этим стремление к политическим действиям [247, с. 43-44]. Результатом оплакивания является потеря того влияния, которое оказывала на человека потеря и принятие статус-кво. Это ни хорошо, ни плохо, это - неизбежно [248, с. 219].

Многие аналитики считают, что дезинтеграция СССР для большинства россиян прошла безболезненно. Однако это утверждение выглядит неабсолютным даже для территориального распада государства. Утрата советского миропорядка, который теперь по прошествии многих лет кажется стабильным (13,4% респондентов в исследовании З.В. Сикевич считают таковой советскую эпоху), вселяющим уверенность (8,2%), спокойным (6%), мирным (5,2%) благополучным (зарплата - 17%), оказалась особенно болезненной. Современность предложила наряду со свободой (18,2%), демократией (16,4%), гласностью (7%), безработицу (17,8%), беспорядок (9,2%), нищету (7,8%), беспредел (6,4%), страх (6%), неуверенность (5,6%) [73, с. 192-193].

Россиянам еще только предстоит «оплакать» те стремительные изменения, которые произошли в стране на пути трансформации от коммунистического к демократическому миропорядку, и сформировать «новую» идентичность. Поэтому было бы преждевременно говорить о преодолении кризиса идентичности. Рост позитивных компонентов в структуре самоидентификации русских, связанных, прежде всего, с их этнической принадлежностью, происходит на фоне общего спада политической мобилизации, а значит, и процесса разгосударствления человека, что на социальном и психологическом уровне означает неэффективность политики государства. Конечно, кризис доверия к российской власти еще не означает тотального кризиса российского общественного сознания. Мы уже не раз подчеркивали, что это может означать, что идентификация с другими социальными общностями может приносить человеку больше психологических выгод. Но, учитывая тот факт, что российская идентичность - это традиционно государственная идентичность, трудно быть оптимистом. Во многих исследованиях, проведенных ВЦИОМ, подчеркивается, что опорные моменты культуры самосознания русских связаны с имперским комплексом. Однако на вопрос о том, в какой мере вы согласны с тем, что россияне должны быть готовы воевать за Россию, не задумываясь, права она или нет, согласных оказалось 25% против 56% [78, с. 37].

По оценкам исследователя Л.Д. Гудкова, в настоящее время усиливаются двойственность и противоречивость массового самосознания, что свидетельствует о нарастании потенциала будущих изменений [78]. Для того чтобы придать этим изменениям целенаправленный характер, государство, наконец, должно выполнить задачу о разработке концепции национального развития, национальной идеи, наиболее активное обсуждение которых идет с 1996 года. Однако проблема идеологии, отмечает С.Я. Матвеева, представляет одну из самых трудных, так как общество не готово развивать ту, может быть, единственную форму национализма, которая не является разрушительной для всех его членов. Это - гражданский национализм, солидарность всех граждан данной страны вне зависимости от этничности. Поэтому активное участие граждан в решении вопросов внутренней и внешней политики, ответственность политических лидеров, прозрачность процесса принятия социально-

политических и экономических решений будут способствовать развитию идентичности как интегративного качества личности.

2.2. Формирование идентичности в государствах «ближнего зарубежья»

Распад СССР и провозглашение независимости составлявших его республик, казалось, создали благоприятные стартовые условия для политизации этничности и реализации фундаментальной задачи формирования национальных государств. Однако сладкое бремя независимости вскоре уже не казалось таким: «начался "дрейф" новых независимых государств в неустойчивом и неоднородном многомерном пространстве» [19, с. 225].

Важность задачи формирования новой идентичности, соответствующей изменившемуся политическому статусу, была продемонстрирована уже завершившимися или все еще продолжающимися конфликтами в Чечне, Грузии, Азербайджане, Молдове. Даже в тех регионах, где конфликты между национальными и этническими группами были менее ожесточенными, возникали споры по проблеме национальной идентичности. Поэтому национализм является наиболее важным компонентом в изучении политики государств, возникших после распада СССР. И. Бреммер [205] говорит о том, что национализм и национальные движения «снизу» представляют собой наиболее характерную черту постсоветской реальности. Он разработал многоуровневую типологию национальных движений и предположил, что разные группы будут следовать политике интеграции, доминирования, соперничества или заговоров в зависимости от их относительного положения.

Украина декларирует приоритет становления государственности и европейской интеграции. Белоруссия выступает лидером восточнославянского союза. В Молдове установились наиболее тесные связи с этнически близкой Румынией. Страны Балтии и Средней Азии ориентируются, соответственно, на Запад и на Восток. В Закавказье доминирует многовекторная ориентация с конфессиональными особенностями. Азербайджан тяготеет к мусульманской Турции, а христианская Армения - ориентируется на поддержку России и Ирана. Грузия, как мы уже отмечали,

тяготеет к «общеевропейскому дому». В связи с экономическим ослаблением России, усиливается присутствие Запада в Закавказье. Казахстан выступает за создание евразийской конфедерации [19, с. 226].

Таким образом, несмотря на наличие общих черт, существует множество различий между государствами Балтии, славянскими, азиатскими и кавказскими государствами, возникшими на развалинах СССР. Более того, каждая страна одного и того же региона обнаруживает свои особенности в процессе формирования идентичности. Именно на данное обстоятельство мы и хотели бы обратить внимание. Поэтому в этой главе мы рассмотрим процесс формирования идентичности в двух славянских государствах - Украине и Белоруссии. Можно предположить, что формирование идентичности в этих двух государствах будет идти одинаково. Однако практика показала, что это не так. Украина выбрала курс дистанцирования от России, в какой-то мере даже в ущерб своим экономическим интересам, а Белоруссия, напротив, ради поддержания своей экономики готова уступить России часть своего суверенитета [58]. Почему это произошло? Попытаемся ответить на данный вопрос.

Украина

После объявления своей независимости Украина, как и все остальные бывшие союзные республики, должна была определить тот базис, на основе которого будет построена новая украинская идентичность. По мнению известного российского политолога А. Миграняна, украинская элита должна была сделать выбор между двумя возможными путями строительства государства. Первый путь - создание национального государства по типу прибалтийских республик, Грузии и других, где под национальным государством понималось господство титульной национальности. Второй путь становления государства предполагал, что украинское государство будет государством всех этнических групп. Поэтому ставилась задача создания политической нации, которая должна была прекратить размежевание по этнокультурным линиям, что могло бы помешать становлению молодого государства [53, с. 352-353].

Первый путь явно не годился для такой «неоднородной» страны, как Украина. Внутренне Украина разнится в языковом,

религиозном и экономическом планах. 23 процента населения составляют русские. Соответственно наблюдается дифференциация и по языку. На Украине позиции украинского языка в конце советского периода были значительно крепче. В Западной Украине украинский язык господствовал. А в целом в повседневной жизни на украинском говорят более 40 процентов населения. В ходе опроса 1997 года респондентам было предложено выбрать язык анкетирования. Украинский выбрали 41,6%, русский - 43,4%, остальным было все равно [приведено по 58]. Показателен пример украинского президента Л. Кучмы, который раньше плохо знал украинский язык, теперь выучил его и стал использовать в публичных выступлениях как родной. И если в период перестройки в Киеве преподавание на украинском языке велось менее чем в 30% школ, то теперь - в 90% [прив. по 58].

Раскол произошел и в религии: в трех национальных церквах (униатской и двух автокефальных) больше приходов, чем в Украинской Православной Церкви, оставшейся под московской юрисдикцией.

Украина неоднородна и в том (и это особенно важно), что имеет разный исторический опыт и коллективную память [212, с. 421]. Рассмотрим влияние этого фактора более подробно.

Истоки Украины, Белоруссии и России - в древнем государстве - Киевской Руси IX - XIII веков. Украинские историки всегда претендовали на исключительные права Украины на Киевскую Русь, поскольку центр этого государства был на территории современной Украины и его столица - столица Украины. Киевская Русь, таким образом, - один из мифологических «золотых веков» украинской истории, одно из оснований ее национальной гордости и осознания ею права на суверенитет.

В 1648 году казацкое гетманство добилось независимости от поляков (второй «золотой век» Украины, век героических войн за освобождение). В 1654 году по Переяславскому договору оно вступило в союз с Москвой, который сами казаки рассматривали как союз равных. Однако Москва смотрела на него иначе. Под Полтавой в 1709 году казаки были разгромлены, а в конце XVIII века последние остатки казацкой автономии были уничтожены Екатериной Великой [58].

Еще одним важным событием, на наш взгляд, стало присоединение к СССР в 1939 году Западной Украины. Поэтому, когда

в 1941 году на Украину вторглась Германия, некоторые украинцы приветствовали их как «освободителей».

Перечисленные выше факторы и отсутствие общей коллективной памяти существенно влияют на формирование украинской идентичности, делая ее потенциально склонной к расколу: идентичности Западной и Восточной Украины существенным образом отличаются. Воздействие культурных факторов усиливается воздействием экономической переменной. В этой связи примечателен прогноз И. Призела: «Хотя в век глобальной экономической интеграции практика установления регионами более тесных экономических связей с соседними государствами получила широкое распространение, ситуация на Украине предстает в несколько ином свете с учетом ее исторических отношений с соседними государствами. Нельзя с уверенностью утверждать, что экономическая взаимозависимость Восточной Украины и Российской Федерации так и останется только взаимовыгодным экономическим сотрудничеством и не приведет к попыткам кого-нибудь в России расколоть Украинское государство» [212, с. 421].

Таким образом, следование первому пути неизбежно привело бы к созданию этнократического государства со всеми его конфликтами и противоречиями, с которыми на этом пути уже столкнулись, например, государства Балтии, где имеют место конфликты между титульной нацией и русскоязычным населением. Сказанное выше особенно важно, если учесть, что Украина, имеющая большое этническое меньшинство, граничит со страной, которая считалась или до сих пор считается родиной этого меньшинства. Данное обстоятельство может спровоцировать следующие возможные сценарии. Как подчеркивает Д. Лэйтин, если государство-родина этнического меньшинства является достаточно сильным, оно может обеспечить определенную безопасность национальному меньшинству, поэтому вряд ли будет стремиться обеспечить себе более высокий статус, конфликтуя с большинством. Лидеры меньшинства в данном случае полагают, что их группа всегда будет защищена вооруженными силами государства-родины, даже если обязательства государства окажутся эфемерными. Более того, если государство-родина обнаруживает слишком большую заинтересованность в дальнейшей судьбе меньшинства, то данное обстоятельство

может спровоцировать меньшинство на развязывание конфликта. При этом может преследоваться цель представить себя мучениками и добиться присоединения территории их настоящего проживания к исторической родине. Однако если государство-родина проявляет незначительный интерес к судьбе меньшинства, то это позволяет сторонникам создания этнократического государства поступиться своими обещаниями перед меньшинством [180, с. 328-329].

На наш взгляд, соседство сравнительно сильного в экономическом и военном плане государства стало важным аргументом против создания национального государства, обеспечивающего господство титульной нации. Маловероятно, что Россия силой оружия станет восстанавливать ущемленные права русских на Украине. Однако, как мы показали в разделе, посвященном образу государства, часто большее значение имеет не то, что имеется в действительности, а то, как эта действительность видится со стороны. Россия в восприятии украинцев все еще предстает в образе достаточно агрессивного, «поглощающего» государства. В этой связи показателен следующий пример: благодаря мощным забастовкам, охватившим восток страны (традиционно тяготевший к России), занимавший в то время пост премьер-министра Украины Л. Кучма заключил экономический союз с Россией и Беларусью, а президент Л. Кравчук начал диалог о возможности военно-политического союза между Украиной и Россией [53, с. 354].

Второй путь также требовал ряда условий для своей реализации. Для того чтобы консолидировать политическую нацию и на этой основе строить национальное государство, требуется достаточно высокий уровень социально-экономического развития, которое способствовало бы интеграции в органическое целое представителей различных этнических групп [53, с. 253], особенно в условиях исторического и культурного единения. Как следует из сказанного ранее, это условие также не выполнялось.

В отчете, подготовленном «Дойче Банком» в 1990 году, по индексу перспектив посткоммунистического развития среди советских республик Украина получила довольно высокие оценки по однородности населения, факторам, способствующим установлению экономических связей с развитыми странами, близо-

сти к Европе. За уровень индустриализации Украина получила 9 баллов по десятибалльной шкале, 8 - за развитие инфраструктуры. В целом Украине были поставлены самые высокие оценки из всех советских республик - 83 из 100 возможных [58].

В конце 80-х создавалось впечатление, что национальная идентичность и этническая политика являются наиболее влиятельными силами и преобладают над всеми другими вопросами. Однако в Литве, Украине, Молдове и Грузии лидеры, придерживающиеся националистической политики, постепенно уступили место более прагматичным политикам.

Соображения экономического порядка были особенно влиятельными в принятии решения о независимости Украины. Голосуя за независимость на референдуме в декабре 1991 года, украинцы не преследовали только лишь цель возвращения на Запад: только небольшая часть населения страны рассматривала независимость как благо само по себе. Люди предпочли независимость, так как полагали, что она положит конец экономической зависимости от России и улучшит экономическое положение в стране [212, с. 420]. Предполагалось, что отделение украинской экономики от российской принесет Украине значительную выгоду, поскольку республика поставляла свои товары в СССР по искусственно низким ценам, а теперь сможет с большей выгодой торговать с Западом. В это верили даже этнические русские, 60% которых поддержали на референдуме отделение от России [58].

Когда кризис 1994 года стал угрожать единству и независимости Украинского государства, элита предпочла бороться с ним с помощью экономической реформы, а не посредством более тесной интеграции с Россией. Напротив, белорусские лидеры, премьер В. Кебич до июля 1993 года и затем президент А. Лукашенко, на аналогичный кризис реагировали иначе: замену экономической реформе они стали искать в финансовом и экономическом союзе с Россией» [123, с. 77].

Таким образом, Украина продолжает сложный путь «независимости в единении». Учитывая исторически «почвенную» природу украинского национализма, можно предположить, что, даже если бы ее попытки вестернизации провалились, Украина вряд ли попытается осуществить ирредентистскую модель

национализма [212, с. 420]. Действительно, о единении с Россией трудно говорить.

Вместе с тем в свете мессианской идентичности России, отказ от которой осуществляется крайне медленно, гипотетически возможно и такое развитие событий, о котором писал политолог З. Бжезинский: «Без Украины Россия перестает быть империей, но с подчинением Украины она становится империей автоматически» [прив. по 58]. На наш взгляд, сейчас это тоже невозможно, но на этот раз по причине экономической слабости России.

В свете региональных различий, существующих на Украине, она вряд ли «возьмет на вооружение» польскую модель популизма. При этом популизм рассматривается в качестве дискурса, интегрирующего национализм в структуру ожиданий и требований защиты от резких изменений, следующих за экономической и политической модернизацией. Такого рода национал-популизм - это ответ на глубоко укоренившийся мучительный страх неудачи. Он выражает сильное желание большинства не быть изгнанными, исключенными, забытыми в результате трансформаций [прив. по 212, с. 419].

Во внешней политике польская модель популизма выражается в том, что государство уделяет больше внимания своему меньшинству, проживающему в соседних государствах. Параллельно с этим реализуется стремление к укреплению геополитического и экономического лидерства в странах региона между Балтийским и Черным морями. По оценкам специалистов, потенциально возникновение польского популизма может не только дестабилизировать экономическое оздоровление в посткоммунистической Европе, но и внести определенный вклад в восстановление так называемой «серой зоны» между Россией и Германией со всеми ее «историческими ловушками» [212, с. 420].

Для осуществления данной модели Украине была необходима ясная и сильная национальная идентичность в качестве основы объединения как против «интернационализма», так и «мирового порядка» [212, с. 421]. Украина отвергла и данный путь. Вероятно, политолог А.К. Пушкин достаточно полно сформулировал особенности формирования новой украинской идентичности, когда подчеркнул: «Для Украины сейчас самое важное - не интеграция с Россией, а самоутверждение в качестве нового, ни-

когда не существовавшего в нынешних границах государства. Причем самоутверждение на основе своего отличия от России и даже своего противопоставления ей» [прив. по 5, с. 184].

Беларусь

Отношения России с Беларусью, в отличие от Украины, более нацелены на интеграцию, чем на разделение. В Беларуси не были столь сильны настроения в пользу выхода из состава СССР и образования независимого государства. От Украины Беларусь отличается еще и тем, что в этой республике никогда не существовали антирусские настроения и не было глубокой психологической травмы, обусловленной нереализованной государственностью.

Территория Белоруссии также была некогда частью Киевской Руси, однако собственно белорусским могло считаться только входившее в его состав Полоцкое княжество, в котором историки видели эмбриональное Белорусское государство. После монгольского вторжения территория современной Белоруссии погрузилась в анархию и постепенно вошла в состав Великого княжества Литовского. В этом государстве роль Белоруссии была очень велика, и своды законов здесь составлялись на старобелорусском языке. После того, как Великое княжество объединилось с Польшей, в высших классах обозначилось преобладающее польское влияние. Белорусы не создали аналога гетманскому государству: в войне 1654 - 1657 гг. Белоруссия участвовала как часть Речи Посполитой. В конце XVIII века Россия приобрела Белоруссию как часть Польского государства, не заключив с ней договора по типу переяславского.

До 1918 года Белоруссия была составной частью России. В этом году на незначительный период она приобрела независимость, чтобы потом войти в состав СССР.

Аналитики отмечают, что именно советский период стал основой идентичности белорусского народа. Как отмечают М. Нордберг и Т. Кузио, значительным пробелом становления белорусской государственности и культурного возрождения периода русской революции стало практически полное отсутствие исторической мифологии. Этот недостаток белорусские националисты не смогли компенсировать. Зато партизанское движение в Белоруссии в период Великой Отечественной Войны и по-

слевоенное восстановление народного хозяйства создали новые исторические мифы. Но по своему характеру это не национальные, а специфически белорусско-советские исторические мифы [58].

Миф - это картина мира и одновременно - механизм психологической, эмоциональной консолидации. Картина мира принципиально не имеет точных описаний, это скорее набор смутных ощущений. Отсюда возникает потребность в мифе, который компенсирует недостаток знаний [70, с. 175]. Не удивительно, что такого рода знание Беларусь обнаружила именно в советский период - период определенности, «существования», субъектности в советском пространстве. Более того, это и период «героических» мифов, которые по праву вызывают гордость. Отсюда - отнюдь не случайное единение с Россией, активная позиция на сближение в рамках СНГ.

Кроме того, Беларусь в большей степени чувствовала себя частью единого русского языкового и этнокультурного ареала [53, с. 358]. Так, опрос 1997 года показал, что в повседневной жизни белорусский язык используют менее 10% населения Беларуси. Это - самый низкий уровень «языковой лояльности» в республиках бывшего СССР [58].

Как и в примере с Украиной, на решение Беларуси о выходе из состава СССР определенное влияние оказало состояние экономики. В. Кебич, назначенный в июне 1990 года премьер-министром, при своем вступлении в должность заявил, что Белоруссии необходим экономический суверенитет. В октябре того же года было объявлено, что Белоруссия пойдет путем рыночных реформ. Однако, как мы показали ранее, свои экономические неудачи страна предпочла преодолевать вместе с Россией, путем более тесной интеграции с ней.

Таким образом, главной тенденцией в формировании идентичности Беларуси является движение в сторону России.

* * *

Обобщая сказанное выше и подводя общий итог изложения материала, можно сделать вывод о том, что идентичность - этноса, нации, государства - является подчас основной независимой переменной, определяющей жизнь современного динамичного мира. «Кто Я?» - ответ на этот базовый вопрос порождает войны и стабильность, приводит к распаду государств и их возникновению. Ответ на него ищут не только народы, недавно вставшие на путь преобразований, но и те, чья история насчитывает века, чьи границы - стабильны, а традиции - неизменны. Идентификация - это вечный двигатель, постоянные преобразования, переосмысления. Идентичность - это бесконечная череда рождений, воплощенных в возможности ответить на самый простой и самый каверзный вопрос - кто же все-таки я? Вместе с тем идентификация - это всего лишь повторение. Никто из нас не может стать тем, кем он еще не был, не усвоить то, что уже хранится в коллективной памяти нации. Найти идентичность - означает вспомнить и воплотить прошлое. Данное замечание особенно справедливо для таких «коллективных» идентичностей, как этническая, национальная, государственная.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абельс Х. Интеракция, идентификация, презентация. СПб.: Алетей, 1999. 265 с.
2. Агеев В. С., Андреева Г. М. Специфика подхода к исследованию перцептивных процессов в социальной психологии // Социальная психология: Хрестоматия / Сост. Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 136-146.
3. Адорно Т. Авторитарная личность // Психология и психоанализ власти / Д.Я. Райгородский. Т. 2. Хрестоматия. Самара: Бахрах, 1999. С. 239-244.
4. Алексеева Т.А. Современные политические теории. М.: РОССПЭН, 2001. 344 с.
5. Алпатов В.М. 150 языков и политика. 1917-2000. М.: Крафт+, Институт востоковедения РАН, 2000. 224 с.
6. Андреева Г. М. Идентичность с окружающей средой // Психология социальных ситуаций / Сост. и общая редакция Н.В. Гришиной. СПб: Питер, 2001. С. 248-257
7. Андреева Г.М. Психология социального познания: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2000. 288 с.
8. Аннинский Л. В кувыркающемся корабле (заметки о русской самоидентификации) // Рубежи. 1998. № 1. С. 16-40.
9. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М.: Прогресс, 1986. 420 с.
10. Богатуров А. Синдром поглощения в международной политике. Адрес в Интернет: <http://pubs.carnegie.ru/p&c/Vol.14-1999/4/02bogaturov.asp>.
11. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. С. 45-58; 173-200.
12. Брунер Дж. Психология познания М.: Прогресс, 1977. 412 с.
13. Владимир Путин: за этот год я стал добрее (интервью с журналистами газет «Московский комсомолец», «Известия», «Труд», «Комсомольская правда», посвященное итогам первого года президентства // МК. 2001. № 13 (173). 29.03 - 5.04.
14. Волкан В., Оболонский А. Потребность иметь врагов и друзей // Дружба народов. 1992. № 7. С. 171-184.
15. Враг по расчету // МК. 2001. 11 – 18 окт.
16. Вяткин Б.А., Хотинец В.Ю. Этническое самосознание как фактор развития индивидуальности // Психологический журнал. 1996. № 5. С. 69-75.
17. Гасанов И.Б. Национальные стереотипы и «образ врага» // Психология национальной нетерпимости: Хрестоматия / Сост. Ю.В. Чернявская. Минск: Харвест, 1998. С. 187-208.
18. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 319 с.
19. Дергачев В.А. Геополитика. Киев: ВИРА-Р, 2000. 448 с.
20. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы, защита. М.: ЧеРо, Юрайт, 2000. 343 с.

21. Дружинин В.Н., Леонтьев А.Н. Ощущения и восприятия как образы предметного мира // Познавательные процессы: Ощущения, восприятие. М.: Педагогика, 1982. С. 32-50.
22. Дятлов В. Кавказцы в Иркутске: конфликтогенная диаспора // Нетерпимость в России: старые и новые фобии / Г.С. Витковская, А.В. Малащенко; М.: Центр Карнеги, 1999. С. 15-29. Электронная версия книги: <http://pubs.carnegie.ru/books/2000/>
23. Европейский Союз на пороге XXI века: выбор стратегии развития / Ю.А. Борко, О.В. Буторина. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 472 с.
24. Егорова-Гантман Е., Плешаков К. Концепция образа и стереотипа в международных отношениях // Мировая экономика и международные отношения. 1988. № 12. С. 19-33.
25. Журавлев А.Л. Психологические особенности коллективного субъекта // Проблема субъекта в психологической науке / А.В. Брушлинский, М.И. Воловикова, В.Н. Дружинин. М.: Академический Проект, 2000. С. 133-150.
26. Каган В.Е. Практическая психология для психологов и врачей: обучающий тестовый контроль. М.: Смысл, Академический Проект, 1999. 807 с.
27. Камер Х-Р. Национальное государство пока продолжает жить // *Internationale Politic* : География конфликтов. № 7. Июль, 2000. С. 20-28.
28. Кандель П. Балканские интересы России: подлинные и мнимые. Адрес в Интернет: <http://toc.asptoc.asp>
29. Киселев И.Ю. Политическая психология: формирование исследовательской парадигмы в контексте становления гражданского общества // Европейские ценности образования и концепция построения гражданского общества в России: сборник научных трудов / Н.Л. Иванова, С.М. Кашапов, Н.С. Кочешков, В.Б. Успенский. Ярославль: ЯГПУ, 2001. С. 190-202.
30. Киселев И.Ю. Политический истеблишмент: психологические аспекты практики властвования. М.: ИП РАН, 2000. 410 с.
31. Киселев И.Ю. Психологические аспекты адаптации России и россиян к новым реальностям меняющегося мира // Миропорядок после Балканского кризиса: новые реальности меняющегося мира: Материалы конференции / А. Кулик. М.: Добросвет, 2000. С. 246-274.
32. Киселев И.Ю. Психологические аспекты «научения» в политике // Хрестоматия по общей и прикладной психологии / А.В. Карпов. М., Ярославль: РПО, 2001. 218-245.
33. Киселев И.Ю., Скитяева И.М. О проективной стратегии в международных отношениях / И.Ю. Киселев. Политический истеблишмент: психологические аспекты практики властвования. М.: ИП РАН, 2000. С. 380-381.
34. Киселев И.Ю., Смирнова А.Г. Актуальные проблемы политической психологии. Москва, Ярославль: ИП РАН, 2001. 156 с.
35. Киселев И.Ю., Смирнова А.Г. Проблемы восприятия в международных отношениях // Психология и практика: Ежегодник Российского Психологического Общества. Т. 4, вып. 3. Ярославль: ЯрГУ, МАПН, Российское Психологическое Общество, 1998. С. 85-88.
36. Киселев И.Ю., Смирнова А.Г. Россия в поисках идентичности // Проблемы психологии и эргономики. Вып. 3/1. Тверь, Ярославль: Эргоцентр, 1999. С. 60-66.
37. Киселев И.Ю. Смирнова А.Г. Формирование идентичности в российской провинции. Москва, Ярославль: ИП РАН, 2001. 152 с.

38. Козлов В. Самосознание этническое // Народы России: Энциклопедия. М.: 1994. С. 461
39. Коппитерс Б. Предисловие // Этнические и региональные конфликты в Евразии. Международный опыт разрешения конфликтов / Б. Коппитерс, Э. Ремакль, А. Зверев. Книга 3. М.: Весь Мир, 1997. С. 3-15.
40. Кортунов С. Национальная философия разоружения // Независимая Газета. 1996. 7 июня.
41. Косач Г. Региональное "гражданское полиэтническое сообщество": вариант Оренбургской области / М.Б. Олкотт, А.В. Малашенко. Реальность этнических мифов. М.: Центр Карнеги, 2000. С. 34-51. Электронная версия книги: <http://pubs.carnegie.ru/books/2000/>
42. Краткий психологический словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1985. 431 с.
43. Крупник И. Причины "взрыва" национализма в нашей стране // Психология национальной нетерпимости: Хрестоматия / Сост. Ю.С. Чернявская. Минск: Харвест, 1998. С. 267-295.
44. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М.: Ключ. 1999. 224 с.
45. Левит К. Кьеркегор и Ницше или философское и телеологическое преодоление нигилизма // Культурология. XX век. Дайджест II (6) - М, 1998. С. 245-266.
46. Линклейтер Э. К Постсуверенному политическому пространству? // Этнические и региональные конфликты в Евразии. Международный опыт разрешения конфликтов / Б. Коппитерс, Э. Ремакль, А. Зверев. Книга 3. М.: Весь Мир, 1997. С. 54-74.
47. Лосский Н.О. Характер русского народа. М.: Ключ, 1990. 500 с.
48. Майерс Д. Социальная психология. СПб: Питер, 1996. 684 с.
49. Максименко В. Происходит ли глобализация? Адрес в Интернет: <http://pubs.carnegie.ru>
50. Малькова Т.П., Фролова М.А. Массы. Элита. Лидер. М.: Знание, 1992. С. 1-15.
51. Матвеева С.Я. Возможность нации-государства в России: попытки либеральной интерпретации // Полис, 1996, № 1. С. 154-162.
52. Международные отношения: социологические подходы / Под ред. П.А. Цыганкова. М.: Гардарика, 1998. 352 с.
53. Мигранян А. Россия в поисках идентичности (1985-1995). М.: Международные отношения, 1997. 416 с.
54. Миграция и безопасность в России / Г. Витковская, С. Панарин. М: Интердиалект, 2000. 341 с.
55. Нетерпимость в России: старые и новые фобии / Г.С. Витковская, А.В. Малашенко. М.: Центр Карнеги, 1999. 196 с. Электронная версия книги: <http://pubs.carnegie.ru/books/2000/>
56. Никольская И. Имидж: определение и свойства // Психотехнологии в социальной работе / В.В. Козлов. Ярославль: МАПН, 1998. С. 200-201.
57. Нодиа Г. Образ Запада в грузинском сознании // Этнические и региональные конфликты в Евразии. Международный опыт разрешения конфликтов / Б. Коппитерс, Э. Ремакль, А. Зверев. Книга 3. М.: Весь Мир, 1997. с. 150-180.
58. Нордберг М., Кузио Т. Историческое наследие и национальные самосознания в Белоруссии и Украине (Сравнительный анализ) // Белоруссия и Рос-

сия: общества и государства / Ред. Д.Е.Фурман, М.: «Права человека». 1998. С. 376-392.

59. Оомен Т.К. Раса, этния и класс: анализ взаимосвязей // Международный журнал социальных наук. 1994. № 3 (6). Август. С. 111-113.

60. Перспективы социальной психологии / М. Хьюстон, В. Штребе, Дж. Стивенсон. М.: ЭКСМО, 2001. 688 с.

61. Платонов Ю.П. Социальная психология этнического взаимодействия / Ю.П. Платонов. Введение в этническую психологию. СПб: СПбГУ, 1995. С 134-143.

62. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1979. 232 с.

63. Посол США: «Мы должны помочь друг другу»: интервью посла США в России А. Вершбоу В. Старкову // АиФ. 2001. № 40.

64. Почебут Л.Г. Традиционная структура психологии этноса / Ю.П. Платонов. Введение в этническую психологию. СПб: СПбГУ, 1995. С. 35-44.

65. Проханов А. Пусть Америка сама ворошит исламский муравейник // АиФ. 2001. № 40, октябрь.

66. Реальность этнических мифов / Под ред. М.Б. Олкотт и А. Малашенко; Московский Центр Карнеги. М., 2000. 99 с.

67. Ремакль Э. Заключение / Этнические и региональные конфликты в Евразии. Международный опыт разрешения конфликтов / Б. Коппитерс, Э. Ремакль, А. Зверев. Кн. 3. М.: Весь Мир, 1997. С. 291-302.

68. Русский национализм в российской политике // Независимая газета, 14.06.2000. Адрес в Интернет: http://scenario.ng.ru/expertize/2000-06-14/7_russian_factor.html

69. Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г. Этнология. М.: Академия; Высшая школа, 2000. 304с.

70. Сатаева Л.Г. Исторические и современные национальные мифы в новом независимом государстве // Философский век: Альманах, вып. 16: Европейская идентичность и российская ментальность / Под ред. Т.В. Артемьевой, М.И. Микешина. СПб., 2001. С. 174-178

71. Свенцицкий А.Л. Сила власти в зеркале социальной психологии // Общество и политика: современные исследования, поиск концепций / В.Ю. Большаков. СПб.: СПбГУ, 2000. С. 20-56.

72. Светлицкая Е.Б. Новая российская идентичность // Общественные науки и современность, 1997, № 1. С. 72-81.

73. Сикевич З.В. Социология и психология национальных отношений: Учеб. пособие. СПб.: Издательство Михайлова В.А., 1999. 203 с.

74. Современная психология / В.Н. Дружинин. М.: ИНФРА-М, 1999. 688 с.

75. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 389 с.

76. Сорос Дж. Сорос о Соросе: опережая перемены. М.: ИНФРА-М, 1996. С. 214-215.

77. Соснин В.А. Культура и межгрупповые процессы: этноцентризм, конфликты и тенденции национальной идентификации // Психологический журнал. № 1. С. 50-60.

78. Социологические исследования в России. Проблемы национального самосознания русских: этнические стереотипы населения. М.: ИНИОН РАН, 1998. 48 с.

79. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Институт психологии РАН, Академический проект, 1999. 320 с.
80. Сушков И. Психология взаимоотношений. М.: Академический проект, ИПРАН, Екатеринбург: Деловая книга, 1999. 448 с.
81. Тевдой-Бурмули А. Интеграция и кризис идентичности: вызов объединяющейся Европе // Европейский Союз на пороге XXI века: выбор стратегии развития / Ю.А. Борко, О.В. Буторина. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 42-63.
82. Уайменн Дж. М., Джайлс Г. Коммуникация в межличностных и социальных отношениях / М. Хьюстон, В. Штребе, Дж. Стефенсон Перспективы социальной психологии. М.: ЭКСМО, 2001. С. 343-371.
83. Уткин А. И. Осмысление геополитического сдвига. Адрес в Интернет: <http://iskran.iip.net/ru/mag/texts-ru.html>
84. Хаким Р. Этнос-народ-нация: движение к государственности // Этнос и политика: Хрестоматия / А.А. Прусаускас. М.: УРАО, 2000. С. 177-178.
85. Хессли В.Л. Возрождение национализма и дезинтеграция государств // Полис, 1996. № 6. С. 44-46.
86. Хотинец В.Ю. Этническое самосознание. СПб.: Алетейя, 2000. 240с
87. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. 2-е изд. СПб.: Питер, 1997. 412 с.
88. Цуциев А.А. Развитие идентификационной структуры в Северо-Кавказском периферийном поясе // Демократическое развитие регионов как условие построения гражданского общества в Российской Федерации: Тезисы докладов. Владикавказ: Северо-Осетинский Институт Цивилизации, 1998. С. 11-13.
89. Шихирев П.Н. Современная социальная психология США. М.: Наука, 1979. 229 с.
90. Элиас Н. Общество индивидов. М.: Праксис, 2001. 336 с.
91. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
92. Этнос и политика: Хрестоматия / А. А. Прусаускас. М.: УРАО, 2000. 400 с.
93. Юрьев А.И. Может ли общество одновременно думать и чувствовать? // Общество и политика / В.Ю. Большаков. СПб.: СПбГУ, 2000. С. 420-440.
94. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. № 3-4. С. 158-181.
95. Adler E. The Emergence of Cooperation: National Epistemic Communities and the International Evolution of the Idea of Nuclear Arms Control // P. Haas Knowledge, Power, and International Policy Coordination Special Issue of International Organization. 1992. 46. № 1. P. 101-146.
96. Adler E., Haas P. Epistemic Communities, World Order, and the Creation of a Reflective Research Program / P. Haas. Knowledge, Power, and International Policy Coordination. Special Issue of International Organization, 1992. 46. N1. P. 367-390.
97. Adomeit H. Soviet Risk-Taking and Crisis Behavior. London: George Allen&Unwin, 1982. 377 p.
98. Affect and Cognition: The Seventeenth Annual Carnegie Symposium on Cognition // M.S. Clark, S.T. Fiske. Symposium on Cognition. Carnegie-Mellon University. Hillsdale, N.J.: L. Erlbaum Associates, 1982. 367 p.
99. Aklaev A. Causes and Prevention of Ethnic Conflict: An Overview of Post-soviet Russian-Language Literature .Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences. Available - <http://www.ccpdc.org/frpub.htm>

100. Armstrong J. Towards the Theory of Nationalism: Consensus and Dis-sensus. // S. Periwal. Notion of Nationalism. Budapest: CEU Press, 1995. P. 34-44.
101. Barner-Barry C. Nation Building and the Russian Federation // B. Glad and E. Shiraev. The Russian Transformation. Political, Sociological and Psychological Aspects. N.Y.: St. Martin's Press, 1999. P. 95-108.
102. Barnett M. Institutions, Roles, and Disorder: The Case of the Arab States System // International Organizations, 1993. № 37. P.271-296.
103. Berger P., Berger B., Kellner H. The Homeless Mind: Modernization and Consciousness. N.Y. Vintage, 1974. 258 p.
104. Bierbrauer G., Pedersen P. Culture and Migration / G.Semin, K. Fiedler. Applied Social Psychology. London: Sage Publication, 1996. P. 399-422.
105. Blaney D. Equal Sovereignty and an African Statehood: Tragic Elements in the African Agenda in World Affairs / M. Cottam, Chih-yu Shih. Contending Dramas: A Cognitive Approach to International Organizations. N.Y.: Praeger, 1992. P. 211-226
106. Bloom W. Personal Identity, National Identity and International Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 203 p.
107. Breully J. Nationalism and the State. Chicago: University of Chicago Press, 1993. 348 p.
108. Bronfenbrenner U. The Mirror Image in Soviet-American Relations: A Social Psychologist's Report // Journal of Social Issues. 1961. № 17 (3). P.45-56.
109. Brubaker R. Nationalism Reframed: Nationhood and the National Questions in the New Europe. Cambridge: University Press, 1996. 202 p.
110. Burger J. Negative Reactions to Increases in Perceived Personal Control // Journal of Personality and Social Psychology. 1989. № 56. P. 246-256.
111. Buzan B. From International System to International Society: Structural Realism and Regime Theory Meet the English School // International Organization, 1993. № 47. P. 327-352.
112. Choice and Perceived Control / C. Perlmutter, R. Monty. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum, 1979. 384 p.
113. Cognition and Categorization / E. Rosch, B. B. Lloyd. Publisher Hillsdale, N.J.: L. Erlbaum Associates; N.Y.: Halsted Press, 1978. 328 p.
114. Cognitive Perspectives on Emotion and Motivation / V. Hamilton, G. Bower, N. Frijda. Boston: Kluwer Academic Publishers, 1988. 453 p.
115. Cottam M. Contending Dramas in American Foreign Policy // M. Cottam, Chih-yu Shih. Contending Dramas: A Cognitive Approach to International Organizations. N.Y.: Praeger, 1992. P. 75-100.
116. Cottam M. Foreign Policy Decision Making: The Influence of Cognition. Boulder: Westview, 1986. 262 p.
117. Cottam M. Recent Developments in Political Psychology / M. Cottam, Chih-yu Shih. Contending Dramas: A Cognitive Approach to International Organizations. N.Y.: Praeger, 1992. P. 1-18.
118. Cottam M. The Carter Administration's Policy Towards Nicaragua: Images, Goals and Tactics// Political Science Quarterly, 1992. № 197. P. 123-146.
119. Cottam M., McCoy D. Image Change an Problem representation after the Cold War / D. Sylvan, J. Voss. Problem Representation in Foreign Policy Decision Making. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1998. P. 116-144.
120. Cottam R. Foreign Policy Motivation: A General Theory and a Case Study. Pittsburgh: University Press, 1977. P. 62-80.

121. Crawford Young M. The National and Colonial Question and Marxism: A View from the South./ A. Motyl. Thinking Theoretically about Soviet Nationalities: History and Comparison in the Study of the USSR / N.Y.: Columbia Univ. Press, 1995. P. 67-97.
122. Crocker J., Luhtanen R. Collective Self-Esteem and Ingroup Bias // Journal of Personality and Social Psychology. 1990. P. 60-67.
123. Dabrowski M., Antezak R. Economic Transition in Russia, Ukraine and Belarus: A Comparative Perspective» // B. Kaminski (ed.). «Economic Transition in Russia and the New States of Eurasia» / «The International Politics of Eurasia», vol. 8 (Armonk. N.Y.: M. E. Sharpe, 1996), p. 77
124. Davis Th. C. Revisiting Group Attachment: Ethnic and National Identity// Political Psychology. Vol. 20. № 1. 1999. P. 25-43.
125. Dekker H., Malova D., Hoogendoorn S. Nationalism and its Explanations. Paper presented at the Twenty-second Annual Scientific Meeting of the International Society for Political Psychology . Amsterdam, the Netherlands. 1999. 31 p.
126. Dessler D. What's at Stake in the Agent-Structure Debate // International Organization, 1989. N 43. P. 441-473.
127. Deutsch K. W. Political Communication and the North Atlantic Arena. Princeton: Princeton University Press, 1957. 228 p.
128. Deutsch K. W. The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control. London: Free Press of Glencoe, 1963. 316 p.
129. De Vos G. A Psychocultural Approach to Ethnic Interaction in Contemporary Research / M.T. Bernal, G.P. Knight Ethnic Identity: Formation and Transmission among Hispanic and Other Minorities. Albany: SUNY Press, 1993. P. 235-268.
130. Doran C.F., Hill K.Q., Mladenka K. Threat, Status, Disequilibrium, and National Power// British Journal of International Studies. 1979. № 5. P. 37-58.
131. Dore R.P. The Prestige Factor in International Affairs // International Affairs. 1975.№ 51. P. 190-207.
132. Downing J. Internationalizing Media Theory. Transition, Power, Culture L.: Sage Publications, 1996. P. 296.
133. Downs M., Drummond J. Power's Call to Arms: Towards a Psychological Theory of Ethno-Political War . Paper presented in panel at the Twenty- Second Annual Scientific Meeting of International Society for Political Psychology. Amsterdam, The Netherlands, July 19, 1999. 33 p.
134. Drake W., Nikolaïdis K. Ideas, Interests and Institutionalization: Trade in Services' and the Uruguay Round/ P. Haas. Knowledge, Power , and International Policy Coordination. // International Organization, 1992. № 1. Issue 46. P. 37-100.
135. Dweck C., Leggett E. A Social-Cognitive Approach to Motivation and Personality // Psychological Review. 1988. № 95. P. 256-273.
136. Fetherstonhaugh D., Slovic P., Johnson S., Friedrich J. Insensitivity to the Value of Human Life: A Study of Psychophysical Numbing / H. J. Langholz. The Psychology of Peacekeeping. Westport, Con., London : Praeger, 1998. P. 75-87.
137. Finlay D., Holsti O., Fagen R. Enemies in Politics. Chicago, Ill.: Rand McNally and Company, 1967. 257 p.
138. Fisher R.J. The Social Psychology of Intergroup and International Conflict Resolution. N.Y.: Springer-Verlag, 1990. 277 p.
139. Fiske S., Neuberg S., Beattie A., Milberg S. Category-Based and Attribute-Based Reactions to Others: Some Informational Conditions of Stereotyping and

- Individuating Processes // *Journal of Experimental Psychology*. 1987. №23. P. 399-407.
140. Fiske S., Taylor Sh. *Social Cognition*. McGraw-Hill, Inc., 1991. 717 p.
141. Folkman S. Personal Control and Stress and Coping Processes: A Theoretical Analysis // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1984. № 46. P. 839-852.
142. Friedberg A. L. *The Weary Titan. Britain and the Experience of Relative Decline, 1985-1905*. Princeton, N. J.: Princeton Univ. Press, 1988. P. 290-291.
143. Gekas V. The Self-Concept // *Annual Review of Sociology*. 1982. №8. P.1-33.
144. George A. L. The "Operational Code": A Neglected Approach to the Study of Political Leaders and Decision Making / G.J. Ikenberry. *American Foreign Policy. Theoretical Essays*. Glenview, Ill., Boston, L.: Scott, Foresman and Company, 1989. P. 483-506.
145. Haas E. Collective Learning: Some Theoretical Speculations / G.W. Breslauer, Ph.E. Tetlock. *Learning in US and Soviet Foreign Policy*. Westview Press, 1991. P. 62-99.
146. Haas E. *When Knowledge is Power. Three Models of Change in International Organizations*. Berkeley: University of California Press, 1990. 266 p.
147. Haas P. Banning Chlorofluorocarbons: Epistemic Community Efforts to Protect Stratospheric Ozone / P. Haas. *Knowledge, Power , and International Policy Coordination*. // *International Organization*, 1992. № 1. Issue 46. 1992. P. 187-225.
148. Haas P. Do Regimes Matter? Epistemic Communities and Mediterranean Pollution Control // *International Organization*, 1989. № 43. P. 377-403.
149. Haas P. Introduction: Epistemic Communities and the Dynamics of International Policy Coordination/ P. Haas. *Knowledge, Power , and International Policy Coordination*. // *International Organization*, 1992. № 1. Issue 46. 1992. P. 1-35.
150. Hall S. The Question of Cultural Identity / J.V. Deth, E. Scarbrough. *The Impact of Values*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1995. P. 119-125.
151. Hasenclever A., Mayer P., Rittberger V. *Theories of International Regimes*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997. 248 p.
152. Herrmann R. *Perception and Behavior in Soviet Foreign Policy*. Pittsburg: Univ. of Pittsburg Press, 1985. 266 p.
153. Herrmann R. *Perception and Foreign Policy Analysis* / D.A. Sylvan, S. Chan. *Foreign Policy Decision-making: Perception, Cognition and Artificial Intelligence* N.Y.: Praeger, 1984. P. 25-52.
154. Herrmann R. The Power of Perceptions in Foreign Policy Decision Making. Do Views of the Soviet Union Determine the Policy Choices of American Leaders? // *American Journal of Political Science*, 1986. № 30. P. 831-875.
155. Hirshberg M. The Self-Perpetuating National Self-image: Cognitive Biases in Perceptions of International Interventions // *Political Psychology*, 1993. № 10. P. 77-98.
156. Holmes L. *Post-Communism: An Introduction*. Cambridge: Polity Press, 1997. 384 p.
157. Holsti K. J. National Role Conceptions in the Study of Foreign Policy // *International Studies Quarterly*. 1970. № 14. P. 286.
158. Holsti O. R. *The Belief System and National Image: A Case Study*/ J.N. Rosenau. *International Politics and Foreign Policy*. N.Y.: Free Press, 1969. P. 543-550.

159. Holsti O. R., Rosenau J. N. *American Leadership and World Affairs: Vietnam and Breakdown of Consensus*. Boston: Allen and Unwin, 1984. 301 p.
160. Horowitz D. L. *The Deadly Ethnic Riot*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2001. 588 p.
161. Huddy L. *From Social to Political Identity: A Critical Political Examination of Social Identity Theory* // *Political Psychology*. 2001. Vol. 22. № 1. P. 127-156.
162. Huntington S. *The Clash of Civilizations* // *Foreign Affairs*. 1993. Vol. 72. № 3. P. 22-43.
163. Hveem H. *Foreign Policy Opinion as a Function of International Position* // *Cooperation and Conflict*, 1972. № 7. P. 65-86.
164. Ingram R. *Affective Confounds in Social –Cognitive Research* // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989. № 57. P. 715-722.
165. Jervis R. *Perception and Misperception in International Politics*. Princeton: Princeton University Press, 1976. 445 p.
166. Jervis R. *Political Psychology - Some Challenges and Opportunities* // *Political Psychology*, 1989. № 10. P. 481-495.
167. Julius D.A. *The Genesis and Perpetuation of Aggression in International Conflicts* / V.D. Volkan, D.A. Julius, J.V. Montville. *The Psychodynamics of International Relationships*. Vol. 1: *Concepts and Theories*. Lexington: Lexington Books, 1991. P. 70-109.
168. Kaiser R.J. *The Geography of Nationalism in Russia and the USSR*. Princeton: Princeton University Press, 1994. 471 p.
169. Kaldor M. *New and Old Wars. Organized Violence in a Global Era*. Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1999. P. 69-89.
170. Kasson J. *Rudeness and Civility: Manners in nineteenth century urban America*. N.Y.: Noonday Press, 1991. 305 p.
171. Keane J. *Nations, Nationalism and European Citizens* / S. Periwal. *Notion of Nationalism*. Budapest: CEU Press, 1995. P. 182-207.
172. Kecmanovic D. *The Mass Psychology of Ethnonationalism*. N.Y., L.: Plenum Press, 1996. 244 p.
173. Kellas J.G. *The Politics of Nationalism and Ethnicity*. St. Martin's Press, 1998. 246 p.
174. Kennedy P., Danks K. J. *Globalization and National Identities*. St. Martin's Press, 2000. 274 p.
175. Kharhordin O. *The Collective and Individual in Russia: A Study of Practices*. Berkeley: University of California Press, 1999. 418 p.
176. Koopman Ch. *Political Psychology as a Lens for Viewing Traumatic Events* // *Political Psychology* 1998. Vol. 18. № 4. 1997. P. 831-847.
177. Koslovski R., Kratochwil F. *Understanding Change in International Politics: The Soviet Empire's Demise and the International Trade* // *International Organization*, 1994. № 48. P. 215-247.
178. Kruger J, Rothbart M., Sriram N. *Category Learning and Change: Differences in Sensitivity of Information That Enhance or Reduces Intercategory Distinctions* // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1989. 56/6. P. 866-875.
179. Kuran T. *Now out of Never: the Role of Surprise in the East European Revolution of 1989* // *World Politics*, 1991. № 1. P. 7-48.
180. Laitin D.D. *Identity in Formation: The Russian-Speaking Populations in the Near Abroad*. Cornell University Press, 1998. 418 p.

181. Larson D. *Origins of Containment: A Psychological Explanation*. Princeton: Princeton University Press, 1985. 365 p.
182. *Learning in US and Soviet Foreign Policy* / G. Breslauer, Ph. Tetlock. Boulder, San Francisco. Oxford: Westview Press, 1991. 881 p.
183. Lebow R.N. *Between Peace and War: the Nature of International Crisis*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1981. 350 p.
184. Levin Sh., Sidanius J., Rabinowitz J., Federico Ch. *Ethnic Identity, Legitimizing Ideologies, and Social Status: A Matter of Ideological Asymmetry* // *Political Psychology*. Vol. 19. № 2, 1998. P. 373-404
185. Lipset C.M. *Political Man: The Social Basis of Politics*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1981. Chs. 13, 15.
186. Lukic R., Lynch A. *Europe from Balkans to the Urals: The Disintegration of Yugoslavia and the Soviet Union*. Oxford: Oxford University Press, 1996. Ch. 17.
187. Macionis J. *Sociology*. Prentice Hall, Upper Saddle River, New Jersey: Simon and Schoster, 1999. 700 p.
188. Mack J.E. *The Enemy System* // V.D. Volkan, D.A. Julius, J.V. Montville. *The Psychodynamics of International Relationships*. Vol. 1: Concepts and Theories. Lexington: Lexington Books, 1991. P. 57-69.
189. Mack J.E. *The Psychodynamics of Victimization among National Groups in Conflict* // V.D. Volkan, D.A. Julius, J.V. Montville. *The Psychodynamics of International Relations Volume 1: Concepts and Theories*. Lexington, Mass., Toronto: Lexington Books, 1991. P. 119-129.
190. Marcel A.J. *Conscious and Unconscious Perception: An Approach to the Relations between Phenomenal and Perceptual Processes* // *Cognitive Psychology*, 1987. № 15. P. 238-300.
191. March J., Olsen J. *Rediscovering Institutions: The Organizational Basis of Politics*. N.Y.: Free Press, 1989. 227 p.
192. Martin D-C. *The Choice of Identity* // *Social Identities*. 1995. 1:1. P. 5-20.
193. Maynes Ch. *America Without the Cold War* // *Foreign Policy*, 1990. № 78. P. 3-25.
194. McInerney A. *Prospect Theory and Soviet Policy Towards Syria, 1966-1967* // B. Farnham. *Avoiding Losses / Taking Risks: Prospect Theory in International Relations*. Ann Arbor: The Univ. of Michigan Press, 1994. P. 101-118.
195. Mead G.H. *Mind, Self, and Society: From the Standpoint of Social Behaviorism*. The Univ. of Chicago Press, 1934. 400 p.
196. Mearsheimer J. *Back to the Future: Instability in Europe After the Cold War* // *International Security*, 1990. № 15. P. 5-56.
197. Monteith M., Devine P., Zuwerink J. *Self-Directed versus Other-Directed Affect as a Consequence of Prejudice-Related Discrepancies* // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1993. № 64. P. 198-210.
198. Moses R. *On Dehumanizing the Enemy* // V.D. Volkan, D.A. Julius, J.V. Montville. *The Psychodynamics of International Relations Volume 1: Concepts and Theories*. Lexington, Mass., Toronto: Lexington Books, 1991. P. 111-118.
199. Moses R. *Self, Self-view and Identity* // V.D. Volkan, D.A. Julius, J.V. Montville. *The Psychodynamics of International Relationships*. Volume 1: Concepts and Theories. Lexington: Lexington Books, 1991. P. 47-55.

200. Moses R. Shame and Entitlement: Their Relation to Political Process // V.D. Volkan, D.A. Julius, J.V. Montville. The Psychodynamics of International Relations Volume 1: Concepts and Theories. Lexington, Mass., Toronto: Lexington Books, 1991. P. 131-141.
201. Mueller H. The Internalization of Principles, Norms, and Rules by Governments: The Case of Security Regimes // Rittberger V. Regime Theory and International Relations. Oxford: Clarendon Press, 1993. P. 361-388.
202. Murray Sh. Anchors against Change: American Opinion Leaders' Beliefs after the Cold War. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1996. 201 p.
203. Nationalism and Nationalities in the New Europe / Ch. Kupchan. Ithaka: Cornell Univ. Press, 1995. 224 p.
204. Neumann I. B. Self and Other in International Relations // International Relations, Volume 2. № 2. June 1996. P. 139-174.
205. New States, New Politics: Building the Post-Soviet Nations // Ed. by I. Bremmer, R. Taras. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 743 p.
206. Nye J. Nuclear Learning and U.S.-Soviet Security Regimes // International Organization, 1987. № 41. P. 371-402.
207. Orlov V., Safranchuk I. Nuclear weapons: The Russian public speaks // Bulletin of the Atomic Scientists. January/February 2000. Available-<http://www.pircenter.org/board/article.php>
208. Ottain V.C., Wyer R.S. Affect and Political Judgment // S. Iyengar, W.J. McGuir Explorations in Political Psychology. Duke University Press, 1993. P. 296-315.
209. Parekh B. Discourses on National Identity // Political Studies, 1994. № 42. P. 503-504.
210. Pavelchak M. Piecemeal and Category – Based Evaluation: An Ideographic Analysis// Journal of Personality and Social Psychology, 1989. № 56. P. 354-363.
211. Poppe E. Effects of Nationalism, Patriotism and Economic Dissatisfaction on Positive In-group Stereotypes and Derogation of Ethnic and National Outgroup. Paper presented at the Twenty-second Annual Scientific Meeting of the International Society for Political Psychology. Amsterdam, the Netherlands. 1999. 17 p.
212. Prizel I. National Identity and Foreign Policy: Nationalism and Leadership in Poland, Russia and Ukraine. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 464 p.
213. Psychological Models in International Politics / L.S.Falkowski. Boulder, Colo.: Westview Press, 1979. 312 p.
214. Renshon S. A. The Psychological Assessment of Presidential Candidates. N.Y.: Routledge , 1998. 515 p.
215. Reychler L. Patterns of Diplomatic Thinking. N.Y.: Praeger, 1979. 395 p.
216. Risse-Kappen T. Ideas Do Not Float Freely: Transnational Coalitions, Domestic Structures, and the End of the Cold War // International Organization, 1994. № 48. P. 185-214.
217. Role Theory and Foreign Policy Analysis / S. Walker. Durham: Duke University Press, 1987. 304 p.
218. Rothbart M., John O. Social Categorization and Behavioral Episodes: A Cognitive Analysis of the Effects of Inergroup Contact // Journal of Social Issues, 1985. № 3, P. 81-104.

219. Sagan S.D. Why Do States Build Nuclear Weapons? Three Model in Searching a Bomb // *International Security*. Winter 1996/97. P. 54-86.
220. Schafer M. Issues in Assessing Psychological Characteristics at Distance: an Introduction to symposium // *Political Psychology*, 2000. Vol. 21. № 3. P. 511-527.
221. Schelling T. *Micromotives and Macrobehavior*. N.Y.: Norton, 1978. 252 p.
222. Shih Chin-yu. A Cognitive Approach to International Organization: Perspective and Application // *Behavioral Science*. 1989. № 34. P. 176-199.
223. Shih Chih-yu. Seeking Common Causal Maps: A Cognitive Approach to International Organization // M.L. Cottam, Chih-yu Shih. *Contending Dramas: A Cognitive Approach to International Organization*. N.Y., L.: Praeger, 1992. P. 39-56.
224. Shiraev E., Glad B. Generational Adaptations to the Transition // B. Glad, E. Shiraev. *The Russian Transformation: Political, Sociological and Psychological Aspects*. N. Y.: St. Martin's Press, 1999. P. 167-178.
225. Skobla D. Slovak National Identity, Slavophilia and Europe // *Философский век, альманах, выпуск 16: Европейская идентичность и российская ментальность* / Под ред. Т.В. Артемьевой, М.И. Микешина. СПб, 2001. С. 179-189.
226. Smith A. D. *The Ethnic Origins of Nations*. Oxford: Blackwell, 1986. 312 p.
227. Srull Th., Wyer R.Jr. Person Memory and Judgment // *Psychological Review*, 1989. V. 96. P. 58-83.
228. Steans J. *Gender and International Relations: An Introduction*. Cambridge, UK: Polity Press, 1998. 224 p.
229. Stein H.F. The Indispensable Enemy and American-Soviet Relations // V.D. Volkan, D.A. Julius, J.V. Montville. *The Psychodynamics of International Relationships*. Vol. I: Concepts and Theories. Lexington: Lexington Books, 199. P. 71-96.
230. Stephen T. *International Communication, History and Intercultural Coherence* / F.L. Casmir. *Communication in Eastern Europe. The Role of History, Culture and Media in Contemporary Conflicts*. Mahwah, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1995. P. 5-25.
231. Stereotyping and Prejudice: Changing Conceptions / D. Bar-Tal, F. Graumann, A. Kruglanski, W. Stroebe. N.Y.; Berlin: Springer-Verlag, 1989. 273 p.
232. Stoessinger J. *Nations in Darkness*. N.Y.: Random House, 1975. 313 p.
233. Stokes G. Lessons of East Europe Revolutions of 1989 // *Problems of Communism*. 1991. № 40, September. P. 19.
234. Suedfeld P. Reactions to Societal Trauma: Distress and/or Eustress // *Political Psychology*. Vol. 18. № 4. 1997. P. 849-861.
235. Tajfel H., Turner J. *The Social Identity Theory of Intergroup Behavior* // S. Worchel, W. Austin. *Psychology of Intergroup Relations*. Chicago: Nelson Hall, 1986. P. 7-24.
236. Taylor Sh. *Positive Illusions: Creative Self-Deception and the Healthy Mind*. N.Y.: Basic Books, 1989. 301 p.
237. *The Social Construction of Reality: a Treatise in the Sociology of Knowledge* / Peter L. Berger and Thomas Luckmann. Garden City, N.Y.: Doubleday Anchor, 1967. 219 p.
238. *The State of the Nation: Ernest Gellner and the Theory of Nationalism* / Hall J.A. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 326 p.

239. Thinking Theoretically About Soviet Nationalities: History and Comparison in the Study of the USSR / A.J. Motyl. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1992. 284 p.
240. Thompson J. How Could Vietnam Happen? An Autopsy / M. Halperin, A. Kanter. Readings in American Foreign Policy: Bureaucratic Perspectives. Boston: Little Brown, 1987. Pp. 98-110.
241. Triandis H.C. Theoretical Concepts that are Applied to the Analysis of Ethnocentrism // R.W. Brislin. Applied Cross-Cultural Psychology: Newbury Park, CA: Sage, 1990. P. 34-55.
242. Turner J.C., Hogg M.A., Oakes P.J., Reicher S.D., Wetherell M.S. Rediscovering the Social Group: a Self-categorization Theory. Oxford: Blackwell, 1987. 239 p.
243. van Amersfoort H. Institutional Plurality: Problem of Solution for the Multiethnic State? / S. Periwal. Notion of Nationalism. Budapest: CEU Press, 1995. Pp. 162-181.
244. Vertzberger Y. Misperceptions in Foreign Policy Making: The Sino-Indian Conflict, 1959-1962. Boulder, Colo.: Westview Press, 1984. 377 p.
245. Vertzberger Y. The Antinomies of Collective Political Trauma: A Pre-Theory // Political Psychology. Vol. 18. № 4. 1997. P. 863-867.
246. Vertzberger Y. The World in Their Minds: Information Processing, Cognition, and Perception in Foreign Policy Decision Making. Stanford: Stanford Univ. Press, 1990. 447 p.
247. Volkan V.D. An Overview of Psychological Concepts of Pertinent to Interethnic and/or International Relations // V.D. Volkan, D.A. Julius, J.V. Montville. The Psychodynamics of International Relationships. Volume I: Concepts and Theories. Lexington: Lexington Books, 1991, P. 31-46.
248. Volkan V.D. Psychological process in Unofficial Diplomacy Meetings // V.D. Volkan, D.A. Julius, J.V. Montville. The Psychodynamics of International Relationships. Volume II: Unofficial Diplomacy at Work. Lexington: Lexington Books, 1991. P. 207-222.
249. Walker St. National Role Conceptions and Systemic Outcomes // L.S. Falkowski. Psychological Models in International Politics. Boulder, Colo.: Westview Press, 1979. P. 169-210.
250. Walker St. Symbolic Interactionism and International Politics: Role Theory's Contribution to International Organization / M.L. Cottam, Chih-yu Chin. Contending Dramas. A Cognitive Approach to International Organizations. N.Y., L.: Praeger, 1992. P. 19-38.
251. Waltz K. The New World Order // Millennium, 1993. № 22. P. 187-195.
252. Warburton D. Emotional and Motivational Determinants of Attention and Memory // V. Hamilton, C. Bowler, N. Frijda. Cognitive Perspectives on Emotion and Motivation. Boston: Kluwer Academic Press, 1984. P. 190-215.
253. Weaver O., Buzan B., Kelstrup M., Lemaitre P. Identity, Migration and the New Security Agenda in Europe. London: Pinter Publishers, 1993. 221 p.
254. Wendt A. Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics // International Organization, 1992. № 46. P. 391-425.
255. Wendt A. Collective Identity Formation and the International State // American Political Science Review, 1994. № 88. P. 384-396.

-
256. Wendt A., Duvall R. Institutions and International Order / E.O. Czemi-
piel, J.N. Rosenau. Global Changes and Theoretical Challengers: Approaches to the
World Politics for the 1990s. Lexington, Mass.: Lexington Books 1989. P. 51-73.
257. White R.K. Fearful Warriors: A Psychological profile of US-Soviet
Relations. N.Y.: The Free Press, 1984. 374 p.
258. White R.K. Misperceptions and the Vietnam War // Journal of Social
Issues. 1966. № 22 (3). Pp. 1-164.
259. White R.K. Misperceptions in the Arab-Israeli Conflict // Journal of
Social Issues. 1977. № 33 (1). P. 190-221.
260. White R.K. Nobody Wanted War: Misperceptions in Vietnam and other
Wars. Garden City, N.Y.: Doubleday, 1970. 386 p.
261. Wilpert C. Ethnic and Cultural Identity: Ethnicity and the Second Gen-
eration in the Context of European Migration / K. Liebkind. New Identities in Europe.
Aldershot, UK: Gower, 1989. P. 6-24.
262. Wodak R., Cillia R. de, Reisingl M., Liebhart K. The Discursive Con-
struction of National Identity. Edinburg: Edinburg University Press, 1999. 224 p.
263. Wohlforth W. C. The Stability of a Unipolar World // International Se-
curity. Summer 1999. P. 5-41.
264. Young M.D., Schafer M. Ways of Assessing Cognition in International
Relations // Mershon International Studies Review, 1998. № 42. P. 66-96.
265. Zajonc R.B. Feeling and Thinking: Preferences Need No Inferences //
American Psychologist, 1980. № 35. P. 151-175.

Учебное издание

Смирнова Анна Геннадьевна
Киселев Игорь Юрьевич

Идентичность в меняющемся мире

Редактор, корректор А.А. Аладьева
Компьютерная верстка И.Н. Ивановой

Лицензия ЛР № 020319 от 30.12.96.

Подписано в печать 29.12.2001. Формат 60×84/16. Бумага тип. Печать
офсетная. Усл. печ. л. 17,44. Уч.-изд. л. 16,03.
Тираж 150 экз. Заказ .

Оригинал-макет подготовлен
редакционно-издательским отделом ЯрГУ.

Отпечатано на ризографе.
ТОО НПП “Траст”, г. Ярославль, ул Свободы, 97.